З.С.Шейнис

Солдаты революции

Ф.А.Артем С.М.Мирный
А.Д.Цюрупа Е.Н.Жданович
Я.А.Берзин В.А.Кугушев
М.М.Литвинов
А.К.Чумак
М.Ю.Козловский

«Советская Россия»

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).
ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ и РЕНЕГАТЪ КАУТСКІЙ
РАБОЧІЙ
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Н. ЛЕНИНЪ.
БОРЬБА ЗА ХЛѢБЪ
ИЗВѢСТІЯ
27 октября 1917 г.
Центральнаго
и петроградскаго
Декретъ
принятый единогласно
россійскаго Съѣзда
Декларація правъ
Тезисы тов. Ленина
о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
Къ Гражданамъ Россіи.
Временное Правительство низложено. Госуда
ственная власть перешла въ руки органа Петр
градскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депут
товъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящ
во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарниз
немедленное
ИЗВѢСТІЯ
№ 209 Суббота 28 октября 1917 г.
ЦѢНА: въ Петроградѣ 15 коп.
Центральнаго Исполнительнаго Комитета
и Петроградскаго Совѣта
РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.
ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ
И КРЕСТЬЯНАМЪ
КОМИТЕТА
ДЕПУТАТОВЪ.
МИРЪ,
на засѣданіи Все

З. С. Шейнис

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

...ЭТИ ОБРАЗЦЫ БОРЬБЫ ДОЛЖНЫ
СЛУЖИТЬ НАМ МАЯКОМ
В ДЕЛЕ ВОСПИТАНИЯ
НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ БОРЦОВ.

В. И. ЛЕНИН

З. С. Шейнис

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

(Девять
портретов)

Издательство
«Советская Россия»
Москва
1978

9(С)2
Ш39

Шейнис З. С.

Ш39 Солдаты революции (Девять портретов). М., «Сов. Россия», 1978.

304 с.

Книга состоит из очерков, посвященных таким деятелям ленинской партии, как Ф. А. Артем-Сергеев, А. Д Цюрупа, Я. А. Берзин, М. М. Литвинов. М Ю Козловский. Автор выступает и как исследователь жизни и деятельности малоизвестных борцов революции — в книгу вошли очерки о А. К. Чумаке, С. М. Мирном, Е Н. Жданович, В. А. Кугушеве.

В основе всех работ — интересные изыскания, находки, собранные по крупицам из различных архивов и фондов.

Ш $\frac{10302-042}{М-105(03)78}$ Б3—57—1977—1 9(С)2

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЕ

Вот уже шестьдесят лет в мире стремительно растет интерес к теме Октября. Юбилейный год приковал к ней еще более пристальное внимание. Это объясняется тем влиянием, которое оказала Великая Октябрьская социалистическая революция на ход мировой истории.

Особый интерес в связи с шестидесятилетием Октября вызывают люди той героической поры, ленинская гвардия. Опираясь на эту гвардию, вместе с ней В. И. Ленин поднял народные массы старой России на подвиг во имя создания нового человеческого общества.

За последние годы в нашей стране вышло много книг, посвященных деятелям ленинской партии. Это и художественные произведения, в которых ярко и образно раскрыты характеры и деяния революционеров. Это и публицистические произведения, документальные повести и рассказы о людях революции.

К этому последнему жанру документальной литературы относится и книга З. Шейниса, выпускаемая издательством «Советская Россия». Читающей публике автор этой книги известен многими своими публикациями о деятелях русской революции. Известны и семь из девяти документальных повестей и очерков, включенных в данную книгу. Это «Янки из Курской губернии», «Миссия Яна Берзина», «Дипломатическое поручение», «Жизнь и гибель Андрея Чумака», «История одного судебного процесса», «Студент Софийского университета», «Повесть о князе Кугушеве, беспартийном большевике». Они публиковались в журналах «Юность» и «Москва» и с большим интересом были встречены читателями. Для нынешнего издания автор дополнил свои очерки новыми, весьма интересными материалами.

В книгу вошли новые работы: одна — «Комиссар продовольствия», посвященная видному деятелю большевистской партии Александру Дмитриевичу Цюрупе, и другая — «Былое» — о Елене Николаевне Жданович, члене КПСС с 1916 года, человеке большой, интересной судьбы.

Всего книга содержит девять документальных повестей и очерков — девять глав, в которых речь идет о девяти героях. На самом деле действующих лиц здесь значительно больше. И что самое главное, самое важное —

одним из главных героев всей книги является Владимир Ильич Ленин. Он активно действует на всех страницах книги. И вместе с ним действуют все герои этой книги — комиссар продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа, любимец российского пролетариата, человек легендарной судьбы Федор Андреевич Артем-Сергеев, не менее легендарная личность — революционер и дипломат Ян Антонович Берзин, широко известный советскому народу и далеко за пределами нашей страны Максим Максимович Литвинов. Другие главы посвящены председателю Малого Совнаркома в первые годы Советской власти Мечиславу Юльевичу Козловскому и таким работникам нашей партии, как Андрей Кондратьевич Чумак, Семен Максимович Мирный, Елена Николаевна Жданович и бывший князь Вячеслав Александрович Кугушев, которого Яков Михайлович Свердлов справедливо назвал «беспартийным большевиком». Все герои книги — люди удивительной судьбы, бесконечно преданные делу Октября, строительству нового человеческого общества. Они принадлежат к той плеяде борцов, о которых В. И. Ленин сказал, что они отдавали революции не одни только свободные вечера, а всю жизнь.

В основе всех работ З. Шейниса — научный поиск, изыскания, уникальные находки в Центральном партийном архиве, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, Архиве внешней политики, других сокровищницах, хранящих бесценные материалы о деятелях ленинской партии и революционном движении в России. Особо следует подчеркнуть, и даже неискушенный читатель в этом сможет убедиться, что автор собирал эти материалы в архивах по крупицам, ибо они сосредоточены в разных фондах и коллекциях. Автор впервые опубликовал архивные документы большой значимости. В частности, впервые напечатаны интересные материалы о Яне Антоновиче Берзине, Андрее Кондратьевиче Чумаке, Семене Максимовиче Мирном, Вячеславе Александровиче Кугушеве, Елене Николаевне Жданович. И даже в очерках об Александре Дмитриевиче Цюрупе и Федоре Андреевиче Артеме-Сергееве, о которых уже написаны книги и статьи, З. Шейнисом введены в оборот совершенно новые материалы, представляющие большой научный и общественный интерес. При этом важно следующее: герои книги действуют как проводники линии

партии, ее верные солдаты. И в то же время широко показана — и это надо еще раз подчеркнуть — роль Центрального Комитета нашей партии, роль В. И. Ленина.

Читатель, возможно, обратит внимание еще на одно обстоятельство, а именно на тот факт, что ряд героев книги — выходцы из среды российской интеллигенции, а некоторые из них — Артем-Сергеев и Чумак — представляют здесь революционное воинство из рабочего класса. В действительности же в документальных повестях — и в «Комиссаре продовольствия», и в «Янки из Курской губернии», а также в других очерках живут, действуют, борются лучшие сыны рабочего класса в братском единении с большевиками — выходцами из интеллигентной среды, отдавшими свои силы борьбе за освобождение рабочего класса России от гнета, эксплуатации.

Важной особенностью книги является также то, что она глубоко интернациональна по составу героев, по своему содержанию и духу. Ее герои — представители разных национальностей: русские, украинцы, латыши, поляки, представители других национальностей. И все они — российские революционеры, объединенные одной идеей, одним стремлением — служить народу.

Но интернациональный характер книги З. Шейниса этим не исчерпывается. В ней проходит целая галерея революционных борцов из других стран. В документальном очерке «Жизнь и гибель Андрея Чумака» — это американцы Билл Хейвуд, чей прах покоится на Красной площади в Москве, и известный прогрессивный деятель Соединенных Штатов Америки Юджин Дебс, а также знаменитый американский писатель Джек Лондон, о котором приведены новые факты, характеризующие его интерес к России, к революционным событиям.

Взаимосвязь революционеров России с мировым революционным движением, жгучий интерес и сочувствие, которые вызвал Октябрь в других странах, ярко и образно показаны и в других разделах этой книги. В «Миссии Яна Берзина» представлены такие яркие личности, как Аллан Валлениус, швед по национальности, ставший русским коммунистом, швейцарский революционер Фриц Платтен, горячий и самоотверженный друг Советской России. В «Студенте Софийского университета» проходит целая плеяда болгарских революционеров. Это и основатель Болгарской коммунистической партии Ди-

митр Благоев, и его выдающиеся соратники Георгий Димитров и Васил Коларов, и рядовые болгарские революционеры, беспредельно преданные делу Октября. В «Повести о князе Кугушеве, беспартийном большевике» приведены ранее неведомые факты о связи русского и болгарского революционного движения, о деятельности Димитра Благоева в России, где участником его кружка стал молодой князь Вячеслав Кугушев. В начале этого века под влиянием Александра Дмитриевича Цюрупы Кугушев сблизился с большевиками, а после Октября, по поручению Ленина и Свердлова, выполнил важную и опасную миссию в тылу колчаковских армий.

Октябрьская революция вызвала огромный интерес в странах Западной Европы. В среде рабочего класса и передовой интеллигенции возникло движение «Руки прочь от Советской России». Читатель найдет об этом движении интересные факты. В частности, в «Дипломатическом поручении» рассказывается, как датские коммунисты охраняли от белогвардейцев советского дипломата и его сотрудниц, направленных В. И. Лениным в Копенгаген, чтобы установить дипломатические и торговые отношения с западными странами и вызволить русских военнопленных, оказавшихся в Дании и других странах после первой мировой войны. В «Янки из Курской губернии» показана дружба русских революционных эмигрантов с австралийским рабочим классом.

Все эти и многие другие факты, приведенные в книге, чрезвычайно важны. Они иллюстрируют интернациональный характер Октября, его притягательную силу, влияние на мировое революционное движение, на миросозерцание людей во всех странах. Вряд ли следует подчеркивать, насколько важна такая книга для советского читателя любого возраста, но особенно для молодого поколения, для формирования его сознания в духе гордости за свою Родину, в духе уважения к старшим поколениям, отстоявшим дело Октября.

Можно не сомневаться в том, что книга эта, дающая широкую панораму деятельности революционеров ленинской школы до Октября и в первые годы Советской власти, написанная в яркой публицистической форме, порой остросюжетная, привлечет внимание широких кругов читателей в нашей стране и наших друзей за рубежом.

Ростислав Лавров

ЯНКИ ИЗ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Этот чистый, чаровавший все сердца образ должен жить, чтобы и после смерти служить великому делу коммунизма — надежде угнетенного человечества.

(Из воспоминаний современника)

В июле 1921 года в городах Южной Австралии происходили какие-то странные и непонятные события. Королевская семья в своем Букингемском дворце в Лондоне пребывала в полном здравии, никто из некоронованных королей величайшей в те времена Британской империи не отправился в мир иной, а в Австралии, доминионе империи, был траур. Не в правительственной резиденции, не в особняках знати. Траур был в рабочих кварталах Брисбена, Сиднея, Мельбурна, в городках Новой Зеландии и в лесах Тасмании: лесорубы, грузчики, горняки, трамвайщики — простой люд надел нарукавные траурные повязки. Полиция не могла понять, в чем дело. А по всему континенту из уст в уста летела печальная весть: наш русский друг погиб! И люди повторяли: Фреди погиб! А иные, с трудом выговаривая русское имя, передавали друг другу: Федор погиб!

Кто же был этот Фреди—Федор? По ком был траур в далекой Австралии зимними июльскими днями 1921 года, когда в Южном полушарии наступает пора муссонных дождей?

...Поздней осенью 1910 года на улице Ян-Ие-Пу в Шанхае к китайцу — торговцу жареными лепешками подошел европейского вида мужчина, вежливо улыбнулся, купил лепешку и тут же начал ее есть, приговаривая: «Шибко шанго!»

На следующий день утром этого человека встретил русский эмигрант. Вот что он писал:

«Проведя ночь в китайской шлюпке, я еле плелся по Бродвею (так европейцы называли одну из улиц Шан-

хая.— *З. Ш.*). На углу я заметил человека — по всему было видно, что он русский, который разглядывал вывеску английского магазина. В руках у него был карманный словарь в красном переплете. Он не обращал никакого внимания на глазевших на него прохожих и перелистывал словарь, ища необходимые слова.

Я был обрадован этой встречей. Чутье меня влекло к нему, и я старался припомнить, где я видел этого человека раньше. На нем было дешевое демисезонное пальто с бархатным воротником, синяя сатиновая косоворотка, на голове серая английская кепка. Он был среднего роста и крепкого сложения. Меня поразило это умное доброе лицо с большой силой воли. Он был брит, и на вид ему было не более 26 лет.

Настолько было сильно у меня чувство радости при этой встрече, что я тут же вступил с ним в разговор.

— Вы русский? — обратился я к нему. Он, загадочно улыбнувшись, окинул меня быстрым взглядом с ног до головы. Как видно, мы были оба довольны этой встречей и, не расспрашивая друг друга о прошлом, пошли вместе.

Мой новый приятель назвался Андреевым, а я Любимовым».

Настоящая фамилия Любимова была Наседкин. В указателе участников первой русской революции, опубликованном в Москве в конце двадцатых годов, ему уделено несколько строк: «Наседкин, Владимир Николаевич, русский, сын музыканта. Родился в 1884 году в Харькове. Прошел 5 классов реального училища. С 1903 г. по 1904 г. работал в подпольной типографии и состоял членом боевой дружины РСДРП в Харькове под кличкой «Владек»... В 1908 году бежал в Австралию. Сейчас беспартийный, работает в Харькове на производстве».

Наседкин, конечно, видел своего нового знакомого в Харькове. В 1905 году они оба находились в этом городе и принимали участие в революции. Но только фамилия человека, повстречавшегося ему в Шанхае, была не Андреев, а Сергеев, Федор Андреевич Сергеев. В рабочих кварталах Харькова, Петербурга, Перми — всюду, где он появлялся, его называли Артем.

...Он родился 7 марта 1883 года в селе Глебове Фатежского уезда Курской губернии в крестьянской семье.

Родители Сергеева переселились в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), где отец занялся подрядными строительными работами, и крестьянский сын попал в атмосферу промышленного города с развивающимся и крепнущим рабочим классом.

В 1901 году Сергеев уже в Москве — студент Высшего технического училища. Впереди карьера инженера, обеспеченное будущее. В ту пору в России инженеры — на вес золота, своих было мало, приглашали из Франции, Бельгии, других стран.

Это было время после Первого съезда Российской социал-демократической партии. О съезде Сергеев был наслышан, о том, что скоро соберется второй,— понятия не имел. А вокруг Москва: булыжные мостовые, сорок сороков церквей, кабаки, охотнорядские купцы и городовые на каждом углу. Все, казалось, построено прочно, на века, незыблемо. Но это только так казалось. Петербургский пролетариат идет впереди, но и Москва уже заявляет о себе все громче: за три года до нового века в первопрестольной начал действовать московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». На «Гужоне», на Трехгорке, в паровозных депо — всюду, где есть рабочий класс, уже живет, формируется, растет новая сила.

Но и власти не дремлют. В московской охранке служит опытнейший и хитрейший слуга: Сергей Васильевич Зубатов. В молодости он сам баловался революционными идеями, потом предал, пошел в услужение к жандармам. Когда в феврале 1917 года скинут царя, Зубатов собственноручно набросит себе на шею петлю, удавится, страшась кары народной. Но до того времени еще далеко, и начальник московской охранки Зубатов — хозяин положения, вводит новые методы в полицейскую науку: создает полицейские «рабочие союзы», пытаясь изнутри подорвать рабочее движение, разложить его.

Сергеев приехал в Москву, когда там начался подъем студенческого движения. Высшее техническое училище не стояло в стороне. Им было над чем задуматься, этим юношам, вступившим в жизнь в начале двадцатого века.

Сергеев собрал друзей, сказал, что решил создать социал-демократическую организацию. Цель — свергнуть царя, установить в России демократический строй,

Он, конечно, не знал, как будет выглядеть этот строй, но действовал решительно:

— Трусливые должны уйти, а кто выдаст Зубатову студенческую организацию — пусть пеняет на себя.

Никто не ушел, никто не выдал. Год в Высшем техническом училище под носом у Зубатова действовала социал-демократическая группа: были сходки, тайные собрания, читки ленинских произведений, беседы в рабочих кружках. Начальство не сразу разобралось, кто вожак. Но в конце 1902 года Сергеева арестовали. В следственной тюрьме продержали несколько недель, ничего от него не добились и отправили в воронежский острог, подальше от древней столицы.

В тюрьме Артем много читает, изучает английский язык. В России учиться больше не придется, надо бежать за границу, накопить знаний, а потом снова сюда на подпольную работу. После тюрьмы он оказался во Франции, в парижской Высшей русской вольной школе — туда послала его большевистская партия.

Высшая русская вольная школа, или как она иначе называлась, Высшая русская школа общественных наук, была основана на рубеже нашего века для русских политических эмигрантов. Незадолго до приезда Федора Сергеева в Париж был утвержден новый Распорядительный комитет школы во главе с известным ученым Ильей Ильичом Мечниковым, который уже много лет находился в Париже и работал в Пастеровском институте.

Преподавание в Высшей русской вольной школе согласно статье 2 устава Русской группы международного союза для развития наук, искусства и образования в Париже велось преимущественно на русском языке, а лекции читали известные русские и французские писатели, ученые, юристы. Профессорское созвездие там было весьма яркое: Климент Аркадьевич Тимирязев, Константин Дмитриевич Бальмонт, Петр Дмитриевич Боборыкин, Федор Федорович Эрисман, Анатоль Франс, Георг Брандес. В феврале 1903 года в Высшей русской вольной школе В. И. Ленин прочел курс лекций по аграрному вопросу.

Школа помещалась на улице Сорбонны, дом 16. Сергеев снял дешевую комнатку в мансарде близлежащего

дома и начал «грызть гранит науки». Большим успехом у слушателей пользовались лекции Тимирязева о дарвинизме. Читал он великолепно, увлекая слушателей, после каждой лекции его награждали шумными аплодисментами, а когда он уезжал в Петербург, все с нетерпением ждали его возвращения.

Успехом пользовался и поэт Константин Бальмонт. Высокий, очень красивый, с копной рыжих волос, Бальмонт был тогда в зените своей вскоре поблекшей славы. Еще в конце прошлого века он выпустил сборник стихов против монархии, был вынужден эмигрировать и вошел в профессорское созвездие Высшей русской вольной школы. Его звучание, напевные стихи привлекали слушателей, выступал Бальмонт и на вечерах, которые устраивала русская революционная колония.

Через год Сергеев настолько освоил французский, что начал посещать лекции Анатоля Франса, прослушал курс французской литературы. Еще не был написан «Остров пингвинов» — острая сатира на современное ему буржуазное общество, но уже тогда Анатоль Франс завоевал широкие симпатии и литературными произведениями и своей мужественной позицией во время нашумевшего дела Дрейфуса, когда вся прогрессивная Франция поднялась против клерикальной шовинистической реакции и знаменосец этого движения Эмиль Золя написал президенту Феликсу Фору свое бичующее письмо «Я обвиняю», начинавшееся словами: «Кто нагло торжествует сейчас, когда поругана безукоризненная честность и человеческие права? Вся парижская сволочь».

Сергеев с жаром и неиссякаемым любопытством листал старые газеты, расспрашивал о деталях этой борьбы. Как-то вечером, после лекции Анатоля Франса, он попросил разрешения проводить профессора. Анатоль Франс любил вечерние прогулки, и они ушли к «потухшему очагу», на набережную Малаке, где когда-то находилась книжная лавка и крошечная типография отца писателя Франсуа Тибо и где юный Анатоль Тибо впервые познакомился с братьями Гонкурами и другими знаменитостями Парижа. Они долго шли вдоль Сены — высокий грузный Анатоль Франс в своей неизменной академической шапочке и молодой русский парень из Фатежского уезда Курской губернии — и говорили о том,

что было, что должно быть,— о будущем человеческом обществе. И кто знает, быть может, именно в те годы тесного общения с русской революционной колонией, во время задушевных бесед с российскими революционерами и возникли мысли и чувства, которые с такой несокрушимой логикой и ясностью выразил семидесятишестилетний Анатоль Франс в 1920 году, заявив всей Франции: «Я большевик» — и вступив в Коммунистическую партию...

Меньше двух лет прожил Федор Сергеев в Париже. Уже близилась революционная буря; партия отозвала его в Россию. Несколько дней он провел с родителями в Екатеринославе, а затем по поручению ЦК РСДРП выехал в Харьков.

Харьков — начало нового этапа революционной деятельности Федора Сергеева, который отныне в целях конспирации получает партийный псевдоним «Артем» и остается в России надолго для подпольной борьбы, становясь профессиональным революционером, признанным вожаком харьковского пролетариата. Народ присваивает ему почетнейший «титул», не предусмотренный никакими указами: апостол рабочего дела.

Благодаря каким же человеческим качествам его так называют?

Современники, знавшие Артема в те годы, так определили черты его характера: он честен, неподкупен, стоически выдерживает любые трудности, беспредельно предан рабочему классу. Вот одна из характеристик того времени:

«Он и по внешности живет, как апостол, как «птица небесная». Он не имеет ни денег; ни свободной одежды, ни крова. У него нет угла, где он мог бы остаться один и отдохнуть. Он ночует в чужих квартирах и постоянно их меняет, потому что за ним неустанно охотятся жандармы и полиция. Преследуемый охранкой, он иногда уходит от нее ночью и ночует под открытым небом. После одной такой бесприютной ночи он явился в простреляном пальто. Другой раз, уходя от погони, он провел ночь в камышах и, явившись с рассветом на квартиру товарища, по свойственной ему скромности и нетребовательности, промокший и усталый, заснул на дворе, чтобы не потревожить других».

Когда Артем в 1904 году приехал в Харьков, там не

было большевистской организации. Он создал ее. Начал Артем с молодежи. Рабочий Бондаренко свидетельствовал: «Артем вел среди молодежи работу, не считаясь ни с какими препятствиями, не останавливаясь ни перед какими преградами».

Артем организовал большевистскую группу на паровозостроительном заводе и других предприятиях, пропагандировал идею вооруженного восстания. Полиция и жандармы назначили за его поимку огромную сумму. Рабочий Подлесный, работавший вместе с Артемом, рассказывал: «За Артемом охотилась вся харьковская жандармская и полицейская свора, но поймать его ей не удавалось. Артему было предоставлено достаточно конспиративных квартир, где он работал не покладая рук».

И вот один из эпизодов той поры. В Харькове на так называемой Сабуровой даче находился конспиративный центр большевиков. Там некоторое время скрывался Артем. Подпольный центр обнаружила полиция, и Артему приходилось ютиться на частных квартирах. В те дни в здании земской управы проходили собрания интеллигенции, сочувствовавшей большевикам. Артем решил выступить на собрании. Только он там появился, как пешая и конная полиция оцепила здание. Жандармы знали Артема в лицо, и поимка его казалась неизбежной, вспоминал рабочий Бассалыго. Все выходящие из здания проходили сквозь шеренгу полицейских. Уйти было некуда. Но был на собрании прапорщик, сочувствовавший большевикам. Он поменялся с Артемом платьем, и Артем, надев на голову башлык, прошел через шеренгу козырявших ему жандармов и городовых.

В 1905 году в Харьков приехал Милюков, позднее ставший лидером кадетов, а в феврале семнадцатого года — первым министром иностранных дел Временного правительства. Опытный оратор, приват-доцент Московского университета, Милюков выступил при большом стечении народа. Он утверждал, что главной силой русской революции является крестьянство, а метод революции — террор. Это была речь буржуазного краснобая, который знал, как завлекать массы красноречием и туманными лозунгами.

После Милюкова на импровизированную трибуну

поднялся двадцатидвухлетний Артем. Огромная толпа притихла, ждала, что он скажет, как ответит всероссийски известному политику, члену Государственной думы.

Милюков сквозь пенсне рассматривал коренастого парня в рабочей куртке. Спросил, кто таков? Чиновник из канцелярии губернатора, сопровождающий Милюкова, прошептал на ухо:

— Не извольте беспокоиться. Полагаю, местный вожак. Их тут как собак нерезаных развелось.

Что-то, видимо, насторожило Милюкова, возможно, то внимание, с которым встретили Артема. Милюков покосился на чиновника, еще раз смерил Артема взглядом, ожидая, что тот скажет.

Артем волновался, но довольно быстро овладел собой. В огромном цехе наступила та тишина, которая в мгновение ока может обернуться грозой. Артем повернулся к Милюкову, улыбнулся своей подкупающей улыбкой, спросил:

— Уважаемый профессор, разрешите задать вопрос?

Милюков не ожидал такого поворота, снял пенсне, снова надел, вежливо ответил:

— Прошу вас.

— Вы утверждаете, что крестьяне — главная сила революции.

— Да, конечно. Поскольку Россия преимущественно крестьянская страна. Так или не так?

— Допустим. Но я хочу спросить: кто разрушил Бастилию и отправил на гильотину Людовика? — И, повернувшись к рабочим, пояснил: — Это я про французского царя спрашиваю.

— Видите ли,— начал Милюков, улыбаясь той снисходительной улыбкой, какой ученый муж одаривает незадачливого студента.

— Прошу ответить на вопрос,— прервал Милюкова Артем.

— Извольте. Парижане.

— Парижские крестьяне? — наступал Артем.

— Рабочие, ремесленники, люмпен-пролетарии.

— Вот это верно. Рабочие и ремесленники.

Артем, резко повернувшись к рабочим, запрудившим цех, горячо начал говорить о рабочем классе как ведущей силе революции, о том, что большевики против тер-

рора. О том, что крестьяне, о которых здесь говорил господин Милюков, пойдут за рабочим классом. Но не все. Мужик разный есть. У кого амбар каменный, а у кого хата на курьих ножках...

Когда в Харьков пришло известие, что в Стокгольме соберется IV съезд РСДРП и туда надо выделить делегата, решение было принято сразу: послать Артема. Ему только что исполнилось двадцать три года.

Перед отъездом рабочие устроили складчину, купили новое пальто и кепку своему делегату; Артем отрастил усы, чтобы жандармы не узнали, и отправился в дальнюю дорогу.

IV съезд РСДРП открылся в Стокгольме 23 апреля 1906 года по старому стилю. Артем пробирался в Стокгольм через Финляндию и прибыл туда накануне открытия съезда. После Парижа Стокгольм был второй западноевропейской столицей, которую он увидел; устроившись в небольшой гостиничке, снятой для делегатов съезда, Артем пошел осматривать Северную Венецию с ее бесчисленными озерами и прудами.

На берегу озера Артем издали увидел Ленина. Владимир Ильич приехал в Стокгольм накануне вечером. Ленин шел с близкими друзьями Красиным, Луначарским и Воровским, что-то оживленно рассказывал своим спутникам, потом расхохотался, указывая рукой на озеро, где обычно спокойные лебеди неожиданно подрались: черный, изогнув длинную шею, кинулся на белого лебедя и начал его бить клювом, а тот, величественно взмахнув крыльями, начал делать круги, как бы дразня забияку...

— Драчуны точь-в-точь наши меньшевики,— донеслось до Артема. Он хотел было подойти к Ленину, но решил не мешать беседе.

Съезд обещал быть сложным. Впервые после двухлетнего перерыва обе фракции РСДРП — большевиков и меньшевиков — собрались для совместной работы и восстановления единства партии, но удастся ли это сделать, еще никто не знал. После революции 1905 года и ожесточенных баррикадных боев перед партией возник ряд сложных вопросов: о роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, вооруженном восстании и временном революционном правительстве, об отно-

шении к крестьянству. «Искра», находившаяся последние годы в руках меньшевиков, и большевистская газета «Вперед», издававшаяся в эмиграции, вели еще до революции по этим вопросам дискуссию.

На следующее утро после приезда Артема в небольшом зале собрались все сто пятьдесят делегатов, и уже с первых минут он понял, какие предстоят баталии, ибо даже выборы в президиум съезда, в который вошли Ленин, Плеханов и Дан, сопровождались спорами.

Артем не спускал глаз с Ленина. В эти дни Владимиру Ильичу исполнилось тридцать шесть лет. Артему Владимир Ильич представлялся немолодым уже человеком, и он ловил себя на том, что то и дело сравнивал его с Плехановым. Пятидесятилетний Георгий Валентинович выглядел патриархом, это впечатление углублялось еще и подчеркнутым, почти подобострастным отношением его сторонников, которые тучей вились вокруг него. А он, весь погруженный в себя, высказывал в кулуарах и с трибуны съезда мысли, безоговорочно поддерживаемые меньшевистской фракцией.

На второй день съезда вышла неприятность. Меньшевики, игравшие решающую роль в Мандатной комиссии, воспользовались этим и объявили неправомочными несколько большевистских мандатов. Кассировали они и мандат Артема, придравшись к какой-то мелочи.

Артем сначала опешил, потом, накаляясь, сжав на всякий случай кулаки в карманах, подступил к председателю комиссии:

— Вот так да! Тысячи верст проехал, от жандармов скрылся, а вы меня объявляете недействительным. Что же я скажу своим в Харькове?

Председатель Мандатной комиссии был непреклонен:

— Товарищ. вопрос не дискутабелен.

Артем ушел бродить по городу. У пруда, где он позавчера встретил Ленина, сел на скамейку. Вдоль дорожки высокие дородные шведки в длинных платьях катили детские коляски с толстыми розовощекими малышами. Было тихо и скучно.

Воровский нашел Артема на бульваре, увел на заседание, сказал, что большевистская фракция заявила резкий протест и настаивает на утверждение его манда-

та. Но даже если ничего не выйдет, Артем должен присутствовать на съезде.

Вместе с Вацлавом Вацлавовичем он вошел в зал в тот момент, когда Ленин поднялся на трибуну. Присев на первый попавшийся стул, Артем стал слушать Ленина. Владимир Ильич говорил об уроках революции и нынешнем положении в России, говорил спокойно, увязывая одну мысль с другой, подкрепляя их фактами, аргументами, которые, как плиты, ложились в фундамент, создавая прочную основу доказательства и разрушая доводы противников.

Артем со жгучим интересом слушал речь Ленина, изредка бросая взгляды на Плеханова. Тот, чуть подавшись вперед, приложив ладонь к уху, наблюдал за Лениным, делал заметки, изредка обменивался словами с рядом сидящим Даном, но лицо его оставалось по-прежнему непроницаемым.

Воровский шепнул Артему, что Ленин выступает второй раз и в ближайшие дни произнесет, по поручению большевистской фракции, большую речь о возможности вооруженного восстания.

Вечером Артем встретился с Владимиром Ильичем. Ленин расспрашивал о настроениях в Харькове, хотел знать, что там думают о вооруженном восстании, если эта задача окажется неотложной и создадутся благоприятные условия для выступления рабочего класса. Артем сказал, что за Харьковом остановки не будет. На паровозостроительном давно уже к этому готовы. Рассказал и о своем споре с Милюковым.

Артем все дни был на заседаниях. За несколько дней до окончания съезда снова встретился с Лениным в столовке, где обедали делегаты. Владимир Ильич оказался с ним за одним столом, принес из буфета две кружки пива, и весь обед они проговорили о тактике большевиков, о России, о Волге, и чувствовалось, что Ленин очень тоскует по родным местам.

В начале мая съезд закончился. Артем вместе с другими делегатами выехал через финский город Або в Петербург и, не задерживаясь в столице ни одного дня, отправился в Харьков, чтобы отчитаться перед тамошней большевистской организацией.

Весть о возвращении Артема сразу же разнеслась по городу. Вечером на Нетеченской улице в мастерских

собрался рабочий народ Харькова, чтобы послушать своего делегата. Артем рассказал о решениях съезда и позиции большевиков по всем вопросам. И конечно, о встречах с Владимиром Ильичем.

После доклада задали много вопросов, но наружный рабочий пост сообщил, что к мастерским мчится наряд конной полиции, и собрание пришлось закрыть. Артем попытался скрыться, но на него и сопровождавшего его рабочего Бассалыго бросились шпики и городовые.

Бассалыго рассказывал: «Загремели выстрелы, пуля попала в развевающуюся полу пальто Артема. Федор споткнулся и едва не упал. Но тут мы вскочили во двор, закрыли на засов и по заборам и крышам стали уходить. Городовые начали погоню по крышам, гнались и стреляли. С крыши двухэтажного дома Артем прыгнул во двор военного лазарета, где были солдаты. Он сказал им, что за ним гонится полиция, что он социал-демократ. Солдаты дали ему шапку, кепку во время погони Артем потерял, и вывели его через лазарет на улицу, откуда он скрылся. Во время прыжка Артем повредил ногу, и ему пришлось несколько дней отлеживаться».

Вооруженная борьба против царизма, на которой настаивали большевики на Стокгольмском съезде, разгоралась то в одном, то в другом конце России. Начались бои и в Харькове, во главе восстания был Артем. Но провокатор выдал его, и Артем снова оказался за решеткой.

Артем и в тюрьме размышляет о причинах поражения, передает на волю друзьям через верных людей письма, в которых излагает свои мысли об ошибках и о планах борьбы на будущее. И учится, старается использовать каждую свободную минуту, ругает себя за «безделье». В письме к Екатерине Феликсовне Мечниковой, жене брата И. И. Мечникова, с которой он познакомился в Париже и вел оживленную переписку в годы эмиграции, Артем признавался:

«Ленив я стал ужасно. Вот уж третий день, как не беру английской книжки в руки. Прошел 26 уроков и стал».

НА УРАЛЕ

В этот горнозаводской район Артем прибыл после очередного побега из тюрьмы. Революция 1905—1907 годов пошла на убыль, организации большевиков были разгромлены. По поручению Пермского комитета целый год Артем провел на Урале. Он и здесь становится популярнейшей фигурой, любимцем рабочих. Современник Артема, свидетель его деятельности на Урале, И. Н. Мошинский писал: «Артем свыше полугода странствует пешком с котомкой за плечами, без гроша в кармане — от завода к заводу, от поселка к поселку. Алапаиха, Надеждинские, Тагильские заводы — это были главные вехи задуманного им путешествия. Всюду он вносит дух революционной бодрости, товарищеской спайки, сознательной классовой солидарности. Все для него здесь было ново. И люди, и природа, и горные заводы — все здесь было особенное. Но Артем быстро освоился с окружающей обстановкой, применился к ней, слился со средой, которая еще вчера казалась ему чуждой.

Приходя на новое место, не имея ни партийных явок, ни старых связей, Артем умудрялся очень скоро находить нужных ему людей, хороших, отзывчивых товарищей...

Ему были рады везде и всюду. Умное, прекрасное лицо симпатичного пришельца, приветливая улыбка и веселый задор, никогда не покидавшие нашего бродячего организатора, располагали к нему всех посетителей лачужки, в которой останавливался Артем, и, как всегда, открывали ему сердца рабочих».

После спада революции обстановка на Урале становилась все более сложной. Пессимизм и неверие в успех проникли в сердца наименее устойчивых революционеров. Артем столкнулся с так называемой «лобовщиной». А. Лобов, рабочий завода Мотовилиха, был активным участником революции 1905 года, но в последующие годы сколотил эсеро-анархистский отряд и стал террористом. Артем решительно выступил против действий Лобова. Позже он писал Е. Ф. Мечниковой.

«В этой борьбе я столкнулся с группой авантюри-

стов, таких же беспринципных, как и наглых. Авантюризм везде по существу одинаков и различается лишь по внешности, одевая иной костюм для дворца, иной для игорного дома и иной для рабочего квартала... Я никогда, я так думаю, не стану изменником движению, которого я стал частью. Никогда не буду терпелив к тем, кто мешает успехам этого движения. Я был, есть и буду членом своей партии, в каком бы уголке земного шара я ни находился. Не потому, что я дал аннибалову клятву, а потому лишь, что я не могу не быть мной. Но я всегда был и не могу не быть искренним».

В марте 1907 года полиция, давно выслеживавшая Артема, нагрянула во время заседания Пермского комитета партии, арестовала весь состав обкома во главе с Артемом. Его избили до полусмерти и бросили за решетку.

В тюрьме Артем заболел тифом. Когда же могучий организм справился с тяжким недугом, его перевели в Николаевские арестантские роты. Там забивали насмерть.

После каторжного года в Николаевских ротах его судили дважды: за подпольную работу на Урале и за организацию вооруженного восстания в Харькове. Приговор — вечная ссылка и лишение всех прав. На поселение определена Иркутская губерния.

Из тюрьмы Артем тайно пишет друзьям: «Меня в Иркутскую губернию привезут, выпустят где-нибудь при волости, припишут к ней, выдадут паспорт «крестьянину из поселенцев» — и «иди, Федя, на все четыре стороны», а где придется остановиться — не скажу, потому что и сам этого не знаю. Знаю только, что на месте не буду жить...»

Это был сигнал друзьям о готовящемся побеге. Он и в ссылке не мог усидеть на месте. Потребность быть с людьми, обсуждать с ними практические вопросы, связанные с судьбой России, была у Артема настолько велика, что, не обращая внимания на запрет жандармов, он уходит в дальнее село, чтобы встретиться с ссыльными. 21 августа 1910 года он писал своей харьковской знакомой Ефросинье Ивашкевич:

«На днях уходил в Нижне-Ильинск, думая, что дорога рассеет немного, да и новое общество поможет. Все же тут есть и товарищи, есть и просто интересные люди,

вроде Брешковской[1]. Как-никак — моцион, с заходом по пути в села, 200 верст, новые лица, разговоры, впечатления. Ничего».

Действительно, ничего! Прошел двести верст по нехоженым тропам Сибири, чтобы увидеть людей, поговорить с ними.

Вот как он отправился в путь:

«Я повесил сапоги через плечо и пошел пешком. Была прескверная погода, шел дождь, мелкий, холодный, отвратительный; дорога шла вдоль берега Ильима каменистая, неровная. До ближайшего пункта, где жили товарищи, надо было прошагать 33 версты. Там я взял коты (арестантская обувь), в них я дошел до Нижне-Ильинска, в них же возвратился обратно».

Вечная ссылка, к которой его приговорил царский суд, была прервана Артемом. В сентябре 1910 года он бежит из Сибири в Китай. И вот строки из его письма Ефросинье Ивашкевич от 1 ноября 1910 года:

«...Пишу Вам, сидя в вагоне Южно-Маньчжурской ж. д., находясь уже за пределами достигаемости. Вышел я из «дому» с 5-ю рублями в кармане и большими проектами в голове... В Харбин приехал с 70-ю копейками в кармане... Я, что называется, сел на мель. Хорошо, меня выручил частный адрес».

Через несколько недель Артем уже был в Шанхае, где и произошла его встреча с Владимиром Наседкиным на улице Ян-Ие-Пу.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОРЬБЕ

Семь лет продолжались странствия Артема по разным странам. Из Харбина он уехал в Корею, оттуда сразу в Японию. Недолго пробыл он в этой стране, но как пытливо всматривался в окружающий мир, как пристально разглядывал людей, стараясь понять их жизнь, образ мышления, стремления. В сущности, позади крошечный исторический отрезок времени после победонос-

---

[1] Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна родилась в 1844 году. Много лет провела на каторге и в ссылке. Принадлежала к крайне правому крылу эсеровской партии; прозвана эсерами «бабушкой русской революции». После Октября — противница Советской власти, эмигрировала в США, где и умерла.

ной для этой страны русско-японской войны, гибели русского флота при Цусиме и русской армии — на сопках Маньчжурии.

Чем-то в ту пору Япония напоминала милитаристскую Германию после франко-прусской войны, придавшей прусскому милитаризму открыто вызывающие черты. Глеб Успенский, посетивший в то время Берлин, писал: «Вы только переехали границу — ...хвать, стоит Берлин, с такой солдатчиной, о которой у нас не имеют понятия... Палаши, шпоры, каски, усы, два пальца у козырька, под которым в тугом воротнике сидит самодовольная физиономия победителя... Спросите у любого из этих усов о его враге и полюбуйтесь, какой в нем сидит образцовый, сознательный зверь».

Удивительно перекликается эта характеристика с той, которую Артем дает Японии в своем письме к Е. Ф. Мечниковой. Он тонко описывает красоты природы, но она не заслоняет главного. Вот строки из его письма:

«...Я видел богатейшую природу. Ночи в Нагасаки были волшебно хороши... Это дивная сказка. Их описать нельзя. По обрыву гор лепятся улицы, скрытые в тени тропических растений. Вдали внизу рейд. Кругом горы. И все это залито матово-серебряным лунным светом... Как мало гармонируют с этим видом забитые и вялые, тщедушные жители японского города и спесивая солдатчина».

Прусский солдатский Берлин описал знаменитый писатель, долго наблюдавший тамошнюю жизнь. Заносчивую японскую солдатчину зафиксировал своим острым оком двадцатишестилетний революционер. Наблюдательность была присуща Артему всю его жизнь. Очень ярко проявилась она в Китае, где Артем провел немногим более полугода.

На чужбине, еще ярче выкристаллизовываются те черты, которые снискали ему всеобщую любовь и уважение на родине. Думающий, обаятельный, целеустремленный человек, он завоевывает всеобщее признание и в Китае. И вновь проявляет себя как организатор русских рабочих, где бы ни сводила с ними его судьба. Все, кто знал Артема, единодушно отмечали: он ничего не хотел для себя, а только для других. Встретив в Шанхае бездомного Наседкина, он ведет его в свою лачугу, отдает ему последние гроши, собирает вокруг себя русских скиталь-

цев, по разным причинам оказавшихся на чужбине,— Саньку-колбасника, Саньку-кочегара, Евгения-пекаря, еще нескольких русских, потерявших веру в жизнь, в будущее, и организует коммуну. Не без удовольствия он пишет об этом Екатерине Феликсовне Мечниковой:

«Теперь у нас есть «коммуна». Теперь русскому беглецу или неудачнику не приходится, если он порядочный человек, скитаться по улицам Шанхая и просить сытых о милости. Теперь он идет на квартиру и живет в ней, как дома».

Через несколько недель этих опустившихся людей, которых он подобрал на улицах Шанхая, нельзя было узнать. Они прилично одеты, бриты, вместо водки, в которой эти полубродяги гасили свое горе, они пристрастились к книгам, у них появились и другие, неведомые им дотоле интересы. Наседкин, вступивший в Артемову коммуну, писал: «Артем любил шутку, смех... Никогда я не видел, чтобы он курил или пил, любил шахматы, любил петь; часто затягивал: «На высоких отрогах Алтая стоит холм, и на нем есть могила, совсем забытая».

Артем и все члены коммуны работали грузчиками, кули. Английские господа из сетльмента яростно негодовали: русские работают в качестве кули и тем самым подрывают престиж европейцев. В английской газете, издававшейся в Шанхае, появилась статья, автор которой требовал выселить русских из города, дабы «спасти честь джентльменов». Читая ее, Артем посмеивался: перебесятся господа! В свободное время водил коммунаров в музеи, подолгу беседовал с русскими матросами, приходившими в Шанхай на пароходах Добровольного флота, расспрашивал о России. И пристально присматривался ко всему, что его окружало,— к быту, настроениям китайцев, национальным особенностям.

Чтобы заработать больше денег для поездки в Австралию, куда Артем твердо решил перебраться, он поступил в булочную. Это была тоже нелегкая работа: «В 7-м часу я в магазине. В 9 1/2 часов ухожу усталый и разбитый и сплю до половины шестого и снова иду в магазин. Походя занимаюсь наблюдениями над окружающим миром».

«УДИВИТЕЛЬНО... СПОКОЙНАЯ СТРАНА АВСТРАЛИЯ»

Летом 1911 года Артем окончательно решил переехать в Австралию. Билет на пароход стоил дорого — сто долларов, но эту сумму он уже накопил; собрали деньги и члены Артемовой коммуны, решив все вместе податься на далекий континент.

И вот шесть коммунаров, шесть российских эмигрантов, бежавших от царского режима — Федор Сергеев-Артем, Владимир Наседкин-Любимов, Санька-кочегар, Санька-колбасник и вошедшие позже в коммуну огромной физической силы Щербаков и украинский парубок Ермоленко,— взяли билеты на пароход «Ст. Албанс» и двинулись в Австралию.

Санька-колбасник, самый младший в коммуне, парень из Рузаевки, не расстававшийся со своим фанерным самодельным чемоданчиком ни в Сибири, ни в Китае, сидел на палубе и, напуганный предстоящим путешествием по морю, обняв чемоданчик, причитал:

— Господи, куды едем, на край света. Пропадем ни за полушку, ни за понюх табаку.

— Не ной,— успокаивал его Артем.— В Россию вернемся. Очень скоро, может быть. Ну, а если не скоро, то все равно вернемся...

В начале второго десятилетия нашего века, когда Артем с друзьями приехал из Китая в Австралию, там уже было много российских эмигрантов. Но именно Артем становится душой этой эмиграции, ее организатором и политическим руководителем. Он создает Русский эмигрантский союз, и его избирают председателем правления.

В Австралии Артем работал грузчиком, кочегаром, каменщиком, рабочим на бойне и лесорубом. Он испытывал на себе все тяготы эмигрантской жизни. Но как удивительно быстро осваивался он с окружающим миром, познавал его, критически оценивал и находил свое место в этой новой и такой чуждой для него стране! Письма Артема Е. Ф. Мечниковой дают достаточно ясное и точное представление о его жизни, переживаниях, деятельности, планах, еще шире раскрывают его духовный мир.

7 августа 1912 года он пишет Мечниковой:

«Мы сейчас расположились лагерем в очень живопис-

ном месте. В глубокой котловине, замкнутой со всех сторон горными хребтами, в самом центре почти белеет сбившийся в кучу группой палаток наш лагерь...

Угрюмые горы сторожат кругом. Воздух, который не имеет никаких выходов внизу,— очень тяжел. Он колеблется только под напором верхних слоев, которые свободно несутся над горами... Угрюмую тишину долины только изредка прорезывает свист паровозов, шум мчащихся поездов. Кругом зелень, солнце, растительность. Сейчас зима, ночью бывают заморозки... Удивительно хорошая, спокойная страна Австралия...»

В этой «спокойной» стране он распознает все — и причины взлета буржуазии, и подчас еле заметные ручейки народного гнева, и методы одурманивания масс. Артем писал:

«Высшая, наиболее развитая форма капиталистической эксплуатации служит здесь основанием для созидания богатств буржуазии. Быстрое накопление капитала здесь не стеснено ни безумными тратами милитаризма, ни насыщенностью капиталом отдельных отраслей производства... Но зато у рабочего здесь нет и потребности мыслить... Он не задается общими вопросами и живет сегодняшним днем... Получает в конторе соответствующее количество шиллингов и идет, куда понравится. Прежде всего, конечно, в кабак... Театр, музыка, литература и искусство чужды в большинстве случаев массе населения. Во всем Квинсленде (австралийский штат.— *З. Ш.*) нигде нет театра, кроме Брисбена (столица штата.— *З. Ш.*). Здесь на сто верст кругом нет даже иллюзиона (синематографа), нет ничего, кроме лавок, кабаков и публичных домов и, конечно, спортсменских клубов».

Однако классовая борьба ворвалась и в «спокойную» Австралию. В городе Брисбене вспыхнула забастовка трамвайщиков. Их поддерживали рабочие всех австралийских штатов. Правительство стало на сторону предпринимателей, жестоко расправилось с забастовщиками.

С громадным вниманием и сочувствием Артем следил за борьбой трамвайщиков, поддерживал ее авторитетом правления и всей русской рабочей эмиграции. Забастовка способствовала росту классового самосознания. Успех надо было закрепить, и Артем реализует свой замысел — начинает издавать газету «Австралийское эхо» на

русском языке, которая вскоре стала боевым органом русской эмиграции.

Нелегко дались Артему те месяцы. 12 апреля 1912 года он писал Мечниковой:

«Перед забастовкой я не имел ни гроша, так как истратился, разъезжая с целью организовать русских и подписку на газету. За время забастовки я влез в неоплатные, как казалось, долги. Теперь я уже вполне чист. Много хлопот с кружком англичан, который сформировался под конец стачки для изучения исторического материализма... На днях мне пришлось разъяснить моим приятелям-англичанам разницу между товаром и деньгами (они запутались в этом вопросе). Они меня поняли, но чего мне это стоило и чего им это стоило. Главное, я не имел времени прочесть эту главу заранее. Термины и обороты речи были мне мало известны. Но все же объяснялись словами, а не жестами, и не приходилось прибегать к помощи словаря... Если бы я сумел говорить по-английски, как англичанин!»

Он скромничал, английский осилил довольно быстро... Помог ему австралийский друг Альфред Присс. С этим человеком Артем сдружится надолго, до конца. Позже, уже находясь в Москве, Присс оставил воспоминания об Артеме, в которых есть следующие строки:

«Русские нашли в нем большого друга. Они приносили ему свои корреспонденции для перевода, он помогал им сноситься с их друзьями и товарищами в России и, несмотря на то что он был беден сам, всегда находил возможность помочь тем, кто был в затруднении и приходил к нему».

А впервые Присс увидел Артема, когда тот читал лекцию «Товар — деньги». Пришел туда, не думал задерживаться, но заслушался и остался. Потом разговорились. Присс рассказал, что давно интересуется Россией, но почти ничего о ней не знает. Читал один рассказ Чехова. Вот это, наверно, и есть Россия.

Присс стал частым гостем в Русском клубе. Сказал, что, как только в России сбросят царя, поедет туда, очень хочет взглянуть на эту страну. Начал изучать русский язык, старался понять строй русской речи. Вот только никак не мог понять, почему русские при всех случаях жизни, в печали и радости, на вопрос собеседника, как идут дела, отвечают: «Ничего!»

Интернационалист до мозга костей, Артем больше всего боялся национальной обособленности, понимал, как это вредит рабочему движению. Иные эмигранты, уставшие от тяжкой жизни на чужбине, замыкались в своей скорлупе, ничего не хотели знать, кроме работы и своего домишка, скрупулезно подсчитывали каждый заработанный шиллинг, складывали в кубышку. Артем высмеивал таких.

— Россия не плюшкиными славна, а петрами алексеевыми. Вверх смотрите, на небо, а не в землю, кроты вы эдакие! — поругивал он таких земляков.

Любой повод использовал Артем для сближения с рабочими. Австралийцы очень любят спорт. Ирландское землячество, довольно многочисленное в ту пору, часто устраивало спортивные игры, и особенно состязания по перетягиванию каната. Как-то ирландцы пригласили русских принять участие в состязании и выиграли его. Артем несколько дней разъезжал по городам, подбирал команду из молодых крепких русских парней и вызвал ирландцев на соревнование.

Головным в русской команде Артем поставил силача Щербакова, который вместе с ним работал грузчиком. Саньку-колбасника — в хвост. Щербаков тянул канат молча, как вепрь, упершись ногами в землю. Санька-колбасник истошным криком подбадривал свою команду:

— Не подкачай, Россия, тяни!

Рослые ирландцы впервые проиграли состязание. Пощупали бицепсы Щербакова. Молча переглянулись, поздравили с победой и, сказав «О' кей!», ушли.

Артем знал, какую симпатию питают австралийцы к сильным и смелым людям, понимал, что спортивный выигрыш будет способствовать еще большей популярности русских рабочих. И не ошибся. Газеты посвятили успеху русских много статей.

Артем всего себя отдавал политической борьбе в Австралии, но не забывал о России, мысли его постоянно там, на родине. Он расспрашивает прибывших русских эмигрантов, ведет переписку с друзьями в Петербурге и других городах. И запоем читает литературу, которую ему регулярно присылает Мечникова. Недавно Россия похоронила величайшего из своих сынов — Льва Николаевича Толстого. Артем перечитывает книги Толстого, которые сопровождали его в скитаниях, просит Мечни-

кову прислать другие книги, и вот его размышления о прочитанном:

«...Толстой до конца сохранил свой своеобразный и колоссальный талант. Как тщательно продуманы у Толстого все детали каждого характера, вплоть до самых отдаленных и сложных душевных движений. Он знает старую Россию... Толстой боролся за старое, понимая его. Оттого его образы так рельефны, живы, доступны и почти обязательны... Когда читаешь Толстого (я говорю про себя), становишься таким спокойным, уравновешенным, как тот порядок, в котором жили и умирали герои Толстого».

Конечно, эта характеристика Толстого далеко не исчерпывающая. Великий писатель, описывая старое, беспощадно разоблачал его, с огромной силой срывал маску с лицемеров, показывал фальшь, насилие властей, комедию царского суда, остро критикуя государственные, церковные, общественные порядки старой России. Надо полагать, Артем понимал все величие Толстого; в письме же к Мечниковой из Австралии нашли отражение оценки, навеянные настроением на далекой чужбине.

Предгрозовая атмосфера, все больше сгущавшаяся в Европе, рост шовинизма перед первой мировой войной сказывались и в Австралии. Артем выступал за братство и дружбу народов, классовую солидарность всех рабочих. Ни одно, даже на первый взгляд малозначительное событие австралийской жизни не ускользает от его взгляда, и всему он дает оценку на митингах и собраниях рабочих в Брисбене. И в письмах на родину. «В Тасмании,— пишет Артем Мечниковой,— погибла в рудниках вся смена, там не позаботились устроить самые элементарные приспособления на случай несчастья... В Новой Зеландии был погром. Хулиганы-скебы (штрейкбрехеры.— *З. Ш.*), вооруженные полицией и под ее защитой, взяли штурмом Народный дом (помещение профсоюзов), врывались в дома, избивали, громили. Женщины, как и мужчины, бежали из города, разоренные, опозоренные и бесприютные... У нас только что закончились выборы в федеральный парламент. Это было горячее время. Мы боролись за право существования, как социалисты, как сознательные представители рабочего класса, который не знает и не желает знать никаких национальных перегородок, расовых предрассуд-

ков, у которого задача — переустройство общественных отношений и уничтожение неизлечимых зол капиталистического общества — безработных масс, кризисов, голодовок и пр.».

Вскоре после ленских расстрелов, которые громовым эхом докатились до Австралии, Артем решает, что это трагическое событие даст толчок революционному движению в России, и все чаще подумывает о возвращении на родину. На одном из собраний русской революционной эмиграции он высказал следующие мысли:

«Возвращаясь в Россию и применяя не массовую борьбу, а террор, мы ничего не сделаем с мировыми хищниками и палачами. Мы должны развивать борьбу в мировом масштабе. Нам нужна здесь сплоченная организация... Нам нужна теснейшая связь со всеми эмигрантами как Соединенных Штатов, так и Европы, а также самое тесное и дружное сотрудничество с наиболее передовыми рабочими Австралии».

14 октября 1913 года Артем пишет Мечниковой:

«Дорогая Екатерина Феликсовна!

...У нас сейчас в самом разгаре файт за фри спич, а по-русски — борьба за свободу слова. Как видите, такая борьба возможна и в Австралии. Уже около дюжины судебных приговоров социалистам вписано в историю квинслендского суда, и еще не одна дюжина будет вписана. И как Вы думаете за что? За то, что люди осмеливаются говорить, не имея разрешения на это от начальника полиции; при этом на суде неизменно фигурирует циркуляр начальника — не разрешать социалистам говорить в воскресенье.

Английская конституция разрешает, а начальник полиции не разрешает. И раз дело идет о социалистах, суд и полиция заодно. Мы решили вести борьбу до конца... тысячи рабочих собираются слушать наших ораторов. И с каждым воскресеньем народу прибывает все больше. Мы ожидаем каждый момент, что полиция от отдельных ораторов перейдет к организаторам этой борьбы и арестует Комитет за свободу слова. Тогда и Вашему покорному слуге придется заняться исследованием сходств и различий пенитенциарных систем (система, признающая тюремное заключение средством кары и исправления преступника.— *З. Ш.*) учреждений абсолютной монархии и демократической республики... Нам очень многие со-

чувствует сейчас. Я суечусь, как всегда. Русская привычка; нас здесь в городе русских какая-нибудь сотня, а шуму и суеты больше, чем от десяти тысяч англичан. Здесь в массе русские трезвы. И если пьют, то рассудок теряют редко. Зато они почти все учатся, почти все сразу примыкают к сознательному рабочему движению. Одиночки, которые живут здесь «по-американски», еще резче подчеркивают основной, сознательно-пролетарский тон русской колонии».

В 1914 году Артем собрался было возвратиться в Россию, но разразившаяся мировая война задержала его на чужбине. Потом пришел февраль 1917 года. Русская колония узнала о свержении царя, как и все эмигранты, разбросанные во всех частях света, через газеты. Радостные, возбужденные, они обменивались телеграммами, письмами, ходили как именинники по всем этим брисбенам, аделаидам, мельбурнам, принимали поздравления от австралийских друзей. И начали собираться в путь.

Быстро уехать Артему не удалось: он считался «натурализованным» (по формальным причинам его стали считать английским подданным) и его не отпускали в Россию. Он горько улыбался, скрипел тихонько зубами, говорил: «Врете, господа, все равно уеду!»

В гавани Артем провожал пароходы с русскими эмигрантами. Прощались шумно: пели, целовались, плакали. Артем старался быть веселым, кричал у трапа:

— Ну, давай, ребята, до встречи там...

— И ты давай, Артем! Пока!

Санька-колбасник, все эти годы не бравший в рот ни капли зелья, на этот раз был очень веселый, хотя тоже плакал. Не выпуская из рук фанерный чемоданчик, он не отходил от Артема и причитал:

— На кого ты нас покидаешь, Федя!

Артем, разозлившись, цыкнул на него:

— Это вы меня покидаете, черти, а не я вас.

— Ну, ничего,— успокаивал Артема Санька-колбасник,— я тебе из Рузаевки леттер[1] напишу... А этим сволочам, что тебя не пускают, я им...— и забыв данное еще в Китае Артему обещание не прибегать к «изящной российской словесности», начал так быстро подниматься по ее «этажам», что старший помощник капитана, перебы-

---

[1] Леттер (Letter) — письмо (англ.).

вавший в кабаках всех российских гаваней — и в Одессе, и в Архангельске, и в Риге, и во Владивостоке, а потому хорошо познавший особенности матросского жаргона, от удивления даже рот разинул; трубка, с которой старпом никогда не расставался, упала в воду, и он восторженно воскликнул:

— Уондерфулл![1]

Присс тоже провожал русских, привел в гавань горняков и трамвайщиков, которых русские поддержали во время знаменитой забастовки. Трамваи в тот день в городе не ходили. Присс кричал:

— Пок-а, друза. Гуд бай! — Махал шляпой. Трамвайщики тоже махали шляпами. Кричали: «Гуд лак!»

Весь март и пол-апреля Артем ходил по оффисам, требовал, чтобы его отпустили. Чиновники отвечали кратко «No!» — нет. И тыкали пальцами в закон, напечатанный на роскошной бумаге.

Артем плюнул на оффисы, поступил работать в фирму «Миит компани», которая послала его в порт Дарвин на севере Австралии. Там он тайно сел на пароход, идущий в Китай, и был таков. В конце апреля 1917 года Федор Андреевич Сергеев прибыл во Владивосток, а в начале мая он уже был в Луганске.

После отъезда Артема из Австралии с далеким континентом распрощалось большинство русских эмигрантов, и к лету русская революционная колония там сильно поредела, а потом и вовсе перестала существовать. Умолкло и детище Артема «Австралийское эхо» — в последние годы газета выходила под названием «Жизнь рабочего». В конце 1917 года австралийские власти и вовсе запретили ее.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НА РОДИНЕ

В мае семнадцатого года Артем приехал в Харьков. Десять лет он не был в этом городе. Артемова гвардия, подростки, которые шли за ним в огонь и воду, теперь были главной силой на паровозостроительном, электромеханическом и других заводах — повсюду, где был рабочий класс. Они окружили его, подхватили на руки и понесли к трибуне. Это было в том же цехе, где он два-

[1] Уондерфулл (Wonderfull) — удивительно, прекрасно! (*англ.*)

надцать лет назад скрестил шпагу с Милюковым. Теперь этот приват-доцент был министром иностранных дел Временного правительства, Артем — вернувшимся изгнанником. Кто же из них оказался прав? Милюков?

Так могли думать те, кто не видел дальше своего носа. Артем смотрел вперед. Теперь, сказал он, на исторической повестке дня, как считает Ленин и партия, стоит вопрос о пролетарской революции. Буржуазно-демократическая революция февраля — это промежуточный этап. Рабочие верили ему, но были и сомневающиеся.

В Харькове хозяйничали меньшевики, эсеры, кадеты. Артем начал с ними ожесточенную борьбу.

После июльских событий ЦК большевиков вызвал Артема в Петроград. В дни Октября он был рядом с Лениным, руководителями большевистской партии. Его избрали членом ЦК РКП(б) и членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Теперь Милюков вел яростную борьбу против Советов. У власти стал рабочий класс и партия большевиков. Но впереди была длительная борьба за новый мир, за великие идеалы.

Артема направили в Харьков. Вечером 27 октября (по старому стилю) в Харькове силами войск, верных большевикам, и рабочих отрядов Красной гвардии были захвачены вокзал, банк, почта, телеграф и правительственные учреждения. Но часть гарнизона перешла на сторону врагов. Артем начал переговоры с мятежниками, контрреволюционными частями. Солдаты, подстрекаемые эсерами, арестовали его, и уже был дан приказ на расстрел. Минуты оставались до его исполнения, когда в расположение гарнизона ворвались красноармейцы.

В ленинских томах есть множество телеграмм, писем, заметок и статей, в которых фигурирует Артем. Владимир Ильич говорит о нем в связи с его деятельностью в Харькове, Донбассе, Башкирии, Москве.

В 1917 году Временное правительство создало так называемый Монотоп — Совет по делам монополии торговли донецким топливом. После Октября Монотоп начал политику саботажа, не давал топлива для транспорта и промышленных предприятий Центра Советской России. Артему было поручено возглавить борьбу против саботажников. Отвечая на вопросы рабочих Александро-Грушевского района, обеспокоенных создавшимся положением, Ленин сказал им: «По приезде тов. Арте-

ма из Харькова будет выяснен вопрос о Монотопе».

В суровых и сложных условиях велась эта борьба против саботажа. Летом 1918 года кайзеровская Германия, а затем и Деникин начали наступление на жизненные центры Украины. Особенно трагическое положение сложилось в районе Харькова.

Вот один из эпизодов борьбы в те месяцы.

Вражеские армии приближаются к Харькову, и город вот-вот будет взят противником. А на железнодорожных путях сорок пять товарных составов, груженных хлебом и другими товарами для голодной Москвы. Ленин шлет телеграмму за телеграммой всем продовольственным отрядам, сообщает, что в Москве нет хлеба. Но как доставить этот хлеб в Москву? Нет паровозов. На путях стоят мертвые эшелоны.

Артем принимает единственно правильное, но, казалось, совершенно невыполнимое решение. На паровозостроительном заводе, где его знает каждый рабочий, стоят двенадцать новых паровозов. Эти мощные локомотивы можно попытаться сдвоить, и если удастся взять составы, то хлеб будет отправлен в Москву. Артем мчится на паровозостроительный завод, чтобы поднять рабочих, но тут происходит непредвиденное. Только он появляется на заводе, как его арестовывают меньшевики. За последние часы они стали хозяевами положения, ввели на завод вооруженные отряды.

Что делать? Надо выиграть время, хотя бы один час. Перед уходом на паровозостроительный Артем приказал командиру красногвардейского отряда:

— Если через час не дам о себе знать нарочным — рысью веди отряд на завод.

Теперь надо выиграть этот час. Один час жизни. В конторку, куда втолкнули Артема, доносятся крики. Неужели пришли красногвардейцы? Нет, это не они. Часовой говорит ему, что на завод ворвался отряд анархистов, сейчас начнется кутерьма. Они ищут Артема, могут и к стенке поставить. Чертовски обидно, осталось двадцать пять минут. Надо действовать. Артем решает начать переговоры, быть может, удастся отыграть у смерти эти минуты до подхода отряда.

Под дулами винтовок Артема ведут в цех. Там обманутые солдаты и анархисты. Будь здесь рабочие, они все повернули бы по-другому. Но вокруг враждебные,

настороженные лица. Артем начинает говорить. Мертвая тишина, страшная тишина. И вдруг крики, они нарастают, как гром. Что это? Неужели подоспел отряд? В цех врываются рабочие, а за ними красногвардейцы со штыками наперевес...

Вечером со станции Харьков один за другим, не оглашая окрестности гудками, эшелоны отошли на Москву. На последней, хвостовой платформе, ощетинившейся пулеметами, из Харькова ушел Артем.

После разгрома Деникина и Петлюры, изгнания войск кайзеровской Германии Артема послали восстанавливать Донбасс. Его энергия, талант, опыт, умение поднять массы очень нужны народу, стране, партии большевиков. Артем не мог жить без общения с людьми, был доступен, быстро решал вопросы. Вокруг него все кипело, бурлило, он заражал энергией, оптимизмом, верой в победу.

Австралия наложила отпечаток на его привычки и речь: иногда русские слова он перемежал английскими, и, спохватившись, заразительно хохотал, хлопал по спине товарища: извини, друг, забылся! Все, кто был рядом, попадали под его обаяние. Близкие друзья называли его «австралийский янки» или «янки из Брисбена». Он отшучивался: «Янки из Фатежского уезда Курской губернии».

Только начал подниматься Донбасс, подоспело новое задание. Под огнем Царицын. Там хлеб. Надо помочь отбить врага и направить эшелоны в Москву, Петроград, голодные губернии России.

Как же пробиться туда? Под Прикумском сплошная линия фронта. Надо идти через Прикумские степи. Артем ведет туда отряд, но и здесь уже линия фронта. На броневике, осыпаемом градом пуль и снарядов, он прорывается в Царицын и приводит туда свой отряд. В Царицыне Артем организовал производство оружия для Красной Армии, участвовал в обороне города.

В январе 1921 года в Баку был издан сборник, посвященный трехлетней годовщине бакинского комсомола. Есть в нем и небольшая статья Артема — «Былое». Он рассказывает, как вместе с руководителями бакинского комсомола Борисом Бархашовым, Иваном Кравцовым и Ольгой Шатуновской действовал в условиях, когда в Грузии власть захватили меньшевики. Тайно прибыл в Тифлис на объединенное заседание тифлисской и бакин-

ской троек для решения важнейших вопросов. Во время иностранной интервенции и местной контрреволюции он вместе с товарищами выполнил тогда важнейшее задание партии — отправил из Баку нефть в Москву.

В те годы от решения продовольственного вопроса зависела судьба революции. Артема направили в Башкирию. Сохранились его письма к другу из Уфы в Москву. «Мы должны,— писал Артем,— изолировать кулака, заставить выступить его в одиночку и задушить его силами... башкирской бедноты. Без этого ни наша хозяйственная, ни наша продовольственная политика здесь не наладится».

Столкнувшись в Башкирии с фактами бюрократизма и приспособленчества, он высказал в письме своему другу мысли, его глубоко волновавшие:

«Ты знаешь, я уступчив в том, что считаю мелочами. Но в вопросах принципиальных я не знаю терпимости. Я не способен зарезать курицу или застрелить зайца (как я доказал себе на охоте)... Мне было бы неизмеримо трудно в порядке красного террора отправить путем подписи моего имени белогвардейца-незаговорщика на тот свет. Но... авантюриста и шкурника — извините».

После окончания гражданской войны Артема снова послали в Донбасс поднимать всесоюзную кочегарку. Почти два года провел он в Луганске, Юзовке, других шахтерских городах, где его знал каждый горняк, каждый мальчишка из рабочего поселка.

В 1920 году Центральный Комитет партии отозвал Артема в Москву, его избрали председателем Всероссийского союза горнорабочих.

...Чудовищный, нелепый случай оборвал жизнь Артема. Вот как это произошло.

В июле 1921 года в Москве состоялся конгресс Профинтерна, на который прибыли зарубежные делегации горнорабочих. Приехал в Москву из Австралии и Присс. Через несколько дней после открытия конгресса Артем решил показать гостям Подмосковный угольный бассейн, познакомить с жизнью горняков. Группа гостей была небольшая, вошел в нее и австралиец. Для поездки Артем воспользовался аэромотовагоном, который изобрел русский техник Абаковский. Он и вел его.

В Подмосковном бассейне делегация пробыла два

дня, осмотрела шахты, побывала в гостях у рабочих, на торжественных вечерах и 24 июля выехала в Москву.

Вагон, ускоряя бег, мчался к столице. В 6 часов 35 минут в ста километрах от Москвы разразилась катастрофа. Аэромотовагон, шедший со скоростью 80 километров, наскочил на камень, лежавший на рельсах, пошел под откос и превратился в груду искореженного металла. Погиб Артем и четыре делегата конгресса Профинтерна: англичанин Хьюлет, немцы Гейбрах и Гуго Струпак, болгарин Константинов, скончался и тяжело раненный во время катастрофы австралиец Поль Фриман. Погиб и Абаковский.

Скорбным набатом прозвучала по всей стране весть о гибели Артема. Исполком Коммунистического Интернационала, Центральный Комитет РКП, Московский комитет партии, Всероссийский Центральный Совет профсоюзов сообщили народу о гибели старого большевика Федора Андреевича Артема-Сергеева. Старому большевику было тридцать восемь лет. Некрологи чернели во всех газетах, «Известия» писали:

«Погиб Артем. Ушел молодой, как юноша, полный кипучей энергии, боец с веселыми, вечно улыбающимися глазами, с жизнерадостной верой в свой класс и в лучезарное будущее коммунизма».

Присс, переживший роковую катастрофу, писал: «О жестокая судьба! Зачем этот удар в наши сердца? Вместе с другими мертвыми героями рабочего класса под обломками лежал и наш бесстрашный, неутомимый и любимый товарищ — боец».

В последний путь на Красную площадь Артема провожали члены Исполкома Коммунистического Интернационала и члены Центрального Комитета большевистской партии, вся пролетарская Москва, делегации рабочих с Украины, Донбасса, Урала, Петрограда, делегаты Всемирного конгресса, рабочие-делегаты из Австралии. Приехал из Рузаевки и Санька, теперь уже Александр Петрович, участник борьбы против белогвардейцев и интервентов. Он затерялся в толпе и молча утирал слезы.

Тысячные колонны запрудили и Большую Дмитровку, и Тверскую, и набережную Москвы-реки. И стояли люди с непокрытыми головами, прощаясь с человеком, которого народ называл совестью рабочего класса России.

КОМИССАР ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Продовольственная политика «выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране».

В. И. Ленин

Пасмурным февральским днем 1920 года в Кремле шло заседание Совета Народных Комиссаров. Владимир Ильич Ленин внимательно слушал докладчиков и выступавших, то и дело поглядывая на лежавшие перед ним часы, строго следя, чтобы никто не уклонялся от обсуждаемого вопроса. Изредка какой-нибудь заядлый курильщик выходил за дверь и, насладившись плохонькой папиросой, быстро возвращался.

Вопросов возникало много; Ленин, экономя время, посылал записки то одному, то другому члену Совнаркома, и тут же получал ответы на небольших клочках бумаги.

В разгар заседания Ленину передали записку, в которой шла речь о сотруднике Народного комиссариата по продовольствию Юрьеве — его несправедливо обидели, не включив в состав коллегии. Заканчивалась записка следующими словами:

«Я не преувеличиваю его сил. Он не хватает звезд с неба. Но по правде: кто из нас хватает? Волна революции подняла нас высоко, но сами по себе мы люди маленькие. Нельзя ли перерешить вопрос?»

Прочитав записку, Владимир Ильич подчеркнул слово «перерешить», приписал «Я за оставление Юрьева» и, нагнувшись к рядом сидящему человеку, попросил:

— Передайте, пожалуйста, Александру Дмитриевичу.

Александр Дмитриевич Цюрупа, народный комиссар по продовольствию, быстро пробежал ответ Ленина и благодарно взглянул на Владимира Ильича. Он знал, что теперь вопрос будет решен по всей справедливости. И действительно, двадцать четвертого февраля 1920 го-

да Юрьев решением Совнаркома был утвержден членом коллегии Народного комиссариата по продовольствию. И хотя в записке Владимиру Ильичу Цюрупа весьма скромно сказал о способностях Акима Александровича Юрьева (как, впрочем, и о своих), он высоко ценил этого удивительно честного, добросовестного сотрудника, а потому был доволен решением Совнаркома. Вскоре, по настоянию Цюрупы, Пленум ЦК включил в состав коллегии и Артемия Багратовича Халатова, известного партийного деятеля.

Возможно, тогда вспомнил Цюрупа февральский день 1918 года, когда в Смольном Ленин пригласил его к себе в комнату и без обиняков спросил:

— Ваше отношение к хлебной монополии?

— Я не строю из хлебной монополии идола,— ответил Цюрупа.— Но, по-моему, в данный момент она безусловно необходима. Когда вы нам, продовольственникам, скажете, что монополия политически вредна, мы ее не колеблясь выбросим за окошко... Теперь же без хлебной монополии костлявая рука голода задушит революцию.

Ленин одобрительно кивнул головой, сказав, что сейчас это единственно правильная точка зрения.

Не думал в те дни Цюрупа, что вскоре, по рекомендации Ленина, он получит высокое назначение на пост народного комиссара по продовольствию.

Еще совсем недавно, в канун Февральской революции, он, агроном, был управляющим имением князя Вячеслава Александровича Кугушева, богатейшего уральского помещика. И когда он написал Ленину «сами по себе мы люди маленькие», то полагал, что это определение соответствует истине, в его словах не было и намека на самоуничижение.

Так оценивал свое место в рядах большевиков не только Цюрупа, но и многие из тех, кого волна революции вынесла на своем гребне в то историческое утро Советской России и кто, оказавшись рядом с Лениным, взвалил на себя титанический труд революционного переустройства страны.

Как-то в кругу близких друзей другой соратник Ленина, Леонид Борисович Красин, заметил:

«Ну, кто мы, советские дипломаты, такие? Я — инженер, Литвинов — бывший бухгалтер-кассир, работавший

на пеньковой фабричке в местечке Клинцы, Крестинский — учитель. Какие мы дипломаты!» А на самом деле он, этот дипломатический штаб, созданный Лениным, заставил отступить изощренных многоопытных дипломатов буржуазии.

Так и другой штаб — по борьбе с лютым голодом — совершил невероятное. Невероятное, ибо два самых страшных врага были тогда у Советской России — интервенция и голод, и они, как сиамские близнецы, оказались неразрывно связанными и угрожали самому существованию нового строя. Вспомним, что писал Герберт Уэллс в его знаменитой книге «Россия во мгле»:

«Основное наше впечатление от положения в России — это картина колоссального, непоправимого краха... История не знала еще такой грандиозной катастрофы... Насквозь прогнившая Российская империя — часть старого цивилизованного мира, существовавшая до 1914 года,— не вынесла того напряжения, которого требовал ее агрессивный империализм; она пала, и ее больше нет. Крестьянство, бывшее основанием прежней государственной пирамиды, осталось на своей земле и живет почти так же, как оно жило всегда. Все остальное развалилось или разваливается. Среди этой необъятной разрухи руководство взяло на себя правительство, выдвинутое чрезвычайными обстоятельствами и опирающееся на дисциплинированную партию, насчитывающую примерно 150 000 сторонников,— партию коммунистов... Я сразу же должен сказать, что это единственное правительство, возможное в России в настоящее время».

Герберт Уэллс констатировал «колоссальный и непоправимый крах». Россия ему мерещилась во мгле, он до конца не видел и не мог понять весь масштаб и трагическую грандиозность трудностей. Цифры с могильной жестокостью свидетельствовали: до первой мировой войны Россия производила в год один миллиард двести миллионов пудов хлеба. Этот хлеб удовлетворял потребности всей страны. Война все разрушила. С первого августа 1917 года по первое августа 1918 года в России было заготовлено всего тридцать миллионов пудов хлеба. У крестьян в районах России, не подвергшихся нашествию и оккупации, хлеб был, но в неизмеримо меньших масштабах, чем до войны. Но и он осел в тайниках — клунях, амбарах, был зарыт в землю. Его надо

было взять во что бы то ни стало для того, чтобы спасти народ и революцию.

Разумеется, этот вопрос решала вся партия большевиков. Но необходимо было создать штаб, который бы непосредственно осуществил задачу, а во главе штаба поставить человека, которому будет под силу этот, в сущности, подвиг.

В первые дни после Октября народным комиссаром по продовольствию был назначен Иван Адольфович Теодорович.

Владимир Ильич Ленин давно знал этого профессионального революционера, выходца из дворянской семьи, еще в юношеские годы ставшего на путь революционной борьбы и исключенного за это из восьмого класса гимназии. Потом Теодорович учился в Московском университете, мечтал стать естественником, но был арестован как участник студенческих беспорядков. В 1895 году он вступил в московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», был организатором первого социал-демократического кружка в Смоленске.

После создания «Искры» Теодорович пошел вместе с Лениным, был членом Московского комитета РСДРП, но вскоре последовали арест, ссылка в Якутию, откуда Теодорович бежал летом 1905 года в Швейцарию. В Женеве сблизился с Лениным, стал секретарем редакции «Пролетария».

После Февральской революции Теодорович — товарищ[1] председателя Петроградской городской думы, занимался продовольственными делами.

Меньше двух месяцев возглавлял Иван Адольфович Народный комиссариат по продовольствию. Не выдержал чудовищной нагрузки, заболел, и 31 декабря 1917 года на пост народного комиссара по продовольствию был назначен Александр Григорьевич Шлихтер.

В октябрьские дни 1917 года Шлихтер был комиссаром продовольствия Москвы и Московской губернии. После освобождения Теодоровича от обязанностей наркома Центральный Комитет партии счел кандидатуру Шлихтера наиболее подходящей для назначения на этот труднейший пост. Но почти сразу события приняли сложный оборот.

27 января 1918 года в Петрограде был созван Пер-

[1] Так тогда назывался заместитель председателя.

вый Всероссийский продовольственный съезд для обсуждения положения в стране и реорганизации продовольственного дела в центре и на местах. В работе съезда принимали участие делегаты III съезда Советов. Обстановка к этому времени сложилась тяжелая — против большевистского Народного комиссариата по продовольствию выступали Всероссийский продовольственный комитет и Всероссийский продовольственный совет.

Борьбу против Народного комиссариата по продовольствию возглавили меньшевик Громан и кадет Розанов, руководители так называемой «десятки» — Всероссийского продовольственного совета, который был создан на Всероссийском продовольственном съезде. Съезд дал директиву занять «нейтральную» позицию по отношению к Советской власти. В то же время чиновники продовольственного ведомства царской России саботировали дело организации сбора и распределения хлебных ресурсов в стране. Не желала признать Наркомпрод и другая организация — Всероссийский продовольственный комитет; он вел борьбу против Советской власти. Шлихтер приказал арестовать некоторых членов «десятки», а чиновникам прекратить саботаж.

Ленин с возрастающей тревогой следил за создавшейся ситуацией. 27 января 1918 года был опубликован проект постановления Совнаркома «О мерах по улучшению продовольственного положения», а 29 января — «Проекты постановлений СНК по вопросу об организации продовольственного дела». Цель состояла в том, чтобы незамедлительно привлечь к практической деятельности людей, склонившихся к сотрудничеству с Советской властью.

Первый документ был написан Лениным и принят Совнаркомом, он ясно и четко определил: «Совет Народных Комиссаров предлагает Всероссийскому продовольственному Совету и Комиссариату продовольствия усилить посылку не только комиссаров, но и многочисленных вооруженных отрядов для самых революционных мер продвижения грузов, сбора и ссыпки хлеба и т. д., а также для беспощадной борьбы с спекулянтами вплоть до предложения местным Советам расстреливать изобличенных спекулянтов и саботажников на месте».

27 января 1918 года Владимир Ильич выступил на

совещании Президиума Петроградского Совета, которое проходило с представителями местных продовольственных органов. На совещании выявились серьезнейшие разногласия по организационным вопросам между президиумом Продовольственного съезда, президиумом Высшего Совета Народного Хозяйства и Шлихтером. 29 января этот вопрос был вынесен на заседание Совнаркома. Тем временем Всероссийский продовольственный съезд все же стал на путь поддержки Советской власти, упразднил существовавшие продовольственные центры и создал единый высший продовольственный орган — Всероссийский совет снабжения.

Однако в ближайшие дни выяснилось, что эта организация совершенно безжизненна. Продовольственная катастрофа углублялась с каждым часом. Надо было немедленно принимать революционное решение — предоставить народному комиссару по продовольствию чрезвычайные полномочия, освободив при этом Шлихтера.

Сразу возникал и другой вопрос — кого назначить? Кому же теперь поручить эту дьявольски трудную работу? Может быть, члену коллегии Наркомпрода Дмитрию Захаровичу Мануильскому? Владимир Ильич Ленин хорошо знал этого человека по эмиграции, неоднократно встречался с ним. Мануильский умнейший, преданнейший работник партии, человек широких взглядов, образован, гибок. И только что, 11 февраля 1918 года, решением Совнаркома его назначили заместителем народного комиссара по продовольствию с предоставлением ему решающего голоса в Совете Народных Комиссаров в случае отсутствия Шлихтера.

Но нет, не подойдет Мануильский на этот пост, не выдержит. Нужен кто-то другой. Но кто? Мысли Ленина все чаще и чаще фокусируются на одном человеке: Цюрупа!

АГРОНОМ ИЗ ГОРОДА АЛЕШКИ

Первая встреча Ленина с Цюрупой произошла в 1900 году и зафиксирована в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»:

«В 1900 году после окончания срока ссылки в Шушенском Ленин по дороге из Шушенского в Псков посетил Уфу, где встретился со многими активными деятелями

социал-демократической партии: В. И. Засулич, И. В. Бабушкиным, П. Н. Лепешинским, И. Х. Лалаянцем, А. Д. Цюрупой».

Потом было еще две встречи — одна в 1901 году, другая в 1905 году, состоявшаяся в Петербурге на заседании ЦК РСДРП большевиков. Надежда Константиновна Крупская свидетельствует, что после первого знакомства в Уфе Ленин и Цюрупа обменивались письмами.

Несмотря всего на три встречи, Ленин имел ясное представление о жизни и деятельности Цюрупы.

Каков же был его жизненный путь, как шло формирование его личности?

В 1927 году по просьбе Партийного архива Александр Дмитриевич предоставил материал для биографического очерка партийному журналисту Игнатию Корнильевичу Гудзю, которому поручено было подготовить статью. Со слов Цюрупы он записал:

«Мой дед и бабушка по матери по-видимому в 20-х или 30-х гг. (XIX века.— *З. Ш.*) были крепостные крестьяне и бежали из Владимирской губернии в вольную тогда Новороссию и обосновались в г. Алешках».

Предки Цюрупы прочно осели на юге России, пустили корни. Там и родился Александр Цюрупа в 1870 году.

Отец его Дмитрий Павлович Цюрупа, секретарь городской управы в Алешках, был человеком свободомыслящим, добрым, отзывчивым на людскую беду. Мать — Александра Николаевна — из крепостных графа Панина, после кончины мужа взяла на себя всю заботу о семье, работала портнихой, старалась, чтобы дети выросли хорошими, честными людьми.

Из анкеты, которую Цюрупа заполнил 17 декабря 1925 года как делегат XIV съезда ВКП(б), можно почерпнуть некоторые данные о его революционной деятельности, репрессиях, которым он подвергался со стороны царского режима. На вопрос о народности ответил: русский:

В 1887 году Александр Цюрупа уехал в Херсон, поступил в сельскохозяйственное училище, там вошел в подпольную студенческую организацию. Документы департамента полиции «О сыне чиновника Александре Дмитриевиче Цюрупе» проливают свет на деятельность молодого революционера, показывают круг его интересов. Вот справка из дела № 10:

«Цюрупа привлекался в 1893 году к дознанию по делу Козаренко, Скадовской и других, об организованном в Херсонском земледельческом училище тайного кружка воспитанников, издававшем рукописный журнал под названием «Пробуждение».

Обыском у Цюрупы ничего предосудительного не обнаружено, но незадолго до обыска он, узнавши о произведенных в Херсоне арестах, передал Скадовской на хранение два тюка с 19 тетрадями «Пробуждения» и революционными изданиями, в числе коих находились «Социализм и политическая борьба» Плеханова, «В защиту правды» — речь Либкнехта, «Социализм в Германии» Энгельса, «К молодежи» П. Лаврова, а также «Сущность социализма» Шеффле».

Не довелось Цюрупе долго учиться. Его арестовали, бросили за решетку Херсонской тюрьмы. После освобождения нечего было и думать о возвращении в Алешки, а тем более о продолжении учебы.

В Херсоне Цюрупа вступил в социал-демократический кружок. Но вскоре последовал новый арест, новая тюрьма. А оказавшись через многие месяцы на свободе, Цюрупа навсегда покинул Херсон.

Отныне вся его деятельность с небольшими перерывами будет проходить в глубинных районах России — в Симбирске, Туле, Тамбове, Уфе.

В Симбирске Цюрупа работал в губернском статистическом бюро. За ним следили агенты департамента полиции, и, когда он переехал в Уфу, туда поступило тайное донесение жандармов:

«Состоящий под негласным надзором полиции сын губернского секретаря Цюрупа Александр Дмитриевич прибыл в конце декабря 1897 года в Уфимскую губернию и поселился в Уфе».

Потом партия послала Цюрупу в Харьков. Его избрали членом Харьковского комитета РСДРП. В этом городе Цюрупа работал статистиком, проявил недюжинные способности профессионального революционера: организовал первомайскую демонстрацию, показавшую растущую силу пролетариата, забастовку статистиков, о которой писала ленинская «Искра»: на арену политической борьбы вышел чиновный люд. Это было нечто новое для России.

После возвращения в Уфу Цюрупа становится аген-

том «Искры». Ее сотрудники, по замыслу Ленина, стали ядром партии. А когда в Уфе был создан опорный пункт «Искры», группу искровцев в этом городе возглавили Надежда Константиновна Крупская и Александр Дмитриевич Цюрупа.

В Уфе Цюрупа познакомился с князем Вячеславом Александровичем Кугушевым. Князь походил на крестьянина: ходил в холщовых штанах, плисовом пиджачке, простых сапогах. Друзья сказали Цюрупе, что князь сидел в Бутырской тюрьме, личность весьма интересная. Его пытались упрятать в сумасшедший дом.

— Блаженный? — спросил Цюрупа.— Или модничает?

— Нет. Князь был близким другом Димитра Благоева.

Князь и Цюрупа проговорили всю ночь. Расставаясь, Кугушев предложил Александру Дмитриевичу стать управляющим уральскими имениями в Узенском. Цюрупа согласился — сразу понял, что такой оборот дела будет на пользу Уфимской организации большевиков.

В деле департамента полиции за номером 1248/1905 появилась справка «Об обер-офицерском сыне Александре Дмитриеве Цюрупе», подписанная уфимским вице-губернатором:

«Пункт 9. Занятие, образ жизни и поведение — служит управляющим имением князя Кугушева. За недавним прибытием сведения дать затрудняюсь».

Не знал тогда уфимский вице-губернатор, что в имении Кугушева создана социал-демократическая организация, к которой, как позже доносил жандармский чин Изергин, «принадлежит управляющий имением Александр Дмитриевич Цюрупа, крестьянин из села Булгаково Чугунов и ихний объездчик Иван Кондратьевич Шустов».

Изергин основательно запоздал со своим доносом: в имении Кугушева уже давно существовала подпольная большевистская организация; в нее входили не только те, кого упомянул полицейский чин, но и многие другие.

Все же жандармам при помощи подосланных провокаторов удалось обложить «красное гнездо» в Узенском. Цюрупа был обвинен в государственном преступлении и сослан в Олонецкую губернию. Вскоре туда выслали и

князя «на основании высочайшего повеления, за принадлежность к преступному сообществу». Это произошло 23 августа 1903 года.

Владимир Ильич, узнав об аресте Цюрупы, обратился к Ивану Ивановичу Радченко, который по поручению Центрального Комитета РСДРП поддерживал связь с провинцией, и просил срочно сообщить, не знает ли он подробностей ареста и известно ли что-либо о дальнейшей судьбе Александра Дмитриевича.

Таким образом, еще до Октября у Ленина с Цюрупой были личные встречи и Владимир Ильич знал о деятельности социал-демократической организации в Уфе, Харькове и роли Александра Дмитриевича в крупнейших организациях большевистской партии. Но, в сущности, жизненный путь Цюрупы был обычным для российского революционера.

Что же привлекло так Ленина в Цюрупе? Как и все борцы большевистской партии, он отличался честностью, беззаветной преданностью делу революции, бесстрашием. Когда же Цюрупа вскоре после Октября приехал из Уфы в Петроград и встретился там с Лениным, выяснилась еще одна важнейшая деталь, по-новому и очень ярко высветившая его ум, характер и прозорливость. А выяснилось вот что. После Февральской революции Цюрупа был назначен в Уфе руководителем продовольственной управы. В Уфимской губернии были большие запасы хлеба. Но Цюрупа не отправлял его Временному правительству. Он был убежден, что на смену буржуазно-демократической революции неизбежно придет пролетарская, и вот тогда он пошлет хлеб в главные центры страны — Петроград и Москву. Так он и поступил. И когда Цюрупа приехал в Петроград, то там уже разгружали эшелоны с хлебом, посланные им из Уфы.

Мог ли Ленин с его чудодейственным даром проникновения в характер человека не оценить действия Цюрупы? Конечно, нет!

Обстановка в стране требовала прилива все новых и новых революционных сил, быстрых решений. Ленин, оценив деловые и человеческие качества Цюрупы, предложил ему руководящий пост в республике на сложнейшем плацдарме борьбы, причем в такое время, когда в государстве еще не было единого продовольственного

органа, а бывшие руководители продовольственного дела Громан и Розанов, вся контрреволюция срывали дело снабжения.

Цюрупа тогда не задержался в Петрограде, сразу же уехал в Уфу, чтобы завершить свои партийные и служебные дела, но заболел и вернулся в Петроград лишь через несколько недель, когда вопрос о работе Народного комиссариата по продовольствию достиг наибольшей остроты. Вот тогда-то и пригласил к себе Ленин Цюрупу, поговорил с ним о хлебной монополии и сказал, что конкретно ему придется делать.

25 февраля 1918 года Александр Дмитриевич Цюрупа решением Совета Народных Комиссаров был утвержден народным комиссаром по продовольствию.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Историки нашей эпохи вновь и вновь будут обращаться к первым годам Советской власти, тому утру России, когда началось строительство нового человеческого общества.

И прежде всего будут констатировать тот непреложный факт, что правительство Ленина с беспощадной прямотой всегда говорило народу правду о положении дел, ничего от него не утаивая.

9 мая 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет, в котором была изложена создавшаяся обстановка:

«Гибельный процесс развала продовольственного дела страны, как тяжкое последствие четырехлетней войны, продолжает все более расширяться и обостряться. В то время как потребляющие губернии голодают, в производящих губерниях в настоящий момент имеются по-прежнему огромные запасы даже не обмолоченного еще хлеба урожаев [19]16 и [19]17 годов. Хлеб этот находится в руках деревенских кулаков и богатеев, в руках крестьянской буржуазии. Сытая и обеспеченная, скопившая в своих кубышках огромные суммы денег, вырученных от государства за годы войны, крестьянская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты, не вывозит хлеба к ссыпным пунктам в расчете принудить государство к новому и новому повышению хлебных цен

и продает в то же время хлеб у себя на месте по баснословным ценам хлебным спекулянтам-мешочникам.

Этому упорству жадных... деревенских кулаков и богатеев должен быть положен конец. Продовольственная практика предшествующих лет показала, что срыв твердых цен на хлеб и отказ от хлебной монополии, облегчив возможность пиршества для кучки наших капиталистов, сделал бы хлеб совершенно недоступным для многомиллионной массы трудящихся и подверг бы их неминуемой голодной смерти».

Декрет Совнаркома был разработан Лениным и Цюрупой и подписан главой правительства. Меньшевик Череванин, злорадствуя, на заседании ВЦИКа заявил: «Чувствуя близкий крах, Советская власть делает последние судорожные попытки спасти себя». А Советская власть продолжала говорить правду.

28 мая 1918 года Совнарком обратился к рабочим и крестьянам со специальным воззванием. Вот строки из этого документа:

«С каждым днем продовольственное положение Республики ухудшается.

Хлеба в потребляющие районы доставляется все меньше и меньше.

Голод уже пришел; его ужасное дыхание чувствуется в городах, фабрично-заводских центрах и потребляющих губерниях.

Голодные и истомившиеся рабочие и крестьянская беднота, мужественно переносящие все тягостные последствия преступной империалистической войны, обращаются с мучительными вопросами к власти:

Почему нет хлеба?

Когда, наконец, прекратятся страдания голодных людей?

Что делает власть, чтобы ослабить продовольственный кризис?

Что должны делать рабочие и крестьянская беднота, чтобы выйти из создавшегося положения и не дать голоду разрушить завоевания революции?..»

Именно теперь, в мае 1918 года, резко ухудшилось продовольственное положение в Петрограде, где в начале весны удалось смягчить кризис. Было известно, что

в Сибири имеются огромные запасы нетронутого, даже не обмолоченного хлеба. После освобождения Шлихтера от обязанностей наркома продовольствия Центральный Комитет партии послал Александра Григорьевича туда в качестве чрезвычайного комиссара. В течение февраля — марта из Сибири в Петроград было направлено около миллиона пудов хлеба, и город ожил. Но в мае белоэсеровские банды захватили Сибирь, и эта житница перестала снабжать Центральную Россию.

Такова была ситуация в первые месяцы деятельности Цюрупы на посту народного комиссара продовольствия.

День, когда он вошел в здание Продовольственного комитета, запомнился ему на всю жизнь. Комитет помещался в Аничковом дворце, а кабинет народного комиссара — в апартаментах, где Александр II принимал сановников.

Дородный швейцар с галунами и позументами строго спросил:

— Вы кто будете, господин... товарищ?

Чиновники бывшего царского ведомства встретили нового народного комиссара гробовым молчанием. Потом раздались выкрики: «Долой», «Работать не будем».

Цюрупа, внутренне напрягшись, стараясь сохранить спокойствие, ждал, что будет дальше. Это еще больше разъярило чиновников. Выкрики продолжались. Цюрупа молчал. Но вдруг сквозь толпу чиновничьих пиджаков к Александру Дмитриевичу протиснулся человек с открытым приятным лицом, мягко улыбнулся и сказал, что народный комиссар вполне может на него рассчитывать. И он не одинок здесь.

— Кто вы? — спросил Цюрупа.

Тот подал руку, назвал себя:

— Шмидт Отто Юльевич, социал-демократ-интернационалист... В последние годы был приват-доцентом Киевского университета, а теперь по поручению своей партии... вот здесь.

Цюрупа пожал Шмидту руку, дружески ответил:

— Очень рад. Значит, работать будем вместе.

Через несколько недель решением Совнаркома Отто Юльевич Шмидт, математик и будущий знаменитый полярный исследователь и ученый, был назначен членом коллегии Народного комиссариата по продовольствию.

Уже в первые не только дни, но и часы Цюрупа, которому Центральный Комитет партии вверил столь высокий пост, попытался уяснить всеобщее положение с чисто практической точки зрения. Беседы с Владимиром Ильичем, с которым он встречался тогда каждый день, помогли выявить главное направление деятельности продовольственных органов и методы работы: прежде всего надо было создать аппарат — собрать бесстрашных и преданных людей, организовать продовольственные отряды из рабочих и послать их за хлебом, начать жесточайшую борьбу со спекулянтами и мешочниками.

Согласно решению Совнаркома народному комиссару по продовольствию предоставлены чрезвычайные полномочия. Это значит, что в руках Цюрупы по решению большевистской партии сосредоточивается громадная власть. Но ни он и никто другой из его сотрудников не имеют права злоупотреблять ею, ибо злоупотребление властью — это дискредитация революции и Советского государства. И Цюрупа каждодневно будет напоминать об этом. А когда через некоторое время злоупотребление властью все же произойдет, то этот случай с тамбовским губернским комиссаром продовольствия Гольдиным, как явление исключительно позорное, станет еще одним предупреждением для всей армии продработников.

А в Тамбове было вот что. Губернский продкомиссар разослал предписание:

«Всем приемщикам, всем контрагентам. Вмените в обязанность заведующим ссыппунктов неуклонно следить за способом хранения, качеством хлебов. При первом случае порчи хлебов заведующий ссыппунктом будет расстрелян, приемщик передан в распоряжение Губчека».

Распоряжение ретивого губпродкомиссара вызвало жалобы. Стало ясно, что в Губчека будет передан он сам и строго ответит за превышение власти. Документ этот каким-то образом попал в руки Максима Горького, и тот передал его Владимиру Ильичу, стараясь оправдать распоряжение неопытностью губпродкомиссара. В связи с этим Ленин написал руководству Наркомпрода следующую записку:

«Горький передал мне эти бумаги, уверяя, что Гольдин — мальчик неопытный-де.

Это-де кулаки *злостно* кладут в хлеб снег: ни нам, ни вам. Чтобы сгорел.

Позвоните мне, пожалуйста, Ваше заключение: что следует сделать и что Вы сделали?

С коммунистическим приветом
Ленин».

Из Наркомпрода полетела телеграмма в Тамбов: «Немедленно сообщите, приводился ли хоть в одном случае этот приказ в исполнение. Издавая его, Вы превысили полномочия... Отвечайте немедленно мне, копией Совобороны Ленину».

За превышение власти Гольдин получил соответствующее наказание. К счастью, дело не дошло до того, чтобы расстрелять какого-либо заведующего ссыпным пунктом. Повторяем, что случившееся было явлением исключительным для продработников, ибо законность действий была для них железным правилом.

Сразу после назначения Цюрупы ЦК партии и лично Владимир Ильич поручили ему подготовить Декрет о продовольственной диктатуре. Он до деталей продумал все формулировки, а чтобы быть абсолютно уверенным, выехал в подмосковные деревни поближе познакомиться с обстановкой, поговорить с крестьянами.

Сведения об этой его поездке весьма скупы, но все же позволяют рассказать, как это было. Поездом Цюрупа доехал до Серпухова, а оттуда на лошади, запряженной в повозку, прибыл в деревню. Мог он, конечно, отправиться и на автомобиле. Но тогда крестьяне сразу поняли бы, что приехало высокое начальство — автомобили в ту пору были редкостью.

Цюрупа заехал в первый крестьянский дом у околицы. Дом был не бедняцкий, не покосившаяся избенка с проваливающейся завалинкой, а добротный, крепко сбитый, с резными окнами и ставнями. Хозяин оказался середняком с лошадкой, тремя коровами, кое-каким инвентарем. Принял заезжего настороженно, спросил, кто и откуда, зачем пожаловал.

Цюрупа не солгал, сказав, что агроном, интересуется севом, скоро ведь пора и в поле выходить, земля плуга просит.

Приезд нового человека в деревню — всегда событие. В избу набились люди, слушали, что скажет приезжий,

скупо, с крестьянской осторожностью и хитринкой отвечали на вопросы. Спрашивали, не знает ли агроном, что Советская власть дальше делать думает. В закромах, конечно, кое-что есть, но ведь и самим жить надо, а не все государству отдавать. Были и вопросы с подковыркой, и неопределенные угрозы неизвестно в чей адрес, осторожности ради — кто его знает, этого приезжего, откуда и зачем прибыл. Агроном вроде агроном, а пальто на нем не худое, больно городское...

Поездка в деревню дала Цюрупе толчок к новым размышлениям, позволила еще лучше понять настроение крестьянства, которое он и так хорошо знал.

8 мая 1918 года Цюрупа выступил с проектом Декрета о продовольственной диктатуре на заседании Совнаркома. Владимир Ильич одобрил проект и предложил создать особую комиссию для его доработки и представить к 18 часам завтрашнего дня, то есть к вечеру 9 мая. Точно в назначенное время Совнарком снова заслушал доклад Цюрупы. Ленин внес некоторые поправки и после принятия решения Совнаркомом подписал Декрет о продовольственной диктатуре.

На следующий день события разворачивались следующим образом. Отметить это очень важно, ибо между наркомом продовольствия и ВЦИКом, в котором довольно широко были представлены левые эсеры, произошел конфликт. Цюрупа заявил об отставке. 10 мая, видимо утром, Ленин написал Цюрупе письмо с просьбой подтвердить решение о создании продовольственных отрядов из рабочих для военного похода на деревенскую буржуазию и взяточников.

Александр Дмитриевич выполнил это поручение Владимира Ильича, но в тот же день, 10 мая, Ленин получил записку Цюрупы с сообщением о том, что в Президиуме ВЦИК только что закончилось редактирование декрета о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию и он не согласен с некоторыми поправками. Вот текст записки: «Только что закончилось рассмотрение декрета о продовольственном деле в президиуме Ц. И. К. Внесен ряд поправок, отмеченных черными чернилами. Есть весьма существенные, меняющие существо полномочий. Скажите вкратце Ваше мнение, а также сообщите формальный порядок его вве-

дения в виду того, что перед принятием декрета мной заявлено о сложении полномочий.

Цюрупа».

Ленин незамедлительно ответил:

«Декрет ухудшен (но по-моему, в мелочах, и *не стоит* поднимать оттяжки: это возможно — жалобой в Ц. К.— но, по-моему, не стоит).

Ваше заявление об отставке, пока она не принята, не имеет юрид[ического] значения».

По совету Владимира Ильича Цюрупа к вопросу об отставке больше не возвращался. Не то было время. И не тот он был человек, чтобы прекратить борьбу за хлеб.

«ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ ПРОШУ... СДЕЛАТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ»

Шла весна 1918 года.

До революции в кугушевском имении в эту пору уже бывала в разгаре деревенская страда, заканчивали сев, работали на огородах, в садах, и пчелы роем кружились над бесчисленными пасеками.

Александр Дмитриевич в Узенском вставал раньше всех — и в поле. Любил он бескрайние просторы Приуралья, вековые дубравы, напоенные ароматом хвои, сказочные поляны, на которых можно было увидеть и лису, и зайца, стремглав улепетывающего от своего вековечного врага.

Оставив лошадь где-нибудь у межи, Цюрупа часами без устали обходил поля, беседовал с крестьянами, смотрел, все ли сделано как положено по агрономической науке. Любил он порядок — не тот педантичный скучный порядок, от которого душу воротит, а мощную гармонию, созданную природой, общение с ней, дающее радость и дарующее душевный покой.

Часто он объезжал поля вместе с Вячеславом Александровичем Кугушевым. Добрая лошадка из знатных конюшен, запряженная в двуколку, быстро несла их от поля к полю, от дубравы к дубраве. Домой возвращались, когда солнце стояло высоко, и вся большая семья садилась обедать. За длинным столом в «едовой», как ее шутя называл Кугушев, рассаживалось много народу, часто приезжали друзья-подпольщики из Уфы, а то и прямо из Петербурга. После обеда Александр Дмит-

риевич уединялся с ними в своей комнате: обсуждались важные вопросы, задумывались побеги из тюрем, говорили о создании новых организаций партии. Князь Кугушев передавал для этой цели большие суммы денег.

Теперь все это было далеким прошлым, отрезано революцией. Ни в тюрьмах, ни в ссылке, где Александр Дмитриевич провел годы, он, конечно, не представлял себе, что путь будет легким, тем более в отсталой России. Но, возможно, и не предвидел всех будущих трудностей и той ломки, которую и ему лично придется пережить. Надо было обладать великой идейной убежденностью и несгибаемым моральным здоровьем, чтобы в бушующем море увидеть главное. Эти качества в полной мере были присущи бывшему студенту провинциального сельскохозяйственного училища, самому избравшему путь революционной борьбы...

После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву в марте восемнадцатого года Ленин и многие члены Совнаркома поселились в гостинице «Националь», которая стала именоваться Первым домом Советов. Цюрупа занял небольшую комнату, питался кое-как, а больше голодал. Злая болезнь, грудная жаба, все чаще давала себя знать. Александр Дмитриевич осунулся, похудел, но его серые глаза всегда излучали удивительное тепло, придавали всему его облику мягкость, так привлекавшую всех, кто с ним общался. Вероятно, это была одна из тех черт, которые несколько отличали Цюрупу от его предшественников на посту наркомпрода. Теодорович, как пишет Шлихтер, вообще не появился в Аничковом дворце, и сотрудники Наркомпрода с ним даже не познакомились. Шлихтер с его острым характером, видимо, действовал слишком прямолинейно. Цюрупа был неизменно корректен, почти мягок в обращении с людьми, гибок, когда в том была необходимость, предельно принципиален. Ленин сразу разглядел в нем эти качества. Он оценил также его «поразительно большой природный ум» и «величайшую добросовестность в государственной работе». Именно об этом говорил Владимир Ильич в беседе со своим другом со студенческих лет, революционером и государственным деятелем Глебом Максимилиановичем Кржижановским.

Эти качества привлекали к Цюрупе всех и подчас обезоруживали врагов. Цюрупе удалось привлечь на

сторону Советской власти сотни бывших чиновников — специалистов продовольственного дела.

Всю весну Цюрупа вместе с ближайшими помощниками, работниками ЦК РКП большевиков и Московского губкома партии формировали продовольственные отделы и продотряды, сносились с губерниями, где партийные комитеты создавали свои продовольственные отряды, посылали их в глубинки выколачивать хлеб для Москвы и Питера.

Положение в столице с каждым днем становилось все более тревожным, да и в Петрограде дело было не лучше. Цюрупа предложил Красную Совету Народных Комиссаров использовать Красную Армию для борьбы за хлеб, превратить отдельные части в трудовую армию. Ленин принял это предложение и посоветовал в каждый местный комиссариат снабжения включить от двадцати до пятидесяти рабочих местных заводов и фабрик. Двадцатого мая на заседании Совнаркома Ленин и Цюрупа, прежде чем вынести вопрос на утверждение, обменялись записками. Цюрупа предложил, чтобы рабочие были включены не в штат комиссариатов снабжения, а в «технический аппарат». Ленин тут же ответил: «Конечно, не в *состав* комиссариатов, а в кадры 1) агитаторов, 2) контролеров, 3) исполнителей». Совнарком утвердил это предложение, и на места пошли соответствующие телеграммы.

Но где Советское правительство могло взять хлеб, на какие районы страны была надежда и где надо было сосредоточить главные усилия?

Основными хлебными районами в ту пору были Северный Кавказ и Приуралье, в частности Уфимская губерния. Украина и Сибирь были заняты интервентами. Но и Северный Кавказ мог оказаться в ближайшее время в руках врага, и надо было спешить. ЦК РКП(б) направил туда максимум партийных сил.

Особо сложным было продовольственное положение в Центральной России. Из подмосковных городов, с верховья Волги, с Брянщины и Полесья — отовсюду в Москву были направлены ходоки с одним заданием: добыть хоть сколько-нибудь хлеба и без него не возвращаться. Ходоки прибывали в столицу поездами, на дребезжащих автомобилях, на лошадях, а то и пешком. И шли прямо в Кремль к Ленину. Он часами беседовал с ними, вы-

спрашивал до мелочей о положении на местах, мучительно размышляя, что и как сделать, чтобы спасти людей от голодной смерти.

Вот три записки, переданные Цюрупе от Ленина на протяжении четырех дней 1918 года:

7 июня.

«Тов. Цюрупа! Посылаю к Вам представителей Вышневолоцкого Совдепа.

Голод там мучительный. Надо экстренно помочь всякими мерами и дать хоть что-либо тотчас.

Я уже беседовал с этими товарищами об образовании отрядов и о задачах продовольственной работы, но надо, чтобы и Вы с ними объяснились.

Ленин».

10 июня.

«Тов. Цюрупе...

Податели — товарищи от Мальцевских заводов (до 20 000 рабочих, в их округе до 100 000). Продовольственное положение — катастрофическое.

Прошу выслушать их и

(I) принять экстренные меры, чтобы тотчас помочь хоть в пределах минимума, но помочь немедленно».

11 июня.

«Тов. Цюрупа!

Податели — представители Брянского завода. Так как вчера Вы... хорошо столковались с мальцевскими, то, я уверен, столкуетесь и с брянцами. Очень и очень прошу принять их тотчас и сделать все возможное.

«Привет! Ваш *Ленин».*

Итак, Владимир Ильич Ленин «очень и очень просит» народного комиссара Цюрупу помочь немедленно голодным городам, тысячам и сотням тысяч рабочих. И идут с записками Ленина делегации из Кремля, пересекают Красную площадь и поднимаются на второй этаж здания, где находился Народный комиссариат по продовольствию (ныне — ГУМ) к Александру Дмитриевичу. Там, в его кабинете, с утра и до утра люди: ходоки, делегации, продовольственники всех степеней, командиры и комиссары продовольственных отрядов. Они докладывают о положении на местах и просят хлеба. Хлеба! Хлеба! Хлеба! Он нужен всем — и детям, и взрослым, и голодным солдатам, отстаивающим революцию, и рабочим у станков.

Но Цюрупа знает, что хлеба нет. Склады пусты. Все, что пришло, распределено до последнего фунта. Есть лишь небольшой резерв для московских детей.

Об этом крохотном резерве знают только два человека: Ленин и он. Да еще голодные солдаты, с винтовками охраняющие этот единственный заветный склад. Народный комиссар берет в руки карандаш и тут же в присутствии рабочих мальцевских заводов прикидывает на бумажке: там, в окру́ге, продовольственное положение катастрофическое. Владимир Ильич пишет о ста тысячах рабочих, и если в каждой семье по два ребенка, то, страшно подумать, там голодают двести тысяч детей. Да, другого выхода нет. И он делит оставшийся хлеб между мальцевскими и московскими ребятишками. Он выполняет просьбу Ленина: помочь немедленно.

Всю ночь Александр Дмитриевич не выходит из кабинета: связывается с «хлебными губерниями», шлет туда новых полпредов продовольственного фронта, рассылает новые рабочие отряды, шлет телеграммы всем губпродкомам, на все узловые железнодорожные станции России в надежде, что хоть где-нибудь застряли хлебные маршруты...

А на следующий день к нему приходят ходоки Брянского машиностроительного завода. От усталости и голода они в изнеможении опускаются на стулья, протягивают записку Ленина и молча ждут ответа.

И снова наступает тягостное раздумье: что делать? Ведь они не могут уйти отсюда без ясного и точного ответа, что помощь, пусть самая мизерная, будет оказана. Цюрупа мысленно перебирает все возможное, вынимает свою заветную книжечку, в которой отмечены маршруты хлебных эшелонов. И находит выход. Там, на юге, к Москве под охраной пулеметов пробиваются три эшелона. Они уже отбили несколько атак, потеряли до взвода охраны, но продолжают путь к столице. Завтра, если все будет благополучно, эшелон прибудет в Орел. А что, если его повернуть на Карачев, в сторону Брянска. Дорога там еще свободна. Пожалуй, это единственный выход. Один эшелон надо отдать брянцам. Цюрупа советуется со своими ближайшими помощниками. Они согласны: другого выхода нет. Теперь надо посоветоваться с Московским комитетом партии. Цюрупа звонит секретарю МК Владимиру Михайловичу Загор-

скому, говорит о записке Ленина, о том, что у него находятся ходоки Брянского завода. Загорский уже привык к таким звонкам, знает, что, если Александр Дмитриевич звонит, значит, положение в Брянске еще хуже, чем в Москве. С брянцами надо поделиться последним. И в Орел идет телеграмма: эшелон номер такой-то повернуть на Карачев и направить в Брянск...

Вечером Цюрупа снова задержался в комиссариате. Домой идти не хотелось. Из Уфы, где находилась его семья, поступали тревожные вести — колчаковская армия подходила к городу, в любой момент могло поступить сообщение, что вражеские полки ворвались в него. В Уфе застряли также жены и дети старого большевика Брюханова, заместителя Цюрупы, и Юрьева. Николай Павлович Брюханов и Аким Александрович Юрьев, как будто сговорившись, молчат об этом. Но он-то знает, как они тревожатся. Да и сам он не меньше их волнуется. Но сделать ничего нельзя, остается ждать. В последние дни поступили сведения, что 5-я армия, действующая в районе Уфы, нанесла белым удар и отбросила их на восток. Может быть, все обернется лучшим образом, и тогда он сразу заберет семью в Москву...

Была уже полночь, когда Александр Дмитриевич вышел из комиссариата. Над Красной площадью висела огромная желтая луна.

Он медленно пересек площадь. Вдали чернело здание Первого дома Советов. Цюрупа поднялся к себе в комнату. Принес из кипятильника стакан горячей воды. Заварки не было. И сахару не было. Выпил с куском хлеба и сразу заснул.

НУЖНЫ КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ

После дождливой бурной весны наступило знойное лето. В былые времена теплые дни радовали, сулили богатый урожай. А теперь вокруг лежали незасеянные поля. Земля ждала своего извечного пахаря — мужика, кормильца России, а он все еще держал в руках винтовку, отбиваясь от наседавших врагов.

В Москву должен был прийти хлеб с Юга, с Нижней Волги, но положение там оставалось сложное. 7 июня 1918 года Сталин, назначенный вместе с членом коллегии Наркомпрода Якубовым комиссаром продовольствен-

ного дела Юга России, телеграфировал Владимиру Ильичу:

«В Царицыне, Астрахани, в Саратове хлебная монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция... Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые же вводят порядок, несмотря на протесты коллегий... Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов — Козлов—Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов. Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим «хлебную неделю» и отправим в Москву сразу миллион пудов со специальными сопровождающими из железнодорожников, о чем предварительно сообщу».

Ленин, получив телеграмму, сразу же передал ее Цюрупе, спросив, что он думает по существу дела и предложений, изложенных в ней. Александр Дмитриевич в ту же ночь направил в Царицын группу опытных специалистов из старого ведомства продовольствия, но уже через несколько дней получил сообщение, что приняли их недружелюбно и более того — с недоверием и подозрительностью. Цюрупа решил дать на имя Сталина и Якубова телеграмму, в которой выразил свое возмущение, потребовал, чтобы посланные им люди немедленно были использованы по назначению. Перед отправкой телеграммы Александр Дмитриевич показал ее Владимиру Ильичу, рассказал о создавшемся положении. Ленин дополнил телеграмму следующими словами:

«Настоятельно советую принять и поставить на работу посылаемых Цюрупой людей, раз он ручается за них. Крайне важно использовать опытных честных практиков.

Предсовнаркома
Ленин».

11 июня эта телеграмма была отправлена в Царицын. Сразу после телеграммы в Царицын выехала еще одна группа специалистов, которая должна была наладить отправку хлеба по железной дороге и волжским путям.

Цюрупа ясно сознавал истинное положение дел и,

не теряя времени, опираясь на помощь партийных организаций Москвы, разослал новые группы заготовителей, особенно в ближайшие к Москве губернии — Тульскую, Воронежскую, Ярославскую. В Тульскую губернию на должность комиссара военно-продовольственного отряда был назначен В. Л. Панюшкин.

Владимир Ильич внимательно следил за работой комиссаров, просил Цюрупу передавать ему их донесения о положении на местах. Ознакомившись с одним из докладов Панюшкина, Владимир Ильич написал письмо Цюрупе, а копию послал Панюшкину:

«Из доклада Панюшкина видно, что он прекрасно работает, но неимоверно разбрасывается, берется за 100 дел.

Это недопустимо

Надо дать Панюшкину строго определенное, точное, письменно зафиксированное *поручение:*

(1) *обобрать* и отобрать *все* излишки хлеба у кулаков и богатеев всей Тульской губернии,

(2) *свезти* весь этот хлеб *тотчас* в Москву,

(3) *ни за какое иное дело до полного выполнения этого поручения не браться.*

Для выполнения дела взять побольше грузовых автомобилей».

17 июня пришло обнадеживающее сообщение из Царицына, где уже работали специалисты, посланные Цюрупой. Чрезвычайные комиссары продовольственного дела на Юге России сообщили, что отправили в Москву полмиллиона пудов хлеба и полторы тысячи голов скота. И полмиллиона (вместо обещанного ранее миллиона) были хорошим подспорьем для Москвы. Однако возникли новые сложности. Железнодорожное сообщение между Царицыном и Москвой было прервано наступлением белогвардейских армий, оставалась надежда на Волгу. Цюрупа дал указание всем губпродкомам в волжских городах мобилизовать баржи, отправить их немедленно в Царицын и обеспечить ускоренное продвижение хлеба по водной магистрали.

Но откуда бы ни поступал теперь хлеб, ясно было, что надо искать новые пути, новые методы, которые ускорили бы решение продовольственной проблемы.

Революция дала крестьянству землю, но не так-то

легко было поднять эту землю. И совсем уж нелегко было вот так, сразу перестроить крестьянскую психологию, сделать даже бедного крестьянина своим безоговорочным союзником и убедить его отдать хлеб для дела революции.

Цюрупа не раз высказывал эти мысли Владимиру Ильичу и на совещаниях в Совете Народных Комиссаров, все время размышляя над тем, как лучше и быстрее сделать крестьянина своим подлинным союзником во всех важнейших начинаниях Советской власти.

Так возникло предложение, которое Александр Дмитриевич изложил Ленину: надо временно создать в деревнях комитеты бедноты. Это будет лучший и преданнейший союзник Советской власти.

Революционная часть крестьян находилась в армии, а разрозненному беднейшему крестьянству трудно в одиночку бороться с кулачеством. Политическая организация поможет ему укрепить свое положение. Середняка же ни в коем случае нельзя оттолкнуть от себя, он был и еще долго будет в Советской России крупнейшим производителем хлеба.

В начале июня 1918 года Цюрупа представил набросок декрета. Владимир Ильич попросил несколько дней для обдумывания, а затем, встретившись с Александром Дмитриевичем, сказал, что полностью поддерживает идею о комитетах бедноты, и поручил подготовить окончательный проект декрета для утверждения его в Совнаркоме и ВЦИКе.

Цюрупа, не упуская текущие дела Наркомпрода, все вечера работал над декретом. По разработанному им проекту Совнарком и ВЦИК утвердили «Декрет об организации и снабжении деревенской бедноты» и по всей стране начали организовываться комитеты бедноты. Они помогали собирать хлеб, раскрывали запасы, скрытые кулачеством, и, что особенно важно, в определенной степени свели на нет власть кулачества в деревне. Пройдет девять месяцев, и на VIII съезде РКП(б), в марте 1919 года, Ленин в своем докладе даст политическую оценку комбедам, укажет, что только после их организации «наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, *а на деле стала пролетарской»*.

Но в те дни, когда Цюрупа работал над декретом,

революция подверглась новому тягчайшему испытанию. 6 июля начался контрреволюционный эсеровский мятеж.

Все последние недели руководители левых эсеров активизировали работу против Советской власти. Ленин, Центральный Комитет партии и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией знали о действиях эсеров против налаживания продовольственного дела в стране. Как идеологи зажиточного крестьянства, они все больше сползали вправо. Но все же нелегко было предположить, что Мария Спиридонова и ее единомышленники пойдут на провокацию, которая поставит под угрозу дело революции и самое существование Советской власти. Ведь и в Совнаркоме, и во ВЦИКе, и в самом ЧК находились руководящие деятели левых эсеров.

6 июля вспыхнул мятеж; левые эсеры стали на путь откровенной контрреволюции. Брестский мир, добытый огромными усилиями Ленина, был поставлен под угрозу. Убийство германского посла Мирбаха левым эсером дало повод продолжить наступление кайзеровской армии, перед которой в сущности лежала безоружная, истекающая кровью, голодающая страна, истерзанная четырехлетней империалистической войной.

Первые выступления эсеров были разгромлены, но в последующие дни, во время заседания V съезда Советов, проходившего в Большом театре, взорвались две бомбы. Александр Дмитриевич — участник съезда как член ВЦИК — был свидетелем этих событий.

Предотвратили панику железная выдержка и хладнокровие Якова Михайловича Свердлова. Все члены съезда — коммунисты должны были немедленно направляться на Малую Дмитровку в дом № 6 для получения инструктивных указаний о ближайших мерах борьбы, а руководящие деятели были распределены по районам Москвы. В соответствующий район должен был выехать и Цюрупа. О том, что произошло в памятный день, свидетельствует Александр Григорьевич Шлихтер:

«Собрание на Малой Дмитровке затянулось до вечера. Уже вечером я и несколько других членов коллегии Наркомпрода вместе с Цюрупой направились по своим районам. Наш путь лежал через Покровку. Недалеко от въезда на Покровку наш автомобиль был задер-

жан каким-то стоявшим на посту часовым-красноармейцем.

— Стой! Вылезай из автомобиля!

Цюрупа, видя, что заявления шофера не помогают, говорит:

— Автомобиль наркома продовольствия, не задерживайте!

Но часовой открыл дверцу автомобиля и потребовал:

— У кого есть револьвер? Давайте...

Оказалось, мы попали в район, находившийся уже в фактическом распоряжении начальника восставшего гарнизона левого эсера Попова, размещавшегося в районе Покровки, в ныне им. Дзержинского казармах...

— Вылезай все! Автомобиль вместе с шофером отправится в штаб Попова.

Так мы остались без средств передвижения».

Трудной была та ночь для Цюрупы. Шлихтер, живший на Покровке, переулками, минуя эсеровские посты, дошел до Московского Совета, а потом — в Кремль, где сообщил Владимиру Ильичу о случившемся. Ленин был очень обеспокоен отсутствием Цюрупы.

В Кремль Александр Дмитриевич добрался поздно. В Москву ранним июльским утром въезжали революционные латышские стрелки, рабочие отряды подавляли последние очажки контрреволюции.

Следующим утром началось очередное заседание Совета Народных Комиссаров. Александр Дмитриевич дописывал последние строки Декрета о Комитетах бедноты. Ленин то и дело бросал взгляд в сторону Цюрупы. После прошедшей ночи они еще не успели поговорить. Не только эту, но все последние недели Цюрупа спал лишь несколько часов, плохо питался, вид у него был крайне утомленный. Владимир Ильич не раз, в те редкие минуты, когда Цюрупа, уступая настоятельным просьбам его и Надежды Константиновны, заходил на чашку чаю, говорил Александру Дмитриевичу, что он не бережет себя, безобразно обращается с «казенным имуществом»[1], требовал, чтобы Цюрупа отдохнул и, передав хоть на две недельки дела Брюханову и Шлихтеру,

[1] Так образно В. И. Ленин называл членов и сотрудников Совнаркома.

поехал куда-либо за город. Александр Дмитриевич все отнекивался, говорил, что успеется. Вот, дескать, поступит хлеб из Тулы, из Тамбова, из Воронежа, и тогда он, может быть, и впрямь выберется. Но хлеб хоть и поступал, однако заботы, одна тягостнее другой, крепко держали его, и он гнал мысль об отдыхе.

Москва то и дело совсем оставалась без хлеба, а у пустых лавок стояли безмолвные очереди женщин с голодными детьми на руках. Цюрупа выехал на юг. Трудно вообразить, как ему тогда удалось вырвать хлеб, растолкать всех и вся на железных дорогах и привезти в Москву эшелон с мукой.

До Кремля он добрался еле держась на ногах, и тут же, в кабинете Владимира Ильича, потерял сознание.

Врач констатировал: голодный обморок.

Ленин опять потребовал, чтобы Цюрупа уехал на отдых. Через несколько дней он написал Александру Дмитриевичу записку:

«т. Цюрупа! Вид больной. Не теряя времени,— на двухмесячный отдых. Если не обещаете точно, буду жаловаться в ЦК.

Ленин».

Но о каком отдыхе можно было думать в ту тревожную пору! Жаркое лето шло к закату. После решения Совнаркома о создании комитетов бедноты в безлошадных деревнях неимущие мужики не сразу почуяли свою силу. С опаской поглядывали на богатеев, у которых десятилетиями были в долгу, делали первые трудные шажки к новой жизни. Но даже в самой бедняцкой российской деревушке жизнь брала свое, каждодневно убеждая вчерашнего подневольного пахаря, что будущее принадлежит ему. Но еще много времени должно было пройти, много крови и слез пролиться, чтобы этот вчерашний, вконец обнищавший, до последней степени обобранный царизмом мужичок засыпал в общегосударственные закрома свой хлеб. А кулак по-прежнему прятал добро, отдавал его лишь под нажимом, часто отстреливаясь из обрезов, а то и поджигая хлеб, добытый пóтом его батраков, убивал продработников.

Не было дня или ночи спокойной, одно за другим поступали сообщения от губернских продовольственных комиссаров вроде того, что пришло из Саратова: «Звер-

ски замучен кулаками руководитель продовольственного отряда рабочих Замоскворечья из города Москвы Петр Апаков»[1].

Только несколько недель назад Цюрупа сам провожал его отряд в Саратовскую губернию. А теперь погиб этот сильный, по-юношески добрый человек, рабочий, солдат хлебного фронта.

Бесконечен был мартиролог тех лет. Вот несколько строк из него:

«Руководитель продотряда Иван Григорьевич Коняшин и его жена зверски замучены белогвардейцами на Дону.

В Ванавинском уезде Вятской губернии вооруженной шайкой убиты 19 человек из продотряда.

Из сообщения газеты «Красный Север» Вологодской губернии: «Пали жертвой от рук бандитов работники продотряда, посланные на юг России: Левашов Дм., Гончаров Ив., Тимофеев Ив., Данилов А., Кабанов В., Новожилов Хр., Головин В., Гришин А., Шпицин П., Брызгалов В., Малант Сам.

Помните, товарищи, что красные герои грудью защищали там, на юге, вашу жизнь и вашу свободу и жизнь ваших детей от голодной смерти!»

После эсеровского мятежа были сформированы новые продовольственные отряды для похода на деревенскую буржуазию и взяточников, как того требовал Ленин. Цюрупа в начале августа выехал в дальние губернии, чтобы участвовать в формировании этих отрядов, а главное — подтолкнуть хлебозаготовки и двинуть маршруты по железным дорогам. В Москву Александр Дмитриевич возвратился лишь через две недели. Его ждало тяжкое известие: колчаковцы ворвались в Уфу, бросили в тюрьму его жену и детей, вместе с ними за решеткой оказались семьи Брюханова и Юрьева. Колчаковское командование заявило, что семьи Цюрупы и других большевиков будут расстреляны.

---

[1] Вскоре по решению рабочих имя Петра Апакова было присвоено трамвайному парку на улице Шаболовке в Москве.

УФИМСКАЯ ТРАГЕДИЯ

После приезда из Уфы в Петроград в январе 1918 года, а затем уже находясь в Москве, Александр Дмитриевич подумывал о том, чтобы забрать из Уфы свою семью. Но каждый раз, когда он уже почти приходил к окончательному решению, его начинали одолевать сомнения, правильно ли он поступит. И дело было вовсе не в том, что они должны были переехать в голодную столицу. И там, в Уфе, им жилось несладко.

Узенское, бывшее имение князя Кугушева, где Александр Дмитриевич был управляющим, стало народным достоянием, а сам Вячеслав Александрович до последнего времени работал в Уфимской продовольственной управе и мог бы помочь семье Цюрупы, с которой он после женитьбы на Анне Дмитриевне Цюрупе, родной сестре Александра Дмитриевича, породнился. Но не такие это были люди, чтобы о себе подумать в первую очередь, а потому семья Цюрупы, как и семья бывшего князя Кугушева, терпела лишения.

Александра Дмитриевича беспокоило другое. Он безгранично любил свою семью, понимал, что ее приезд заставит его меньше времени уделять Наркомпроду, а это считал совершенно невозможным. И хотя он знал, что кольцо интервенции сжимается вокруг Москвы, что контрреволюционные армии повсюду наступают и Уфа в их планах занимает весьма важное место, как ключ к Уралу и как плацдарм для наступления на Москву из Сибири, в глубине души он все же надеялся, что Уфа выстоит.

Теперь он понял, насколько беспочвенны, призрачны и даже эгоистичны были его надежды, но он также хорошо сознавал, что помочь семье ничем не может.

В Наркомпроде уже все знали о том, что произошло в Уфе. Еще накануне Брюханов связался по телефону с тамошним комиссаром продовольствия, успел сказать только несколько слов, как связь прервалась. Вскоре она так же неожиданно восстановилась, и сквозь треск на другом конце провода кто-то прокричал: «Разговор прекращаем. Здание окружает отряд колчаковцев». В трубке раздались револьверные выстрелы, потом наступила тишина.

В ту же ночь радиостанция в городке Яранске при-

няла радиограмму из Казани, немедленно передала ее в Москву Ленину и Свердлову, и страшная правда о том, что произошло в Уфе, подтвердилась. Радиограмма гласила:

«Всем! Всем! Всем!

...В Уфе арестованы жены видных большевиков и некоторых комиссаров, в их числе находятся жены комиссаров продовольствия Цюрупы, Брюханова, Юрьева, жена и сын председателя железнодорожного комитета Михина, секретарь Ленина Пориш и комиссар Кодолещев, кроме них много известных советских деятелей и комиссаров».

Через несколько часов была перехвачена еще одна радиограмма, сообщавшая то, что уже было известно: жены и дети Цюрупы, Брюханова и других комиссаров будут расстреляны...

Утром Цюрупа собрал коллегию, доложил об итогах поездки. Из юго-восточных районов направлены эшелоны с хлебом. Был в Нижнем Новгороде. Баржи отправлены вниз по Волге, но неизвестно, удастся ли им дойти до Царицына. В Саратове хлеб перегружают на железную дорогу, это единственный путь, которым его можно доставить в Москву и Петроград.

И вот сидят члены коллегии Наркомпрода и обдумывают каждый маршрут, подсчитывают эшелоны и прикидывают, что еще можно сделать, кому и куда завтра выехать, чтобы добыть, протолкнуть, вырвать из-под земли хлеб. А в Уфе их жены и дети на краю гибели. Но никто из них об этом и звука не проронит. Нельзя и виду подать, что у них сейчас на сердце, какие муки терзают их.

А поздно вечером секретарь скажет Цюрупе, что только что прибыл комиссар продовольствия из Вологды с важным сообщением. Он привез четыре вагона масла. Недалеко от Ярославля эшелон с маслом обстреляли, но все обошлось благополучно, никто не убит. Вологодский комиссар докладывает о положении на севере, он еще что-то хочет сказать, но не может, кладет голову на спинку стула и засыпает. Он уже не слышит, как коллегия обсуждает, куда и как распределить этот драгоценный груз из Вологды. Четыре вагона масла! Это целое богатство. Цюрупа и его помощники сейчас должны решить, как поступить с ним. Задача труднейшая. Ведь на-

до помочь всем. Народный комиссар здравоохранения Семашко не одну записку прислал Цюрупе, просил масло для раненых красноармейцев. Им, конечно, это жизненно необходимо. А рабочим на московских окраинах — им разве не нужно масло? И еще одна из тысяч забот — хорошо бы в кремлевскую столовку дать хоть малую толику. Эта столовка была организована по просьбе Владимира Ильича, после того как у него в кабинете Цюрупа упал в обморок от голода. В столовке питаются все члены Совнаркома, многие из них больны, еле на ногах держатся. Но есть и другие претенденты. Эти никогда не попросят, не накричат, не потребуют, как хозяйки у пустых магазинов. Эти только молчат и смотрят широко раскрытыми глазами. Мысль о них не дает Цюрупе покоя ни днем ни ночью. И народный комиссар с молчаливого согласия своих помощников принимает решение и подкрепляет его короткой запиской:

«Все четыре вагона масла до последней унции — детским приютам и госпиталям.

Наркомпрод
А. Цюрупа».

Это закон сердца. Так поступает и Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин, когда в его адрес прибывает продовольствие, присланное из далеких мест. Цюрупа еще не раз получит записки секретаря Ленина, такие, как эту:

«В приемной ждут двое товарищей, привезших из Азербайджана, с мандатом от Нариманова, в Ваше распоряжение 6 вагонов икры. Ждут Ваших распоряжений».

Наискосок на записке будет начертано рукой Владимира Ильича: *«В Компрод*
для *детей»*.

Поздно вечером Цюрупа пришел в гостиницу. Еще на лестнице услышал, как трещит телефон. Еле добежал до аппарата. Звонили из Наркоминдела, сообщили, что удалось договориться с иностранными дипломатами о том, что они заявят протест против намерения колчаковцев расстрелять семьи комиссаров в Уфе. По просьбе представителей нейтральных стран протест белогвардейскому командованию подготовил французский консул.

Цюрупа поблагодарил за сообщение, тяжело опус-

тился на стул. Сон не шел. Ныло сердце. Надо бы полечиться. Но когда? Не теперь же. Одна мысль продолжала буравить мозг: что будет с семьей? Неужели не удастся ее спасти?..

Утром, только проснувшись, Александр Дмитриевич позвонил в Наркоминдел, спросил, нет ли каких новостей. Дежурный сообщил, что из Уфы через Самарскую радиостанцию принята радиограмма, но она очень путаная, ничего точно установить нельзя. Как будто поступило какое-то предложение по поводу обмена, но что за обмен — никто не знает. Все радиограммы переданы Ленину и Свердлову.

— И никаких новых сведений нет? — спросил Цюрупа.

— Никаких.

Александр Дмитриевич связался с дежурным по Совнаркому и получил такой же неопределенный ответ: ничего точного сказать не можем.

Двадцать третьего августа в Совнаркоме был назначен доклад Цюрупы, и Александр Дмитриевич рано утром решил идти в Наркомпрод, чтобы посмотреть еще кое-какие документы, обдумать свое выступление, но не дошел, на лестнице с ним опять случился обморок. Александр Дмитриевич хотел все скрыть, но об обмороке узнала Фотиева, позвонила по телефону, спросила:

— Да что же это такое? Когда вы в последний раз нормально обедали?

Цюрупа ушел от ответа, сказал Фотиевой:

— Пустяки, пройдет. Только никому ни слова. Договорились?

Через два часа обморок повторился, пришлось вызвать врача, и тот приказал лежать, так что о докладе в Совнаркоме не могло быть и речи. Приказу врача пришлось подчиниться, но днем Цюрупе стало лучше, и он все же решил идти в Кремль, но тут вмешалась Фотиева. Опасаясь, что состояние Цюрупы может ухудшиться, Лидия Александровна написала записку Владимиру Ильичу:

«Я спрашивала разрешения у Цюрупы донести Вам, что у него сегодня был 2 раза припадок и что он доклад делать не может. Он не разрешил, а потому меня не выдавайте».

Получив записку, Владимир Ильич встревожился, тотчас же послал Фотиевой ответ:

«Не ... разумно было у него брать разрешение. Вызовите Свидерского или Брюханова».

Доклад Цюрупы был перенесен, и 24 августа Александр Дмитриевич пришел на заседание Совнаркома. Но Владимир Ильич потребовал, чтобы Цюрупа немедленно ушел домой.

Еще за несколько недель до этого Владимир Ильич послал Цюрупе записку:

«Дорогой А. Д.! Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом.

Предписание: три недели лечиться! И слушаться Лидию Александровну, которая Вас направит в санаторий.

Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться!

Привет! Ваш *Ленин*».

Владимир Ильич вынужден был решительно потребовать от Цюрупы, чтобы тот начал лечиться, и написал ему официальное

«Предписание.

13. VII. 1918 г.

Наркому тов. Цюрупе предписывается выехать для отдыха и лечения в Кунцево в санаторию.

Предс. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Цюрупа и тогда не внял предостережениям врачей и просьбе Владимира Ильича. Да и обстановка была такая, что все никак не мог он урвать хотя бы несколько дней для отдыха. В Подмосковье выдался хороший урожай картофеля, и надо было создать хотя бы минимальные запасы на зиму. Владимир Ильич сам вынужден был заниматься этими делами и все время сносился то записками, то по телефону с Александром Дмитриевичем. А в двадцатых числах августа Ленин писал Цюрупе:

«Мне упорно сообщают, что с картошкой (не нормирована) происходит (в областном продовольственном комитете и инде[1]) тьма злоупотреблений.

По 20 рублей за пуд-де предлагают купцы завалить

[1] в других местах,

Москву. Продают-де из рук в руки по 28 рублей (мелочная торговля) и т. д.

Как Вы относитесь к назначению ревизии?..»

О каком же отдыхе могла идти речь, когда нельзя было и на день отлучиться из Москвы? Но теперь, в конце августа, он так себя отвратительно чувствовал, что готов был даже слушаться врачей, тем более что Ленин ему вручил еще одно

«Предписание

24 августа 1918 г.

За неосторожное отношение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе

1-ое *предостережение* и *предписывается немедленно ехать домой...*

Ленин».

Цюрупа выехал в Кунцево, мучился там от безвестности о судьбе семьи. И хотя ему было запрещено говорить по телефону, он тайком от врача ночью звонил в Наркоминдел в надежде узнать, есть ли обнадеживающие новости. Но ничего хорошего ему сообщить не могли, и он до утра не смыкал глаз. И еще он беспокоился, что не знает, поступает ли хлеб с Тамбовщины и Тулы и сколько картофеля заготовлено для голодной Москвы... Несмотря на запреты врачей и просьбы Ленина не отлучаться из санатория, Цюрупа все же через несколько дней бежал из Кунцева в город и, добравшись до Кремля, передал Ленину следующую записку:

«Владимир Ильич, я приехал с разрешения врача и в сопровождении его для разговора с Вами в течение 10 м. Очень прошу не отказать; буду ждать до бесконечности в соседней комнате.

А. Цюрупа».

Лидия Александровна Фотиева возмутилась приездом Александра Дмитриевича, сказала, что не передаст записку, а скажет Владимиру Ильичу, что Цюрупа грубо нарушил предписание. Но Александр Дмитриевич вынужден был объяснить, какие чрезвычайные обстоятельства заставили его покинуть санаторий, и тогда Фотиева все же передала записку и возвратилась с ответом Ленина:

«Тогда ждите *дома* у себя (или у *меня*). Я постараюсь».

БОРЬБА С МЕШОЧНИКАМИ. ПРОБЛЕСКИ НАДЕЖДЫ

Обстоятельства, заставившие Цюрупу бежать из Кунцева для немедленной встречи с Владимиром Ильичем, были действительно крайне важные. Его волновало, что на волжских пристанях кое-где задержалась погрузка хлеба на баржи и теперь надо было, чтобы речники, и без того выбивавшиеся из сил, и армия, которая помогала, как могла, действовали вместе еще энергичнее. Была и еще одна причина срочного отъезда Цюрупы из санатория...

Владимир Ильич не заставил долго ждать, пришел к Александру Дмитриевичу на квартиру. Взглянув на его измученное лицо, с тревогой спросил, нет ли новых сообщений из Уфы.

Цюрупа ответил, что никаких сведений не поступало. Ленин, не желая бередить рану и понимая, что сам сейчас, в данную минуту, он ничем помочь не может, без обиняков спросил, зачем Цюрупа приехал в Москву.

Причина была вот в чем. В те дни, когда Цюрупа находился в Кунцеве, было принято постановление о так называемом полуторапудничестве. Крайне тяжелое продовольственное положение в столице заставило Московский Совет поставить вопрос перед Совнаркомом, чтобы рабочим разрешили заготавливать хлеб, выезжать в районы и привозить оттуда до полутора пудов муки. Заградительные отряды получили указание пропускать рабочих-заготовителей.

Ленин, дав согласие на полуторапудничество, пошел на этот шаг как на крайнюю и временную меру. Деникинские армии захватили Северный Кавказ, и оттуда перестал поступать хлеб, прекратился подвоз хлеба из Южного Поволжья.

В этой тяжелой ситуации учтено было и то, что многие рабочие в промышленных и других городах родственными узами связаны с деревней и им легче будет оттуда получать хлеб и другие продукты. Записка Ленина в Московский продсовдеп поможет лучше понять обстановку, которая была в то время в стране.

Вот этот документ:

«Прошу дать удостоверение Аксинье Емельяновой *Кузнецовой,* живущей в г. Москве, по Цветному бульвару, в д. № 25 (Морозова), кв. № 12,— в том, что Москов-

ский продсовдеп не имеет ничего против разрешения ей провезти в Москву собственный (не покупной) хлеб, *в количестве от 2 до 4 пудов,* от братьев Кузнецовой, Дворецких, живущих в дер. Озерки, Веневского уезда, Тульской губ.

Прошу уведомить меня об исполнении.

Председатель СНК
В. Ульянов (Ленин)».

Конечно, Совнарком и Центральный Комитет РКП большевиков понимали, что полуторапудничеством воспользуются спекулянты-мешочники в целях собственной наживы. Но другого выхода не было. Это прекрасно понимал и народный комиссар продовольствия. Однако, находясь на командной вышке продовольственного фронта, он наиболее ясно понял, что, кроме пользы, полуторапудничество приносит все больше вреда. Потому он и приехал из Кунцева для встречи с Лениным.

Трудный разговор был в те полчаса. Цюрупа сказал, что полуторапудничество подорвет хлебную монополию. В образовавшуюся брешь ринутся десятки тысяч спекулянтов. Он сообщил, что и член коллегии Наркомпрода Л. И. Рузер, ведавший всеми заградительными отрядами, считает создавшееся положение нетерпимым и подаст в отставку, если полуторапудничество не будет отменено.

Владимир Ильич сказал Цюрупе, что знает о критическом положении и они к этому вопросу вернутся в ближайшие дни, а пока потребовал, чтобы Цюрупа немедленно возвратился в Кунцево.

Тем временем все эти дни августа между Москвой и Уфой продолжался обмен радиограммами и появился слабый проблеск надежды на спасение обреченных.

Что же происходило в Уфе?

В те дни, когда в Уфу ворвались колчаковские войска, там находилась Нина Григорьевна Цюрупа, жена брата Цюрупы Виктора Дмитриевича. Ей удалось скрыться. Но, оценив создавшееся положение, она решилась на отчаянный шаг — явилась к белым властям, рискуя быть арестованной, и предложила им начать переговоры об освобождении жен и детей большевиков.

Замысел Нины Григорьевны был до дерзости прост, она учла все возможные последствия и решила, что у нее есть некоторые шансы на успех.

Гражданскими делами в Уфе заправлял бывший министр правительства Керенского Веденяпин, его ближайшими сотрудниками были губернский уполномоченный Гиневский и городской голова Верниковский. Вот на него-то и была у Нины Григорьевны Цюрупы надежда, хотя и весьма призрачная. Дело в том, что жена Брюханова, Софья Николаевна, была родной сестрой жены Верниковского.

Еще 8 августа Нина Григорьевна явилась к Верниковскому и предложила, чтобы ей дали возможность выехать в Москву. Она полагает, что белогвардейское командование не прочь обменять большевиков на заложников, арестованных советскими властями. Так вот, она поедет в Москву, где встретится с Александром Дмитриевичем Цюрупой и изложит ему условия белых по поводу возможного обмена.

Верниковский тянул, хотя и заинтересованно отнесся к предложению Нины Григорьевны. После нескольких встреч с ним ей было выдано удостоверение для проезда через линию фронта белых войск. До Самары Нину Григорьевну сопровождал в качестве соглядатая врач Мизеров, агент белых властей. В Самаре ей предстояло выдержать еще одно испытание. Колчаковский комендант, вынужденный по приказу своего начальства оформить ей пропуск для дальнейшего проезда, процедил сквозь зубы: «Цюрупа! Какое искушение расстрелять на месте».

Нина Григорьевна приехала в Москву, и Ленину было доложено о ее переговорах с уфимскими властями. Радиограммы из Уфы подтвердили готовность белогвардейского командования пойти на обмен. В тот же день Совет Народных Комиссаров принял решение немедленно приступить к обмену. Но кому поручить эту миссию? Три человека обсуждали вопрос, который надо было решить без промедления: Ленин, Свердлов и Цюрупа, уже вернувшийся из Кунцева.

— Кого вы предлагаете, товарищи, для посылки в Уфу через линию фронта белых, кому мы можем доверить эту трудную, сложную и опасную миссию? — спросил Ленин.

— Вячеславу Александровичу Кугушеву. Вы его знаете, Владимир Ильич,— ответил Цюрупа.

Владимир Ильич действительно давно знал Кугуше-

ва, слышал о нем немало отзывов от Александра Дмитриевича и сразу же дал согласие. Нина Григорьевна Цюрупа подтвердила, что Кугушев находится если не в самой Уфе, то недалеко от города. В тот же день Александр Дмитриевич снарядил в Уфу нарочного с поручением разыскать Кугушева, чтобы тот любой ценой немедленно выехал в Москву для получения инструкций и мандата от Советского правительства.

Надо было спешить. Через Уфимскую радиостанцию белогвардейцы снова заявили, что все заложники будут уничтожены, если Советское правительство не освободит колчаковцев, арестованных также в Бирске и Мензелинске, и не передаст их белым.

Но тут возникло опасение, что весь план обмена может рухнуть. Из-за несовершенства радиосвязи радиограммы между Москвой и Уфой передавались с большим опозданием. Ненадежной была и связь Москвы с командованием частей Красной Армии, в руках которого находились белогвардейцы из Уфы. Это могло привести к тому, что белогвардейцев-заложников могли расстрелять. Чтобы это предотвратить, в Сарапульский Совдеп была отправлена срочная телеграмма.

В ней предписывалось ввиду предполагаемого обмена содержащихся в Сарапуле уфимских заложников на большевиков, арестованных в Уфе, принять меры к ограждению жизни арестованных.

Опасаясь, что телеграмма в Сарапул из-за всеобщей неразберихи может попасть с опозданием, Владимир Ильич попросил Якова Михайловича Свердлова связаться со штабом 5-й армии. Свердлов по прямому проводу предписал принять «строжайшие меры их (белых заложников.— *З. Ш.*) безопасности ввиду предполагающегося ближайшее время обмена».

Вмешательство Ленина и Свердлова дало ход всему делу. Белогвардейцы были собраны в одном месте, обмен произойдет не сегодня-завтра, появилась серьезная надежда, что семьи большевиков в Уфе будут спасены. 10 октября председателю Вятского губисполкома была направлена следующая телеграмма:

«В связи с переговорами об обмене немедленно вышлите Москву распоряжение Ц. И. К. надежной охраной всех заложников, вывезенных из Уфы заключенных Вятской тюрьме точка Примите все меры их безопасности

пути точка... За их безопасность и неприкосновенность возлагаю личную ответственность начальника конвоя точка Исполнение телеграфируйте.

Председатель ВЦИК
Свердлов».

Пока по радио шли переговоры, которые должны были оттянуть трагическую развязку в Уфе, Александр Дмитриевич связался с Кугушевым через специально посланного человека и сообщил о поручении Ленина. Кугушев, пробираясь через линию фронта, прибыл в Москву, а 28 ноября выехал в Уфу. Накануне была отправлена следующая телеграмма:

«Симбирск Штабу Пятой армии.

Завтра выезжает Симбирск Кугушев, уполномоченный Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для обмена заложников с Уфой». Далее в телеграмме предлагалось оказать ему всяческое содействие, выдать надлежащие документы для беспрепятственного переезда через фронт совместно с сопровождающим его гражданином Шубиным.

В тот же день, 28 ноября, по поручению Владимира Ильича Кугушев отправляет в Уфу радиограмму, которая должна сыграть большую роль. Имя Кугушева было широко известно в Уфе, авторитет его должен был оказать давление на белогвардейское командование. И вот радиостанции Москвы и других городов передают открытым текстом следующее сообщение:

«Радиотелеграмма

Уфа Комитету учредительного собрания

Находившиеся Вятской тюрьме шестнадцать заложников из Бирска и Мензелинска все освобождены точка Также освобождены заложники вывезенные из Уфы и находившиеся в Москве двоеточие Зеленцов Шубин Аугазин Конщин трое Маркиных Вусов Белобородов и Насонов точка Завтра двадцать девятого ноября выезжаю вместе с Шубиным настоятельно прошу немедленно освободить всех находящихся Уфе под арестом уфимских заложниц и предоставить им если они пожелают полную возможность отъезда из Уфы

Делегат Международной Комиссии Красного Креста
Кугушев».

Приближалась зима 1918 года. Северный Кавказ был захвачен Деникиным. Не было надежды и на хлеб из Южного Поволжья. Москву, Петроград и другие промышленные центры могли кормить только старые русские губернии. Они никогда не считались особо хлебными, но другого выхода не было. Наркомпрод сосредоточил свои усилия в центральной полосе России и в районах Предуралья. Надо было любой ценой еще решительнее пресечь мешочничество и спекуляцию, охватившие целые области. Цюрупа выехал в юго-восточном направлении от Москвы. Раньше там заготовки хлеба шли лучше, чем в других местах. Теперь мешочники все захватили в свои руки — торговали не только хлебом, но и всякой всячиной, крайне необходимыми крестьянину товарами. Резко взлетели цены на хлеб и другие продукты. Газета «Известия» выступила со статьей «Полуторапудовая вакханалия». «Мешочники,— писала газета,— закупили почти всю имеющуюся муку: заняли в селах все пекарни, выпекли массу хлеба и вывезли. Села по линии Ртищево — Балашов в течение шести дней очистили совершенно не только от хлеба, но и от картошки, масла, фруктов, мяса, колбасы...»

Цюрупа ознакомился с положением дел в главных районах мешочничества, вернулся в Москву, сразу же встретился с Лениным, рассказал о виденном и слышанном: мешочничество необходимо взять за горло, немедленно отменить полуторапудничество. Владимир Ильич дал согласие. За последние недели Москва получила некоторое облегчение, можно было вернуться к порядкам, установленным Наркомпродом.

Ноябрь принес ветры надежды. В Киле восстали матросы — началась революция в Германии. Кайзер бежал в Голландию. В Берлине и других немецких городах возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. В голодной Москве и других городах, в бесчисленных рабочих поселках России сушили сухари для немецких пролетариев, для германской революции.

Цюрупа на станции сам провожал уходящие в Берлин эшелоны с хлебом. Просил передать привет не-

мецкому пролетариату. И когда последний вагон скрывался в дымке, Александр Дмитриевич еще долго с мягкой улыбкой смотрел ему вслед...

В середине декабря к Александру Дмитриевичу пришло долгожданное известие. Вячеслав Александрович Кугушев в лютый мороз перешел линию колчаковского фронта и успешно провел переговоры с белогвардейским командованием. Семья Цюрупы и семьи других большевиков были спасены.

Радостная весть застала Цюрупу в постели: грудная жаба все чаще и чаще давала о себе знать, и снова пришлось подчиниться врачам. Но теперь дни летели быстро, приближая встречу с семьей. Предполагалось, что Мария Петровна приедет в Москву с детьми к новому году, но до прихода Красной Армии, освободившей город 1 января 1919 года, выбраться из Уфы не удалось. Пришлось прятаться по разным квартирам, и получилось так, что младшие дети оказались у чужих людей. Старшие сыновья Митя и Петя воевали против белогвардейских банд.

Отчаявшись найти младших детей, Мария Петровна выехала в Москву, прибыв туда в середине января 1919 года. Розыски пропавших детей народного комиссара продовольствия продолжались. А они тем временем бродили из одного детского приюта в другой. Наконец, в апреле их разыскали и привезли в Москву. Только теперь после всего пережитого семья собралась под одним кровом, в небольшой квартире в Кремле, куда переехал Цюрупа.

Владимир Ильич, урывая минуту-другую, заходил к Цюрупе. Как-то заглянул во время обеда, увидел, как Мария Петровна делит один обед на двоих детей. Ничего не сказал, ушел.

15 мая 1919 года Владимир Ильич обратился с запиской к членам Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Вот текст этого документа:

«Цюрупа получает 2 000 руб., семья 7 чел., обеды по 12 руб. (и ужин), в день 84 × 30 = 2 520 рублей.

Не доедают! Берут 4 *обеда,* этого мало. Дети — подростки, нужно *больше,* чем взрослому.

Прошу увеличить жалованье ему до 4 000 руб. и дать

сверх того пособие 5 000 руб. единовременно семье, приехавшей из Уфы *без платья.*

Прошу ответить.

Ленин».

После приезда Марии Петровны здоровье Цюрупы пошло на поправку, но приступы грудной жабы все же повторялись. Однако Цюрупа настоял, чтобы врачи отменили предписанный ему постельный режим, и сбежал в Наркомпрод; снова потянулись дни и ночи тяжкого труда, выезды в губернии и т. д.

Владимир Ильич, обеспокоенный состоянием Цюрупы, 19 февраля 1919 года направил Александру Дмитриевичу предписание:

«Предписывается Наркому А. Д. Цюрупе, ввиду приступа его к работе и необходимости охраны казенного имущества, *строго соблюдать предосторожности,*

больше двух часов без перерыва *не* работать.

Позже 10 1/2 час. вечера не работать.

Приема публике не давать.

Ограничительные предписания Лидии Александровны Фотиевой исполнять *беспрекословно.*

Председатель СНК
В. Ульянов (Ленин)».

Возвратившись в Наркомпрод после нескольких недель вынужденного отсутствия, Цюрупа снова окунулся в работу. И с большой радостью, с каким-то особенным волнением ощутил, увидел, как вырос, сложился, повзрослел созданный им продовольственный штаб, которому партия, Ленин поручили труднейшее дело. Все так же гудели коридоры от массы приезжающих и отъезжающих комиссаров продовольствия, солдат из заградительных отрядов, представителей Совдепов, но уже четче, слаженнее был стиль работы, полнее и ритмичнее пульс этого организма, который вся страна называла кратким и звучным словом: «Компрод».

Еще в начале зимы восемнадцатого года Центральный Комитет РКП(б) счел функции комитетов бедноты выполненными. Основная масса крестьянства начала укреплять свои позиции в деревне. Но битва за хлеб продолжалась, надо было готовиться к новому урожаю.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТРАНИЦА

Летом девятнадцатого года Врангель продолжал хозяйничать в Крыму, Юденич шел на Петроград, а Деникин рвался к Москве.

Еще была впереди страшная засуха в Поволжье, и Совнарком обратится с письмом «К товарищам рабочим, ловцам Аральского моря». И каждое слово его будет звучать как набат: «Вся надежда казанских, уфимских, самарских, астраханских голодающих на великую пролетарскую солидарность (согласие) таких же, как они сами, трудовых людей, с мозолистыми руками, собственным горбом добывающих свое пропитание...»

Еще будут и другие трудности, кровавые бои с интервентами и белогвардейскими бандами, борьба с тифом, поджогами, битва за каждый пуд хлеба, за каждый фунт масла.

Но все-таки первый шаг был сделан, к июлю 1919 года подсчитали количество заготовленного хлеба: за предыдущий год и начало этого — по первое мая было собрано сто тридцать миллионов пудов.

3 июля Ленин написал Цюрупе записку: «Созвонимся завтра, надо будет урвать от заседания Цека... теперь трудно, но лучше 1918».

Они встретились на следующий день. Владимир Ильич любил беседы с Александром Дмитриевичем у себя или у него дома, когда за чашкой чаю, не отвлекаясь на непрерывные телефонные звонки, можно было обмениваться мыслями, советоваться, спорить, шутить.

В тот июльский вечер они говорили о том, что сделано и предстоит еще сделать завтра, в ближайшее время. Машинально помешивая чай ложечкой, Ленин повторил: «Будет трудно, но лучше, чем в восемнадцатом...»

Прошло почти четыре года после Октября. Весной 1921 года собрался X съезд Российской Коммунистической партии большевиков. По предложению Ленина на нем была обсуждена и провозглашена новая экономическая политика. Необходимость перехода на рельсы нэпа была продиктована всем ходом развития страны, интересами революции: надо было поднять крестьянство, дать ему товары, это было в интересах всего народа,

Продовольственную разверстку заменили продовольственным налогом.

В конце 1921 года, когда голод в основном был побежден и даже в засушливом Поволжье удалось накормить людей, Ленин счел миссию Цюрупы на продовольственном фронте выполненной. По предложению Ленина его назначили заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров, и в отсутствие Владимира Ильича на заседаниях Совнаркома председательствовал по его просьбе не кто иной, как Александр Дмитриевич Цюрупа. А в Наркомате продовольствия Цюрупу сменил Николай Павлович Брюханов.

Партия поручала Александру Дмитриевичу все новые и новые важнейшие государственные посты — народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции, председателя Госплана, неизменно оставляя его заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Популярность Цюрупы в народе была широкой и заслуженной. По всей справедливости назвав Александра Дмитриевича одним из ближайших соратников и друзей Владимира Ильича, Глеб Максимилианович Кржижановский писал: «Именно по воле Владимира Ильича был брошен этот человек в первые ряды борцов труднейшего советского строительства в самую критическую полосу его существования, в полосу борьбы за самое право бытия. И сразу на плечи Александра Дмитриевича выпала едва ли не самая трудная задача тех решающих судьбы пролетарской революции лет».

Роль Цюрупы в строительстве Советского государства признавалась и за рубежами нашей страны. Когда его назначили народным комиссаром внутренней и внешней торговли, парижская газета «Информасьон» писала:

«Г-н Цюрупа старый друг Ленина, одно из видных лиц настоящего правительства... После революции г-н Цюрупа берет на себя трудную обязанность народного комиссара по продовольствию. В то время была полная дезорганизация транспорта, когда сам Ленин следил за движением поездов, прибытие которых являлось событием. Г-н Цюрупа знает, что значит трудное положение».

Так шли годы. Александр Дмитриевич помогал формировать государственный аппарат в новых условиях, создавал общегосударственную систему внутренней и

внешней торговли, ведал вопросами транспорта, обороны.

7 марта 1924 года в «Продовольственной газете», выходившей в ту пору в Москве, было опубликовано объявление:

«Образованная при НКПроде приказом за № 151 от 18 декабря 1923 г. Комиссия под председательством народного комиссара по продовольствию СССР тов. Н. П. Брюханова по вопросу о награждении сотрудников НКПрода юбилейным знаком (жетоном) Народного Комиссариата по Продовольствию, учрежденным 18 декабря 1923 г. в ознаменование 6-летней работы НКПрода, служившей одним из крупнейших факторов закрепления завоевания пролетарской революции, 6 февраля 1924 г. постановила:

Наградить юбилейным знаком продработников и бывших продработников по следующему списку № 1...»

Список № 1 включал 207 фамилий, 207 солдат хлебного фронта — тех, кто в лютый мороз, в распутицу, в зной и вьюгу под пулями врага шел по дорогам России, чтобы добыть хлеб для голодных людей. Хлеб для спасения революции.

Первым в списке значился Александр Дмитриевич Цюрупа.

Вошли в список награжденных командиры и комиссары продовольственных отрядов, губернские и районные продкомиссары, солдаты заградительных отрядов, боровшиеся с пагубным мешочничеством, партийные работники и, конечно, ближайшие помощники Цюрупы: Александр Григорьевич Шлихтер, Николай Павлович Брюханов, Алексей Иванович Свидерский, Дмитрий Захарович Мануильский, Отто Юльевич Шмидт, Артемий Багратович Халатов, Роберт Индрикович Эйхе, Моисей Ильич Фрумкин, Владимир Леонидович Панюшкин, Леонид Исаакович Рузер, Семен Захарович Розовский, Аким Александрович Юрьев.

Через несколько дней после опубликования приказа Наркомпрода награжденным вручали юбилейные знаки.

Первым награду получил Цюрупа.

Он сказал Брюханову:

— Первый знак принадлежит ЕМУ.

— Но ЕГО уже нет с нами,— ответил Николай Павлович.

И они молча посмотрели друг другу в глаза...

После вручения памятных знаков Александр Дмитриевич выступил с краткой речью. Он сказал то, чего не мог не сказать:

«Все продовольственные работники, ныне разбросанные по всему лицу Союза Социалистических Республик, работающие во всех ведомствах и на всех поприщах, работающие в области хозяйственной жизни страны и в области партийной жизни, все они должны знать, что именно Владимир Ильич был творцом и создателем продовольственной политики. Все они должны знать и помнить, что именно он на своих могучих плечах вынес эту колоссальную работу. Только благодаря ему усилия продовольственников, усилия многих тысяч партийных работников и многих десятков тысяч беспартийных рабочих увенчались успехом».

Вечером был товарищеский чай с лимоном. Чтобы всем хватило, его нарезали тоненькими дольками.

А когда ужин закончился, Цюрупа предложил почтить память погибших на продовольственном фронте, тех, кто был забит кулаками, утоплен в прорубях, застрелен из-за угла, зарублен шашками, заживо сожжен.

Наступила минута молчания, все стояли с поникшими головами. Это были простые люди, кто в старых солдатских гимнастерках, оставшихся от гражданской войны, а кто в цивильных костюмах. Они не были титанами из древних мифов, а родились, жили и боролись на нашей земле за будущее своего народа.

МИССИЯ ЯНА БЕРЗИНА

Среди первых советских дипломатов находились Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин, В. В. Воровский, Я. А. Берзин, М. М. Литвинов, А. М. Коллонтай, В. Р. Менжинский, Д. З. Мануильский и другие видные партийные и советские работники. Советские дипломаты, как бойцы на фронтах гражданской войны, с революционной самоотверженностью боролись за наше великое дело и подчас, как бойцы, погибали на своих постах.

(Из доклада А. А. Громыко на торжественном собрании, посвященном 50-летию советской дипломатической службы)

22 октября 1918 года около двух часов дня к пароходной пристани курортного города Лугано в Южной Швейцарии подошел средних лет мужчина в темном пальто и такого же цвета шляпе. Вместе с ним была женщина и семилетний мальчик.

Не задерживаясь на пристани, все трое направились в сторону мостков, к которым были привязаны прогулочные лодки. Мужчина взял на руки мальчика и шагнул в лодку. Вслед за ними прошла женщина и села за руль.

В это время к пристани причалил небольшой пароходик и начал медленно швартоваться. Пристально вглядываясь в лицо человека, стоявшего на палубе и наблюдавшего за швартовкой, мужчина в лодке все не садился на весла.

— Месье Доманский, почему мы не отчаливаем? — спросила по-французски женщина в лодке.

Словно не слыша обращенного к нему вопроса, Доманский продолжал разглядывать человека на палубе. Тот поймал его взгляд, пожал плечами, как бы уверяя себя в нелепости промелькнувшей мысли, сошел на пристань и исчез в толпе.

— Что с вами? — спросила женщина, понизив голос; в ее глазах показалась тревога.

Не отвечая, Доманский налег на весла. Лодка понеслась вперед.

— Что случилось? — повторила свой вопрос женщина.— Кто этот человек?

Доманский, помолчав, сказал:

— Это мой старый знакомый.

— Но кто он?

— Локкарт.

— Локкарт? Не может быть. Вы не ошиблись?

— Нет. Ошибка исключается.

— Что же вы намерены делать? — спросила женщина.

— Что делать? А вот что: когда отходит из Лугано вечерний поезд в Берн?

— Двадцать минут восьмого.

— Прекрасно.

— Вы хотите сказать, что мы уезжаем сегодня, а не завтра? Так я вас поняла?

— Да, Софи, именно сегодня... но у нас еще есть время, и мы славно покатаемся. После прогулки пообедаем, отправимся в отель, я соберу вещи, а вы пойдете на почту и отправите телеграмму. Когда наш поезд должен прийти в Берн?

— В семь утра.

— Очень хорошо. Так и сообщите: «Берн, Шваненгассе, 4, Русскому послу Яну Берзину. Буду первым утренним поездом». И подпишите свое имя...

Тот, с кем месье Доманский едва не столкнулся на пристани озера Лугано, действительно был Локкарт, английский дипломат, один из главных организаторов, заговора иностранных послов, пытавшихся уничтожить правительство Ленина и покончить с Советской властью. Заговор был раскрыт, Локкарт арестован, и его допрашивал Феликс Эдмундович Дзержинский.

Локкарта должны были судить. Но тотчас после его разоблачения и ареста советскими органами английские власти, не прикрываясь никакими доводами, арестовали народного посла Советской России в Лондоне Максима Максимовича Литвинова. Его бросили за решетку тюрьмы Брикстон и на двери камеры повесили табличку: «Пленник Его Величества».

Тогдашним и без того слабым связям Советской России с внешним миром арест Литвинова наносил серьезный ущерб. Ленин предложил обменять Локкарта на Литвинова. Английское правительство согласилось. Было договорено: Локкарта отправят на границу, и пересечет он ее лишь тогда, когда в Москву поступит сообщение, что Литвинов выехал из Англии и находится уже в Норвегии, откуда направится в Советскую Россию.

Однако в Москве не знали, что Локкарт после отъезда из России окажется не в Лондоне, а в Лугано.

Но кто такой месье Доманский?

Перенесемся мысленно в первые месяцы революционной России.

Одним из первых шагов Советской власти после победы Октябрьской революции был Декрет о мире. В этом декрете правительство рабочих и крестьян России обратилось к народам и правительствам всех воюющих стран с предложением немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире — мире без аннексий и контрибуций. Однако империалистические державы не желали и думать о прекращении мировой бойни. Лишь Германия, зажатая между двумя фронтами, пошла на мирные переговоры с Россией. Переговоры начались в Брест-Литовске. Троцкисты и прочие сторонники так называемой «революционной войны» сорвали установившееся было перемирие. Немцы продолжали военные действия, захватили Двинск и начали наступать на Украину. Перед кайзеровскими дивизиями лежала, в сущности, безоружная страна.

Бывшие союзники царской России готовили заговоры против молодой Советской власти. В один из дней февраля, поздно вечером, к особняку американского посольства в Петрограде подъехали грузовики. На них спешно погрузили имущество. Весь состав американского посольства во главе с послом Фрэнсисом выехал в Вологду. Вслед за ними демонстративно оставили Петроград посольства Англии, Франции и других «союзных» стран.

Отъезд иностранных дипломатов из Петрограда означал, что внешнеполитическая изоляция Советской России стала еще большей.

Со дня на день ожидалась фронтальная интервенция империалистических держав.

Положение осложнялось еще и тем, что были полностью прерваны связи с революционными социалистами Запада, а в то же время правые социалисты ряда стран готовили свою конференцию. В противовес ей была предпринята попытка срочно созвать международную конференцию левых социалистов — за ее созыв высказались представители ряда левых партий Запада. В качестве

одного из условий предстоящего совещания было выставлено требование поддержки Октябрьской революции в России.

И вот тогда, в феврале 1918 года, было решено направить в Швецию для участия в этой конференции делегацию ВЦИК, с тем чтобы она потом отправилась в Англию и Францию. Это позволило бы рассказать народам правду о России и об Октябрьской революции.

Главой советской делегации Ленин предложил назначить Коллонтай. Александра Михайловна была хорошо известна всей партии и пользовалась большой популярностью за границей.

Позже она писала в журнале «Пролетарская революция»:

«В феврале 1918 года в качестве члена русской делегации ВЦИК вместе с товарищами Натансоном, Берзиным и др. пытались проникнуть в Швецию...»

Марк Андреевич Натансон (партийный псевдоним Бобров) принадлежал к старой когорте русских революционеров. Он родился в середине прошлого века, был участником Первого Интернационала. В девятнадцатилетнем возрасте вместе с молодым помещиком Николаем Чайковским организовал революционный кружок, но вскоре был арестован и выслан в Архангельскую губернию, где провел пять лет. В 1876 году он создал новую конспиративную организацию и с группой ближайших друзей совершил налет на тюрьму, где томился его друг и соратник по кружку «чайковцев» князь Петр Алексеевич Кропоткин. Кропоткина удалось освободить. Натансон помог ему бежать за границу. Сам же, оставшись в России, стал одним из основателей «Земли и воли», а после раскола этой организации — народовольцем. Был арестован, отправлен на каторгу в Восточную Сибирь, где провел десять лет. Вернулся, продолжил борьбу, был заключен в Петропавловскую крепость и затем снова сослан в Сибирь.

После революции Натансон был избран членом Президиума ВЦИК.

А теперь познакомимся с Яном Антоновичем Берзиным, которому месье Доманский направил телеграмму в Берн.

4 июня 1929 года по просьбе Института Ленина Ян Берзин (Зиемелис) написал свою автобиографию:

«Я родился в 1881 году в Фегенской волости... Родители — латышские крестьяне-середняки. Рано, в возрасте 6 или 7 лет начал работать в отцовском хозяйстве, сначала пастухом, потом фактически батраком. Учился (в зимние месяцы) в Цирстенской волости, потом в Старо-Пебальском приходском училище. Впоследствии удалось поступить в учительскую семинарию в Риге. По окончании последней два года был сельским учителем».

В тот же июньский день Ян Берзин заполнил анкету для старых большевиков. Было ему тогда сорок восемь лет, из которых двадцать семь он находился в рядах большевистской партии, вступив в нее в 1902 году. Ответы Берзина кратки.

— Какова ваша основная профессия, заработок, средства существования?

Ответ. Дипломат, журналист, получаю партмаксимум.

— Были ли в тюрьмах и ссылке?

Ответ. В тюрьме три раза (в 1903, 1904, 1905—1906 годах). В административной ссылке в Олонецкой губернии в 1904—1905 годах.

— Были ли в эмиграции?

Ответ. С 1908-го по 1917-й в Цюрихе, Париже, Брюсселе, Лондоне, Бостоне, Нью-Йорке.

— Работаете ли вы и теперь в интересах Советского государства?

Ответ. Член ЦК КП(б) Украины.

— Чем можно улучшить не только ваше здоровье, но и ваши способности к борьбе за наши идеалы?

На этот вопрос Ян Берзин не ответил: о своем здоровье он не любил говорить.

Данные анкеты кратки, мы попытаемся их дополнить.

В 1905 году Латышский комитет РСДРП поднял восстание в Риге. Ян Берзин сражался на баррикадах у моста возле Даугавы. Генерал-губернатор вызвал из Петербурга отборные карательные войска. Бои были жаркие. Берзин был в первых рядах сражавшихся, но стрелял, закрыв глаза: не мог убивать людей. Его схватил карательный отряд, жестоко избили. Но каратели не знали, что у них в руках Ян Берзин. Они отправили его в ссылку, хотя царский суд заочно приговорил Яна Антоновича к смертной казни. Так Берзин в 1905 году оказался в Олонецкой губернии, в поселке Вытегра.

Поздним летом туда прибыла молодая социалистка Роза Гармиза. Политический ссыльный князь Кугушев, также находившийся в Вытегре, и Ян Берзин познакомились с ней и вместе разработали план побега. Решили бежать на каком-нибудь суденышке, добраться на нем до Петербурга, а оттуда махнуть за границу[1].

Князь бежал из столицы в пограничный городок Гольдап. Берзин остался в Петербурге, где работал в большевистской организации, и был послан делегатом на Лондонский съезд РСДРП, возвратился обратно на подпольную работу, а в 1908 году вынужден был эмигрировать в Цюрих.

Там, за границей, судьба навсегда соединила его с Розой Гармиза. Вот как это произошло. В 1907 году Гармиза была арестована за революционную деятельность и сослана в Туруханский край. В 1908 году бежала в Париж. Узнав, что Берзин в Цюрихе, написала ему. Ян сообщил товарищам в Заграничном бюро ЦК РСДРП, что любимая девушка во Франции, и просил перевести его туда на работу. Берзина направили редактором Бюллетеня Загранбюро ЦК. Он приехал в Париж и пришел к Розе в ее мансарду в Латинском квартале.

Они навсегда связали свою судьбу. Но трудна эмигрантская жизнь. В префектуре потребовали брачный контракт с подписями родителей. А где возьмешь его да еще с подписями родителей, которые находятся за тысячи верст и понятия не имеют о том, что где-то там, в далеком Париже, их дети решили пожениться.

Брак не был зарегистрирован, но жизнь есть жизнь, и в 1910 году у Берзиных родилась дочь. Война заставила их уехать в нейтральную Бельгию, но туда вторглись немецкие армии, и пришлось переселиться в Лондон. И там было не легко и не просто. Хозяйка квартиры — пуританка, узнав — о боже! — что ее новые постояльцы состоят в гражданском браке, потребовала, чтобы и духу их не было в ее благочестивом доме.

Пришлось вновь подумать о регистрации брака. В местной мэрии Берзиных встретили без цветов и гимна. Не поднимая на них глаз, клерк сказал, что нужны сви-

---

[1] В «Повести о князе Кугушеве», опубликованной в данной книге, подробно описана история этого побега.

детели, которые могут подтвердить, что присутствовали на свадьбе. Потом добавил ледяным тоном:

— Здесь у дома на улице прохаживаются джентльмены. Поговорите с ними.

У подъезда мэрии на самом деле околачивались какие-то шалопаи, искавшие случая заработать. Хором, перебивая друг друга, они закричали:

— О, сэр! Мы вас давно знаем, были на вашей свадьбе и готовы поклясться в этом на библии.

Свидетельство «джентльменов» обошлось в четыре шиллинга — сумму, достаточную для уплаты за несколько кварт превосходного английского эля. Брак Берзиных был зарегистрирован по всем правилам и законам Английского королевства.

Недолго Берзины пробыли в английской столице, но этот период был важен для формирования Яна Антоновича как крупного политического деятеля ленинского типа. Берзин был делегатом большевиков на Циммервальдской конференции. Но вырваться из Англии было нелегко. Берзин болел туберкулезом и заявил властям, что едет на лечение, поэтому ему и выдали выездную и въездную визы.

Жизнь в Англии становилась все более трудной, полиция вызывала русских эмигрантов на регистрационные пункты. Берзин решил уехать в Америку. Ленин интересовался судьбой Яна Антоновича, переписывался с ним. Но шла война, и почта приходила нерегулярно. Владимир Ильич потерял с ним связь и в одном из писем просил секретаря большевистской русской колонии в Лондоне М. М. Литвинова узнать, почему Берзин молчит. 14 сентября 1916 года Литвинов сообщил в Цюрих Ленину: «Берзины в Америке и оттуда напишут Вам».

Сразу же по приезде в Америку Берзин направился в Бостон — центр латышской большевистской эмиграции. Там издавалась латышская газета «Страдникс» («Рабочий»), и Ян Антонович стал одним из ее активнейших сотрудников. В газете «Новый мир», выходившей в Америке на русском языке, Берзин опубликовал серию статей о Циммервальдской конференции и роли Ленина в борьбе против милитаризма.

Февральская революция застала Яна Антоновича в Бостоне. Он хотел сразу же выехать в Россию, но смог сделать это лишь позднее. 10 июня 1917 года он выбыл

из Сан-Франциско на пароходе с группой в 35 эмигрантов, а затем еще три недели добирался из Владивостока до Петрограда. Там он встретился с Лениным. Был избран членом Центрального Комитета РСДРП большевиков. Потом членом ВЦИКа.

В 1918 году в феврале ему было поручено вместе с Коллонтай и Натансоном выполнить важную политическую акцию.

В состав делегации, возглавляемой А. М. Коллонтай, входили также два финских коммуниста. Одним из них был Аллан Валлениус. Фамилия другого, к сожалению, осталась неизвестной.

Аллан Валлениус, швед по национальности, родился в 1890 году на острове Чимито. Окончил классический шведский лицей в Або, ныне Турку, учился в Гельсингфорсском университете и там вступил в социал-демократический молодежный союз. Сотрудничал в рабочей печати, писал стихи. После завершения образования работал в городской библиотеке.

После Октября 1917 года Валлениуса назначили комиссаром почт и телеграфа города Або. В январе 1918 года финские коммунисты послали его в Скандинавию — он должен был рассказать там о русском Октябре. Валлениус приехал в Стокгольм, оттуда пробрался в Северную Норвегию. Здесь он выступал на митингах, и его выслали. На шхуне Аллан добрался до Мурманска, приехал в Петроград. ЦК большевистской партии предложил ему отправиться с делегацией ВЦИК в Западную Европу.

Аллан молча кивнул головой, написал в тот же вечер своей невесте Алисе, что, возможно, по дороге в Швецию сделает остановку на Аландских островах, где она живет, и тогда они увидятся.

17 февраля делегация ВЦИК на небольшом пароходе выехала из Петрограда. Ледокол пробил дорогу, вывел судно на просторы Финского залива, и оно взяло курс на Швецию.

Днем делегация собралась в каюте Александры Михайловны. «Старый каторжник» Натансон взял на себя обязанности каптенармуса — поровну разделил буханку хлеба, каждому дал по тараньке. Чай удалось раздобыть на матросской кухне.

К вечеру второго дня плавания ударил сильный мо-

роз. Разводья покрылись слоем льда. Несколько лет спустя Коллонтай писала в журнале «Пролетарская революция»:

«Пароход наш попал на ледяное поле, был затерт льдинами, дал течь. Пришлось искать спасения на Аландских островах, где чуть не попали в руки финских белогвардейцев и немцев и оттуда бежали. Попавшийся им в руки член нашей делегации, финский товарищ, был тут же расстрелян...»

Делегация решила пробиваться дальше, но сделать это можно было только через несколько дней, если судовой команде удастся своими силами заделать пробоину.

До 2 марта 1918 года, когда на Аландские острова прибыл шведский батальон, в порту Мариенхамин хозяйничали белогвардейцы. Это крайне осложняло положение делегации. Формально пароход пользовался своеобразной экстерриториальностью. Пока члены делегации находились на пароходе, их не трогали. Как только они спустятся на берег, их арестуют.

Время тянулось медленно и тоскливо. В один из вечеров с борта парохода на берег тайно спустился Аллан Валлениус: он решил отправиться к Алисе, жившей неподалеку в небольшом городке.

Нелегко было разыскать возницу, который согласился бы отвезти его за два десятка верст. Крестьянин с лошадью и санями, которого он все же нашел, не отвечал на уговоры, сосредоточенно сосал трубку, сопел. Потом ткнул кнутовищем в сани: дескать, садись. Когда проехали верст пять, молчаливый швед вынул трубку изо рта, сказал: «Хорошо», а еще через три версты закончил фразу: «Я тебя отвезу».

В это же время к побережью летели другие сани. До города, где жила Алиса, дошел слух, что в Мариенхамине стоит какой-то пароход с русскими. Решив, что это и есть тот пароход, о котором писал ей Аллан, она направилась в гавань. Навстречу ей приближались сани. В них сидело двое — возница и еще кто-то, закутанный с головой в тулуп. Она громко крикнула: «Остановитесь!» Но сани лишь обдали ее снежной пылью и, превратившись в еле заметную точку, скрылись за горизонтом.

Пароход стоял у причала. На палубе прогуливался матрос. Умоляюще приложив руки к груди, Алиса спросила, есть ли на борту иностранцы, кажется, они рус-

ские. Матрос пожал плечами: если девушке это очень важно, он может позвать кого-нибудь из пассажиров.

На палубу вышел Ян Берзин, увидел у причала девушку, молча ушел и позвал Коллонтай. Александра Михайловна подошла к борту, пристально посмотрела на Алису, спросила:

— Что вам нужно?

— Вы шведка? — спросила Алиса, услышав родную речь.

— Нет, милая.

— Нет ли у вас на борту Аллана Валлениуса?

— Кто вы, девушка? — спросила Коллонтай.

— Я Алиса, невеста Аллана... Может быть, он здесь.

Александре Михайловне очень хотелось сказать, что Аллан Валлениус мчится сейчас на санях к ней, может быть, уже ждет ее. Но она не имела права сказать это. И, еще раз взглянув на Алису, ответила:

— Милая девушка, вы что-то напутали, не там, где надо, ищите своего жениха. Нет здесь никакого Валлениуса.

— Но он должен быть здесь.

Возвратившись домой, Алиса узнала, что к ней приезжал какой-то парень в тулупе, но себя не назвал...

Лишь через два года, когда Валлениус уже работал в Стокгольме в коммунистической газете «Фолькетс дагблад политикен», Алиса приехала к нему с Аландских островов, и они поженились.

В последних числах февраля делегация ВЦИК покинула судно. На рыбачьей лодке удалось пройти несколько километров. Дальше кончались разводья. Лед казался прочным, морозы сковали море. Решили продолжить путь пешком. До Стокгольма оставалось около 150 верст, а до ближайшего пункта на побережье, города Харгсхамна, около 100. И они пошли. Пурга рвала с них одежду, сбивала с ног, леденила кровь. А они все шли.

Кончились продукты. Обессиленные путешественники вернулись в Мариенхамин.

К этому времени после прибытия шведского батальона положение изменилось. Теперь можно было переждать до окончания ремонта парохода, поселиться в гостинице Мариенхамина. Но и здесь покоя не было. Швед-

ские солдаты получили приказ «ревизовать» чемоданы некоторых членов делегации. Об этом пишет в своей книге, вышедшей в 1965 году в Стокгольме, бывший начальник штаба обороны Швеции Карл-Август Эренсверд (он в марте 1918 года командовал шведским батальоном, прибывшим на Аландские острова):

«Уходя с чемоданами, стуча сапогами, солдаты подняли шум. Мадам Коллонтай, красивая и рассерженная, открыла дверь в своей комнате гостиницы. Полагая, что мы хотим забрать дипломатический багаж делегации, она запротестовала, закончив свой протест следующими словами: «Как это понять? Это война между Швецией и Россией? Если еще нет войны, то она может начаться...»

...Много лет спустя, когда мадам Коллонтай была послом в Стокгольме, а я начальником штаба обороны, я был приглашен в Советское посольство на прием и оказался за столом рядом с Коллонтай. Я напомнил об эпизоде на Аландских островах. Коллонтай от души посмеялась над своей угрозой по поводу войны».

В начале марта ремонт парохода был закончен. Делегация ВЦИК покинула Аландские острова и 10 марта возвратилась в Петроград. Ян Антонович позже констатировал: «Делегации ВЦИК... не удалось проехать за границу, и конференция не была созвана».

Прямо из гавани Александра Михайловна и ее друзья направились в Смольный. Там шли последние приготовления к отъезду: на Николаевский вокзал увозили ящики с документами. В ночь на 11 марта 1918 года Советское правительство выехало из Петрограда в Москву.

«НУЖНЫ КРЕПКИЕ ПАРНИ»

Тем временем положение Советской России оставалось крайне сложным. Необходимо было наладить контакты с Западной Европой, хотя не было серьезных надежд, что империалистические государства признают правительство большевиков. Значит, надо было, добиваясь признания де-факто, послать в какую-либо из стран Европы официальную государственную миссию. Вопрос этот обсуждался в ЦК и Совнаркоме, и 10 апреля 1918 года Председатель Совнаркома В. И. Ленин (Улья-

нов) подписал решение о назначении Яна Антоновича Берзина полномочным представителем Советской России в Швейцарской республике.

Разумеется, Ленин не случайно остановил свой выбор на Швейцарии. 21 января 1925 года, в первую годовщину кончины Владимира Ильича, Ян Антонович поделился на страницах «Правды» своими воспоминаниями о Ленине в связи с работой в Швейцарии. Он писал:

«Перед отъездом в Швейцарию я имел много разговоров о предстоящей там работе, и от Ленина я получил все инструкции по поводу нее... Владимир Ильич... придавал чрезвычайное значение работе информационного характера и был уверен, что именно Швейцария является тем местом, откуда можно будет знакомить страны Запада со всем, что происходит у нас, в России. Все его советы относились, главным образом, к этой стороне нашей работы.

«Нужно работать так, чтобы вас не могли обвинить в пропаганде. В Швейцарии как-никак свобода и демократия, там мы всегда находили приют, будучи эмигрантами, и свободно издавали свои органы. Там не может быть легальных препятствий для интервью в газеты, для статей, для издания брошюр о России и т. д.».

Еще до официального решения Совнаркома Берзин начал готовиться к отъезду. Посоветовался со Свердловым о будущем составе миссии.

— Ваши предложения? — спросил Яков Михайлович.

— Нужны крепкие парни. Аллана Валлениуса прошу включить в состав миссии. Помогите подобрать смелых ребят.

Фактическим заместителем Берзина был Григорий Львович Шкловский. Член РСДРП с 1898 года, политэмигрант с 1909 года, Шкловский жил в Швейцарии, входил в Бернскую секцию большевиков. Вернулся в Россию после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года и был участником Октября.

Одним из ближайших сотрудников Берзина стал Алексей Сергеевич Черных. Он родился в 1892 году в Сибири, в Селенгинске, где находились в ссылке его родители. Учился в Московском университете на юридическом факультете, принимал участие в студенческой революционной организации, был исключен из университета, потом снова возвратился туда. Но так и не окончил

его: революция захватила молодого большевика, а о дипломах тогда не думали.

Самый молодой сотрудник Берзина Морис Лейтейзен родился в семье профессионального революционера-большевика Гавриила Лейтейзена (Линдова), которого близко знал Ленин. После февраля 1917 года студент-медик Морис Лейтейзен, по поручению Московского окружного комитета партии большевиков, выступал на рабочих собраниях в Туле, разъяснял позицию ленинской партии. В апреле на митинге в Петровском парке в Туле он закончил свою речь призывом: «Долой войну!» Проходивший в это время полк был по приказу офицеров остановлен, и солдаты набросились на большевистского оратора. Его спасли рабочие патронного завода. Митинг продолжался. После Октября Мориса направили на дипломатическую работу.

Секретарем-машинисткой миссии назначили Любовь Николаевну Покровскую, жену известного историка Михаила Николаевича Покровского.

Берзин понимал, что в Швейцарии он столкнется с чрезвычайными трудностями. Понадобится величайшее терпение и такт, чтобы их преодолеть, и тут не обойтись без помощи швейцарских друзей-интернационалистов. Особенно будет необходима помощь и опыт человека, который уже в те годы стал искренним и бесстрашным другом революционной России. Но прежде чем назвать его имя, необходимо обратиться к событиям, предшествовавшим поездке Берзина в Швейцарию.

14 января 1918 года Ленин выступал в здании Михайловского манежа в Петрограде перед первым батальоном Красной Армии, который отправлялся на фронт. Машина, в которой Ленин возвращался в Смольный, была обстреляна. Пуля, посланная бывшим царским офицером Ушаковым, не попала в Ленина, его прикрыл своим телом находившийся в машине человек. Это был Фриц Платтен, швейцарский коммунист, незадолго до этого приехавший в Петроград.

Сын столяра-краснодеревщика из кантона Сант-Галлен, Фриц Платтен уже в начале нашего века связал свою судьбу с революционным движением России. В дни революции 1905 года он находился в Риге, где принимал участие в боях против царского режима.

Человек яркой индивидуальности, он стал одним из популярнейших лидеров швейцарской социал-демократии, близко сошелся с русской большевистской эмиграцией в Швейцарии, участвовал в Циммервальдской конференции, где без колебаний поддержал большевиков. Платтен организовал переезд Ленина и всей первой группы большевиков-эмигрантов из Швейцарии в Россию в апреле 1917 года. А в апреле 1918 года, находясь в Швейцарии, начал готовить почву для прибытия советской миссии.

Фриц Платтен хорошо знал о симпатиях своего народа к русским. Швейцарцы много лет наблюдали жизнь русской революционной эмиграции. Высокие моральные качества этих людей, их любовь к угнетенной России, их борьба за социальную справедливость и равноправие всех народов, скромность и бескорыстие, разносторонняя образованность, интеллигентность снискали глубокое уважение швейцарцев. И для них эти качества с особой силой и яркостью фокусировались в личности Владимира Ильича Ленина, долгие годы жившего в Швейцарии.

Именно тогда Владимир Ильич познакомился с Фрицем Платтеном и другими крупными деятелями швейцарской социал-демократии, с руководящими социал-демократами других стран, наезжавшими в Швейцарию. На этих людей опирался Фриц Платтен, готовя приезд советской миссии. На этих людей должен был опираться и Берзин во время своей деятельности в Швейцарии.

Швейцарское правительство отказывалось признать Советскую Россию, пока это не сделают великие державы. Тем не менее в начале мая Берзин и его сотрудники выехали в Швейцарию.

На перроне Белорусского вокзала собрались участники этой еще непризнанной миссии, которой предстояло проехать там, где шла война, и их друзья. Михаил Николаевич Покровский, провожавший жену, бодрился, шутил, кричал ей через окно:

— Выпей там за меня чашечку кофе. Я забыл, какой у него вкус.

Наконец, поезд тронулся и, набирая скорость, скрылся между заржавленными, разбитыми вагонами, заполнявшими станционные пути.

17 мая, после краткой остановки в Берлине, Берзин и его сотрудники прибыли в Берн.

Перрон был пуст, но невдалеке стояла группа людей, и Берзин сразу узнал среди них Фрица Платтена. Он издали делал успокоительные жесты: дескать, все в порядке, не волнуйтесь.

Платтен тепло приветствовал Берзина и его сотрудников. Ян Антонович передал ему привет от Ленина. Все уже хотели садиться в такси, заботливо заказанное Платтеном, но прибежал сапожник Каммерер, на квартире которого в 1915 году жил Ленин, и снова начались приветствия и расспросы.

— Как там живет господин Ульянов? — И все уговаривал: — Вы приедете ко мне, и я вам покажу комнату, которую он занимал. А теперь он живет в Кремле.

Полицейский молча наблюдал сцену встречи, всем своим видом давая понять, что не следует задерживаться. Наконец все расселись по машинам, и через несколько минут комнаты гостиницы «Лёвен» на одной из тихих улиц Берна огласились русской речью.

В БЕРНЕ

Владимир Ильич с нетерпением ждал вестей от Берзина. 2 июня 1918 года Ленин послал с курьером в Швейцарию свою первую записку:

«Тов. Берзину
или Шкловскому.

Дорогие друзья! Удивляюсь, что от Вас до сих пор ни звука.

...Жду вестей.

Ваш *Ленин».*

Ян Антонович передал с курьером ответную записку Ленину, но подробного письма пока не писал. Он хотел осмотреться, ознакомиться с обстановкой в Швейцарии, попристальнее взглянуть из «швейцарского окошечка» на Европу, почерпнуть побольше информации, а затем уже написать Ленину.

Постепенно, шаг за шагом, первое советское полномочное представительство в Швейцарии расширяло свою деятельность. Берзин, как и советовал Владимир Ильич, создал «Русское информационное бюро», поручив ему

издавать ежедневный бюллетень на немецком, французском и итальянском языках и публиковать в нем сообщения о положении в Советской России, декреты Советской власти и другие материалы.

Положение русского полномочного представителя резко отличалось от положения дипломатов буржуазных стран. В сущности, Берзин подвергался бойкоту. После приезда он был сухо и полуофициально принят президентом. Его не приглашали на приемы и встречи. Буржуазные дипломаты разъезжали на автомобилях, у Берзина же автомобиля не было, а это немало значило для престижа. Берзин ходил пешком и лишь иногда пользовался извозчиком.

И все же он стал одной из самых популярных фигур в швейцарской столице. Его называли по-разному: «большевистский посол», «красный дипломат». Журналисты пытались добыть компрометирующие материалы о нем, но безуспешно. Всегда подтянутый, худощавый, отчего казался выше ростом, в недорогом, но очень ладно сидевшем на нем костюме, он производил благоприятное впечатление даже на мещан, которых было хоть отбавляй в мелкобуржуазном Берне. Он появлялся в книжных магазинах, куда другие дипломаты не заглядывали, подолгу рылся в развалах букинистов; его можно было встретить в дешевом кафе за чашкой кофе, в театре и на художественной выставке.

Его родным языком был латышский, он горячо любил песни своего народа, его литературу, историю. Русским он владел безукоризненно, но говорил с легким акцентом. Немецкий знал в совершенстве, английский и французский — хорошо, немного — итальянский. В многоязычной Швейцарии все это особо ценилось, и бывший пастух из Фегенской волости и в этом смысле выглядел куда лучше иных буржуазных дипломатов княжеских и графских кровей. И в умении постоять за интересы своей страны он им тоже не уступал. Регулярно появлялся в политическом департаменте, вел деловые переговоры, предлагал наладить торговые отношения. Очень скоро он заставил уступить в одном вопросе, весьма престижном.

В центре Берна, на Шваненгассе, 4, много лет помещалось царское посольство, и к лету 1918 года там все еще находились царские чиновники, теперь имено-

вавшиеся «представители Временного правительства»; они надеялись, что колесо истории повернется вспять.

Уже в мае Берзин начал добиваться выселения царских чиновников из здания русского посольства. С этой целью он официально ввел должность советского консула в Берне, назначил консула и это решение опубликовал в газете миссии «Нувель де Рюсси» («Русские новости»). В Берне оказалось два консула: царский, он же представитель Керенского, которого народ сверг, и советский, представлявший правительство, официально еще не признанное швейцарскими властями. Швейцарское министерство иностранных дел встало перед необходимостью решать вопрос. Победил реализм: царскому чиновнику пришлось освободить помещение.

В конце 1918 года, уже возвратившись в Советскую Россию, Берзин в своем докладе сессии ВЦИК сказал по этому поводу: «Это была наша первая и наиболее крупная победа».

Вскоре после приезда в Берн Ян Антонович и его сотрудники приступили к выполнению важнейшего задания Советского правительства. В упомянутом докладе сессии ВЦИК Берзин следующим образом скажет об этом задании:

«В Швейцарии еще осталась часть русских революционеров-эмигрантов, потом в Швейцарию направлялись наши солдаты пленные из Австрии и Франции, и наша задача была — защита их интересов. Тех эмигрантов и солдат, которых могли, отправляли в Россию, и в дальнейшем принимали меры, чтобы отправить солдат, находящихся во Франции».

Невероятно трудным было это поручение Москвы. С революционными эмигрантами было сравнительно просто. Они сами всей душой стремились на Родину. Но и им нужны были официальные документы, визы, материальная помощь. А денег у Берзина было крайне мало. Из Москвы поступали мизерные средства на содержание миссии и на информационную работу. И все же Берзин, проводя жесточайший режим экономии, сумел отправить много революционеров-эмигрантов в Россию, а несколько человек оставил работать в миссии. Кстати сказать, этим обстоятельством воспользовалась развед-

ка Антанты, и, как читатель увидит дальше, в штат миссии был заслан провокатор.

Труднее было с отправкой солдат. Иные из них, бежавшие из лагерей, прибывали к Берзину голодные, оборванные, напуганные антибольшевистской пропагандой. Их надо было одеть, накормить, успокоить, разъяснить, что произошло в России в Октябре 1917 года.

В дальнейшем будут приведены документы, имеющие прямое отношение к описываемым событиям. Они помогут читателю понять, как действовал в Швейцарии Ян Берзин, как жила, работала горстка коммунистов, оторванная от центра революции. Это письма из Швейцарии в Россию. Листочки, вернее, обрывки листочков, пережившие десятилетия, сохранились. Автор их Любовь Николаевна Покровская.

Дочь богатых родителей, выросшая в обстановке полного благополучия, Любовь Николаевна в двадцатилетнем возрасте, в 1898 году, ушла в революцию. Вскоре судьба свела ее с приват-доцентом Московского университета Михаилом Николаевичем Покровским, ученым-историком, профессиональным революционером-большевиком. Несколько лет спустя, в 1905 году, Покровский принял активное участие в Московском вооруженном восстании, был избран членом Московского комитета большевиков и делегатом на V съезд партии. После возвращения в Москву Михаил Николаевич был выдан провокатором, перешел на нелегальное положение и вынужден был эмигрировать из России вместе с женой и маленьким сыном Юрием.

Любовь Николаевна прекрасно владела тремя иностранными языками. Была еще одна причина, по которой Берзин предложил ей поехать в Швейцарию. В августе 1917 года Михаил Николаевич и Любовь Николаевна после десятилетнего изгнания возвратились в Россию, но сына Юрия были вынуждены оставить в Швейцарии: он был тяжело болен. Берзин знал об этом и предложил Любови Николаевне место секретаря-машинистки. И вот ее письма, отправленные из Берна в Москву Михаилу Николаевичу Покровскому.

«Мишенька, милый.

Вот как проходит мой день. Утром к 9 часам прихожу в посольство, распечатываю и распределяю корреспонденцию до 12. В 12 лезу на 4 этаж в нашу столовую...

Тов. Соловьев (дипкурьер.— *З. Ш.*) тебе расскажет, если увидит тебя, а после, с 2-х до 5-ти, редактирую французские переводы и сама перевожу. В 6 часов вечера опять обедаем, а потом иду домой в отель «Левен» и вскоре ложусь спать, так как вставать приходится в 7 часов, а работаю я очень напряженно...»

В 1918 году началась интервенция, о вероятности которой предупреждал Ленин. 9 марта 1918 года в Мурманске высадился английский десант и оккупировал северные районы республики. В Архангельске было вскоре создано белогвардейское «верховное управление Северной области». Его главарем стал Николай Чайковский, тот самый Чайковский, который когда-то вместе с Марком Натансоном создал революционный кружок «чайковцев».

Ухудшилось положение и на востоке республики. Сорокатысячный корпус военнопленных чехословаков занял Самару, Симбирск, Казань.

Зарубежные газеты утверждали, что правительство Ленина пало. Страницы их пестрели дикими вымыслами. И здесь во весь рост встала задача, о которой Ян Антонович сказал на сессии ВЦИК:

«Более важной работой нашей была работа информационная. Мы обязались от пропаганды политической воздерживаться и это условие выполнили... Но то, что мы имели право делать — информировать через Швейцарию другие страны о положении в России, о большевистской политике,— это мы делали и не могли отказаться от этого, потому что в этом был прямой смысл нашего представительства в Швейцарии».

Уже вскоре после приезда миссии в Швейцарию в Берне, Цюрихе, Лозанне и других городах начала выходить упоминавшаяся нами газета советской миссии «Нувель де Рюсси» на французском, а затем на немецком и итальянском языках. Здесь публиковались материалы о России. Печатались статьи Ленина, декреты Советской власти. Главными темами были мир и хозяйственное строительство. Встречались и заметки о буднях, как например:

«В Москве скоро откроются дешевые рестораны. В частных ресторанах обед стоит пятнадцать франков.

В дешевых ресторанах для народа обед из двух блюд будет стоить 3—4 франка. Там можно будет получить традиционные блюда русской кухни. Продукты для народных ресторанов будет поставлять Отдел продовольствия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов».

«Нувель де Рюсси» рассказывала также о солдатах Советской России (заметка перепечатана из газеты «Красная Армия», доставленной курьером из Москвы): «При абсолютистском режиме палка и кнут были в армии основой воспитания. В рабоче-крестьянской стране эти атрибуты — пережиток. Солдаты революционной армии преисполнены чувства ответственности перед каждым гражданином Республики, ими движет высокая сознательность».

Одной из важнейших своих задач Берзин считал организацию европейского и мирового общественного мнения в пользу Советской России, разоблачение клеветы. И здесь он многое сделал. В одном из номеров газеты был опубликован знаменательный документ — письмо руководителя французской военной миссии в России Жака Садуля писателю Ромену Роллану. Через некоторое время Жак Садуль станет борцом против интервенции в России.

Вот этот документ:

«Гражданину Ромену Роллану!

В тот самый час, когда республиканцы всего мира, празднуя годовщину взятия Бастилии, выражают свою признательность Французской Революции и провозглашают свою твердую веру в близкое наступление эры братства, телеграф приносит нам известие о том, что правительства Согласия решили раздавить русскую революцию.

Обессиленному войной против гнусной аристократии, против буржуазии, жаждущей прежде всего вернуть себе свои преимущества и свои капиталы, более чем наполовину удушенному немецким империализмом, Советскому правительству грозит ныне смертью наступление, затеянное союзниками.

Безрассудны те, которые не видят, что это вооруженное вмешательство не может не вызвать негодующего протеста подвергшегося нашествию народа.

Вы, люди, в буре сохранившие свободу духа, Вы, зна-

ющие или догадывающиеся об огромной общечеловеческой ценности коммунистического опыта, предпринятого русским пролетариатом, допустите ли Вы, чтобы свершилось это возмутительное преступление...

Такие люди, как Олар, Габриель, Сей, Метерлинк и другие, узнав правду, сумеют осветить ее на нашей родине. Они помешают сынам Великой Французской революции покрыть себя несмываемым позором, взяв на себя роль палачей Великой Русской Революции, которая таит в себе значительный запас идеализма и прогресса... Беда будет непоправима. Новые развалины не восстановят старых.

Такие люди, как Вы, которые столько сделали для интеллектуального и морального развития моего поколения, в состоянии этому помешать.

Это ИХ обязанность.

Примите, гражданин Ромен Роллан, искренние уверения моих дружеских чувств.

Капитан Жак Садуль».

«Русское информационное бюро» и газета «Нувель де Рюсси» использовали любую возможность, чтобы показать рост симпатий к Советской России. Видимо, Людвиг Карлович Мартенс, неофициальный посол Советского правительства в Соединенных Штатах Америки, прислал в Берн из Нью-Йорка номер газеты «Уикли пиплз» — орган Социалистической партии Америки, и вот строки из этой газеты, опубликованные в «Русских новостях»:

«Русская революция настолько напугала капиталистов, что они теперь объединяются с целью удушить революцию. Но сознательные рабочие всего мира с гордостью следят за Советской Россией, видят в ней величайшую надежду для всех трудящихся... Залы, в которых прошли митинги солидарности с Советской Россией, были переполнены, и все единодушно протестовали против интервенции. Публицист Джон Рид выступал на многих митингах и призывал народ к солидарности с Советской Россией».

Берзин и его сотрудники выпустили в свет отдельным изданием ленинское «Письмо к американским рабочим» и другие важные исторические документы. Все это помогало разоблачать ложь и клевету об Октябре.

«Дорогой товарищ Ленин! — написано было в одном

из писем.— Большую радость мне доставила здесь встреча с товарищем Берзиным. Теперь западные европейцы могут, по крайней мере, получать информацию о положении в России. Она поможет и нашей газете «Трибуна», которую мы издаем в Голландии, а эта информация нам так необходима».

При помощи левых социалистов Берзин и его сотрудники организовали публикацию статей о Советской России в швейцарских газетах и добились распространения этих материалов в сопредельных с Швейцарией странах — Франции, Италии, Австрии, Германии.

«Русское информационное бюро» выполнило еще одну важную задачу. В Москву не поступали иностранные газеты, радио не было источником информации. Литвинов, арестованный в Лондоне, уже не мог сообщать о настроениях в Англии. Советское правительство не знало, как европейский пролетариат реагирует на интервенцию. А знать это было крайне важно.

Берзин и его сотрудники стали ежедневно передавать по телеграфу в Москву обзоры европейской печати, и в первую очередь то, что касалось настроений трудящихся ведущих государств Запада. Так Москва узнала, что в Англии, а затем и в других странах началось вошедшее в историю движение под девизом «Руки прочь от Советской России!».

Июль был особенно тревожным. Ждали курьера, но он все не приезжал. Утром просыпались с одной мыслью: что в Москве? Предполагалось, что в Берн приедет Покровский и, возможно, привезет письмо русских ученых — обращение к людям науки в Европе с призывом выступить против интервенции в России. Покровский не приехал, но в начале августа, наконец, прибыл курьер. Все собрались в кабинете Берзина. Ян Антонович вскрыл конверт, волнуясь, прочитал:

«За письма спасибо.

Работаете Вы, видимо, энергично. Привет!..

Здесь критический момент: борьба с англичанами и чехословаками, и кулаками. Решается судьба революции.

Ваш *Ленин*».

А через несколько дней пришло письмо Михаила Николаевича Покровского. И вот ответные письма Любови Николаевны:

«Берн, 20 августа 1918 г.

Мишенька, родной мой,

как ты мог видеть из моих писем от 12—13—14 августа, я уже поняла, что ты сейчас не можешь уехать — что это было бы дезертирством; всего тебе хорошего. Мишенька, сейчас, когда я пишу это, положение уже улучшилось; как-то дальше пойдет? Как было с Казанью — была ли она действительно в руках белых и... как же тогда? А Пермь как? Ответь на все это хотя бы намеками...»

И сразу же Покровская посылает письмо сыну, пусть знает, что происходит на его родине, хоть мал еще сам. После эсеровского мятежа 6 июля она ему писала:

«От папы пришло еще одно письмо, уже после борьбы против людей, которые недавно хотели снова пойти против большевиков; это им не удалось».

И вот теперь, в августе, она шлет весточку сыну в больницу:

«Вчера послала папе письмо с курьером. От него тоже скоро жду письма... А приехать он может только после того, как будет побеждено буржуазное войско, которое все еще пытается нападать на социалистическое правительство. Папа хоть сам не сражается пока, но помогает своим умом и добротой; и был бы дурной пример другим, если бы он в момент, когда много дела, вдруг бы уехал. А когда все обойдется и будет благополучно, он приедет. Так-то, сынок».

В те дни Ленин еще не знал, что его новые книги и статьи уже увидели свет в Швейцарии. Курьер отвез их Владимиру Ильичу, а вскоре пришел ответ:

«Дорогой тов. Берзин! Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть пару слов привета. Благодарю за издания от всей души.

Ваш *Ленин.*

P. S. Шлите по экземплярчику интересных газет... и новые брошюры, все и всякие: английские, французские, немецкие и итальянские».

Через неделю в короткой записке от 20 августа Владимир Ильич после всяких приветов и некоторых указаний о работе просит прислать вышедшую во Франции книгу Анри Барбюса «Огонь» и ряд других изданий.

Ян Антонович писал в «Правде»:

«Все эти письма и записочки написаны рукой самого Владимира Ильича, им же написаны и адреса на конвертах (обыкновенно так: «Тов. Берзину, Русскому послу в Берне»).

Все они испещрены постскриптумами, подчеркиваниями — одной, двумя, тремя чертами, по большей части пером, иногда еще красным или синим карандашом. Каждая строчка в них дышит энергией и силой. Каждая страничка свидетельствует о том, какими пронизывающими, проницательными глазами он следит за всем, что творится на Западе, и с каким нетерпением он ждет и призывает помощь оттуда...»

Еще весной, вскоре после приезда в Швейцарию, туберкулез, мучивший Берзина с давних лет, резко обострился. Ян Антонович старался не обращать внимания на болезнь, писал Владимиру Ильичу, что не так уж плохо себя чувствует. Но к лету совсем разболелся, и пришлось выехать за город в курортное местечко Зигрисвиль, неподалеку от Берна.

Покровская получила весточку из Москвы, от Михаила Николаевича. И хотя его письмо было несколько запоздалым и уже произошли другие, более радостные события, оно раскрывало правду:

«Теперь, когда англичане идут на Вологду, а чехословаки уже в Казани, более чем естественно, что «они выжидают», и только настоятельные напоминания... о том, что мы все-таки ближе англичан и чехословаков, могут заставить «их» слушаться. Взять обратно Казань и Екатеринбург — самое лучшее средство провести быстро и успешно нашу школьную реформу...»

В августе журнал «Социалистише Ауслandсполитик» опубликовал статью Карла Каутского «Демократия или диктатура». «Правда» привела выдержки из этой статьи. В тот же день Ленин, еще не оправившийся после ранения, впервые диктует машинистке письмо для Берзина, Воровского и Иоффе. Ян Антонович замечает по этому поводу:

«Оно написано на машинке — должно быть, рука Владимира Ильича после покушения еще плохо работала. Только подпись и дата от руки, а также две вставки иностранными словами в тексте».

Письмо Ленина гневное, возмущенное:

«Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппор-

тунизм Каутского возбуждают вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы *с теоретическим* опошлением марксизма Каутским?...

Надо бы принять такие меры:

1) поговорить обстоятельно с левыми (спартаковцами и проч.), побудив их выступить в печати с *принципиальным, теоретическим* заявлением, что по вопросу о диктатуре Каутский дает пошлую бернштейниаду, а не марксизм;

2) издать поскорее по-немецки мое «Государство и революция»;

3) снабдить его хотя бы *издательским* предисловием...

4) Если нельзя быстро издать брошюры, то в *газетах* (левых) пустить заметку, подобную «издательскому предисловию».

Очень просил бы прислать (для меня особо) брошюру Каутского (о большевиках, диктатуре и проч.), как только она выйдет...»

Берзин выполнил просьбу Владимира Ильича. В Берне вышла в свет на немецком языке книга Ленина «Государство и революция» с предисловием, написанным в духе просьбы Ленина. Она была распространена в Швейцарии, Германии, Австрии и других странах. А Берзин и его сотрудники сразу же начали готовить это издание на французском языке, и в своем письме от 25 октября Владимир Ильич уже спрашивает Яна Антоновича:

«Когда выйдет французское издание «Государство и революция»? Успею ли написать предисловие против Вандервельде?»

В конце лета Ян Антонович попытался средствами кинохроники рассказать широкой публике о положении в Советской России, привлечь ее внимание к нуждам и проблемам революции. Задумал он это еще перед отъездом из Москвы и кое-какие фильмы захватил с собой, показал их бернской публике, а потом написал в Москву, просил прислать новые. Но замысел выполнить не удалось.

Приведем еще одно письмо из Берна 15 сентября 1918 года.

«Родненький мой Мишенька, пишу тебе дома, так как сейчас воскресенье. Хочу сообщить тебе вот о чем: вче-

ра в здешнем «Фольксхаузе («Народном доме») в самом интиме, то есть в присутствии Миссии, Бюро печати и администрации этого самого фольксхауза, произведена была проба половины фильмов, переправленных сюда из России...

Получилось следующее: за исключением первомайского (фильма)... и снятия памятника Александру III, фильмы заставили нас руками развести. Суди сам: первый фильм «Борьба с холерой в России» — показана только процедура предохранительной прививки и затем две руки, обливающие из крана самовара огурцы и еще какие-то ягоды; все остальное состоит из русских надписей с правилами «холерной» гигиены. Это для швейцарской публики. Второй, тщательно, видимо, изготовленный фильм крестного хода: громадная крестьянская толпа, хоругви, отдельно патриарх и т. д. Интересно, кто счел нужным снять это и послать за границу? Третий фильм — 5-й Всероссийский съезд Советов — показаны лишь низы колонн Большого театра, броневики и патрули охраны и спины входящей публики. Самого съезда, т. е. залы заседаний, не показали. Четвертый фильм — «Похороны разбившегося летчика»; опять отдельно священник над гробом...

С точки зрения содержания: попы, крестный ход, упавшая от голода лошадь на улице Петрограда, пожар, уничтожающий склад съестных припасов. Ни одного митинга, ни одного рабочего собрания... Недурны детские игры. Общее же впечатление таково, что невольно приходит в голову, что тут форменный сознательный саботаж...»

В общем, намечавшийся просмотр кинофильмов пришлось отменить, подыскав пристойную причину.

Описываемые события относятся к сентябрю 1918 года, и теперь из Берна перенесемся в Москву. Именно тогда — это произошло в начале сентября — вечером в дом номер 11 на улице Лубянке, где помещалась Чрезвычайная комиссия, пришел Яков Михайлович Свердлов.

КТО ТАКОЙ МЕСЬЕ ДОМАНСКИЙ?

Председатель ВЦИКа знал, что Дзержинский болен. Он и сам еле держался на ногах. Но Феликс Эдмундович был так бледен и худ, что Яков Михайлович опешил. Пи-

тался Дзержинский отвратительно, спал урывками, тут же в кабинете, на железной кровати, покрытой простым солдатским одеялом.

Свердлов рассказал Ленину о состоянии Дзержинского, предложил немедленно отправить его за границу, в Берн, на лечение: о русских курортах говорить не приходилось — они были оккупированы белогвардейскими войсками. Владимир Ильич поддержал предложение Свердлова, и вопрос о поездке был решен. Дзержинский был официально направлен как дипкурьер.

Но почему в Берн? Еще в начале сентября 1918 года в Берн из Цюриха прибыла жена Дзержинского Софья Сигизмундовна. Февральская революция застала ее с сыном за границей, в Цюрихе, где она тесно сблизилась с семьей Стефана Братмана-Бродовского, который был тогда секретарем русских эмигрантских касс. После отъезда Стефана в Берн для работы в советской миссии Софья Дзержинская заняла его место. Летом 1918 года в Цюрихе разразилась сильная эпидемия гриппа, унесшая много жизней. Заболел и малолетний сын Дзержинского Ясик. После его выздоровления Дзержинская решила переехать в Берн, где ей предложили должность секретаря советской миссии. Через Берзина Феликс Эдмундович установил регулярную переписку с женой. О встрече с семьей Дзержинский тогда не мог и мечтать. Но 24 сентября, после того как вопрос о его поездке был решен, он пишет Софье Сигизмундовне:

«Итак, может быть, мы встретимся скоро, вдали от водоворота жизни после стольких лет, после стольких переживаний. Найдет ли наша тоска то, к чему стремилась?

А здесь танец жизни и смерти — момент поистине кровавой борьбы, титанических усилий...»

Поездка председателя ВЧК за границу была делом чрезвычайной сложности. Было решено, что Феликс Эдмундович сбреет бороду, волосы, изменит до неузнаваемости свой облик и так выедет в Швейцарию. Вместе с ним отправится его близкий друг и сотрудник, член коллегии ВЧК Варлаам Аванесов. О предстоящей поездке Дзержинского известили Берзина.

В начале октября Берзин под большим секретом сообщил Софье Сигизмундовне, что ее муж уже находится в пути.

Софья Сигизмундовна свидетельствует:

«А на следующий день или через день после 10 часов вечера, когда двери подъезда были уже заперты, а мы с Братманами сидели за ужином, вдруг под нашими окнами мы услышали насвистывание нескольких тактов мелодии из оперы Гуно «Фауст». Это был наш условный эмигрантский сигнал, которым мы давали знать о себе друг другу, когда приходили вечером после закрытия ворот. Феликс знал этот сигнал еще со времен своего пребывания в Швейцарии — в Цюрихе и Берне в 1910 году. Пользовались мы им и в Кракове. В Швейцарии был обычай, что жильцы после 10 часов вечера сами отпирали ворота или двери подъезда. Мы сразу догадались, что это Феликс, и бегом помчались, чтобы впустить его в дом. Мы бросились друг другу в объятия, я не могла удержаться от радостных слез... Он приехал... под другой фамилией (Феликс Доманский) и, чтобы не быть узнанным, перед отъездом из Москвы сбрил волосы, усы и бороду. Но я его, разумеется, узнала сразу, хотя был он страшно худой и выглядел очень плохо».

В Берне Дзержинский заболел тяжелой формой гриппа. Берзин дал Софье Сигизмундовне отпуск и предложил ей вместе с мужем выехать в Лугано, славящееся своим очень здоровым климатом. Вот там, на причале озера Лугано, и произошла встреча Дзержинского с Локкартом...

Как и было предусмотрено расписанием, поезд из Лугано пришел в Берн 23 октября ровно в семь утра. Ян Антонович не должен был ехать на вокзал, послал Лейтейзена. Вид у Мориса был радостно-взволнованный. Дзержинский это сразу заметил:

— Что с вами, Морис? Вы похожи на подгулявшего шляхтича в день свадьбы.

— Вы читали газеты? — спросил Морис.

— Вчера в Лугано читал, но там все старое.

— В Германии события. Газеты сообщают: то ли гарнизон в Киле бунтует, то ли матросы — телеграммы противоречивые. Но одна газета пишет, что матросы не хотят воевать против России.

— Какая газета? — спросил Дзержинский.

— «Бернер тагвахт».

— Эта и соврать может.

— И «Цюрхер цайтунг» пишет то же самое.

— Этой можно верить. Какие новости из Москвы?

— Как всегда, ждем курьера.

— Где Ян Антонович?

— На Шваненгассе... Как стемнеет, придет к вам домой. А у меня новость — еду в Лугано. Там на днях открывается съезд левых социалистов.

— Знаю, наслышан,— рассмеялся Дзержинский.— Съезд считается чуть ли не закрытым, но об этом уже все воробьи на крышах Лугано чирикают, все газеты пишут и песню в честь съезда сочинили.

И, взяв в руки один чемодан, а другой передав Морису, двинулся к вокзальной площади, где стояли извозчики...

Вечером к Дзержинским приехал Ян Антонович с женой. Феликс Эдмундович выглядел пополневшим и посвежевшим, исчезли синяки под глазами и желтизна на бледном лице. И это с радостью отметил про себя Берзин.

Дзержинский рассказал об отдыхе, поездках в горы и лишь потом упомянул о встрече с Локкартом. Берзин насторожился. Газеты, падкие на всякую сенсацию, ничего не сообщали о том, что Локкарт в Швейцарии.

— А он здесь, вероятно, инкогнито, как и я; не хочется ему отвечать на вопросы корреспондентов. Ведь они его облепят, как мухи, а рассказывать о своем провале кому охота,— заметил Дзержинский.

— Ты уверен, что он тебя не узнал? — спросил Берзин.

— Конечно, уверен. Иначе он бы мне на шею бросился от радости,— усмехнулся Дзержинский.

— Ну, а как бы ты поступил, если бы Локкарт все же узнал тебя? Полицию ты не стал бы звать на помощь, подними он крик?

— Локкарт действовал бы без крика.

— Ну, а все же?

Дзержинский отшутился:

— Позвал бы тебя на помощь. Ты, как посол, обязан защищать граждан своей страны... А если признаться, то сам не знаю, как действовал бы. Решения в таких случаях приходят в самый последний момент и бывают весьма неожиданные. Ну, бог с ним, с Локкартом. Скажи, как тебе здесь живется, как чувствуешь себя?

— Как чувствую? Непризнанный посол непризнанной

страны. Пока терпят. А дальше видно будет... А что касается тебя, то я хотел бы знать, что ты уже в Москве...

Аванесов отвел опасения Берзина:

— Слушай, дорогой Ян Антонович, как его можно узнать? Феликса Эдмундовича родная мама не узнает. Все сделано, как следует. Я бы с ним иначе не поехал. Я ведь головой за него отвечаю, а мне моя голова дорога. Она тоже не две копейки стоит... И вообще, полагается отметить такую счастливую встречу. Возражений нет и быть не может,— закончил он категорически.

Пока Софья Сигизмундовна накрывала на стол, Берзин рассказал Дзержинскому о последних событиях. Газеты сообщали самые противоречивые новости и опровергали одна другую, но сквозь этот поток прорывалось главное: в Германии нарастают важные события, что-то происходит и в Австро-Венгрии, как будто бы начались волнения в Будапеште.

— От Владимира Ильича есть новости? — спросил Дзержинский.

— Москва молчит. Курьера жду каждую минуту.

— А мы ждать не будем, завтра же едем домой,— сказал Феликс Эдмундович.

Он подошел к окну. Через опущенные жалюзи взглянул на тускло освещенную улицу. Острым глазом сразу заметил человека, прижимавшегося к стенке у подъезда дома на другой стороне улицы.

По застывшей фигуре Дзержинского Аванесов понял, в чем дело, приблизился к окну, тихо сказал:

— Шпик!

— Очевидно. Но кто послал? — как бы про себя заметил Дзержинский.

В комнате наступила тишина. Ее нарушил Берзин.

— А не рук ли Локкарта сие дело? — спросил он.

— Не думаю,— ответил Феликс Эдмундович.— Местная работа. Демократия демократией, а полиция полицией.

Софья Сигизмундовна разволновалась, хотела погасить свет. Дзержинский остановил ее:

— Не надо, Соня!

Она подошла к окну, разглядела человека, прижавшегося к стене у подъезда, сказала:

— А этот шпик не первый раз торчит здесь.

— Почему вы мне не сказали? — спросил Берзин.

— Я не придала этому значения. Торчит и пусть торчит. Как у нас в России было: вроде «горохового пальто» или переодетого жандарма. Ведь у них служба такая.

— Вы решили ехать завтра? — спросил Берзин у Дзержинского.

— Да.

— Ни в коем случае. Прошу отложить поездку на два дня,— решительно сказал Ян Антонович.

— А что это даст? — ответил Дзержинский.— В подобных ситуациях решает внезапность.

— Постараюсь выяснить, куда тянется нитка.

Аванесов поддержал Берзина, и отъезд было решено отложить на два дня.

Вечером следующего дня на наблюдательном пункте у дома наискосок от квартиры Дзержинской не появился никто. Это, конечно, не значило, что там больше никто не появится, а тем более не было никакой уверенности, что за домом нет слежки. Неужели стало известно, что здесь находится Дзержинский? Эта мысль не давала покоя Берзину. Как и Феликс Эдмундович, он был убежден, что Локкарт не имеет отношения к слежке. Но в чем же тогда дело? О приезде Дзержинского на лечение знало только несколько ближайших сотрудников. В этих людях Ян Антонович был уверен так же, как и в себе.

Однако Берзин не знал, что в здании миссии работает провокатор и что он был внедрен сюда разведкой Антанты.

Кто же он?

Берзин писал Владимиру Ильичу, что в канцелярии миссии «работают главным образом бывшие латышские стрелки». Это было именно так. Но, кроме латышских стрелков, прибывших вместе с Берзиным, людей бесконечно преданных революции, самоотверженно защищавших ее, в качестве обслуживающего персонала на работу в миссию в Берне было взято еще несколько человек. Одним из них был человек, назвавшийся латышом, политэмигрантом, якобы бежавшим в 1914 году от царского произвола. Он заверял, что собирается возвратиться на родину. Его взяли на техническую работу в канцелярию. Предательство его выяснилось позже.

Отъезд Дзержинского нельзя было больше откладывать. Ян Антонович поручил Морису взять два билета на экспресс Берн — Берлин и в этот же вагон, но в другое купе — еще один билет, чтобы Морис сопровождал гостей до германской границы.

25 октября 1918 года Дзержинский и Аванесов выехали из Берна в Советскую Россию.

ТРУДНЫЕ ДНИ

После отъезда Дзержинского Берзин с волнением ждал вестей. Морис возвратился в Берн через два дня и сообщил, что гости благополучно пересекли границу. Берзин, помолчав, сказал:

— Отправляйтесь в Лугано.

Теперь в советской колонии ждали других вестей — из Германии и с Балкан. Вести приходили хорошие, ободряющие, и это вызывало радостное оживление.

Покровская писала в Москву:

«...Итак, Мишенька, родной мой, в Болгарии началось. Ты, вероятно, уже знаешь, как это шло: когда началась революция, Фердинанд (болгарский король.— *З. Ш.*) возопил о помощи к Вильгельму; ему сказали: «пошел к черту! Не до тебя». Тогда Фердинанд, чтобы еще раз извернуться, пошел к... Антанте — на все условия. Здешние газеты перепечатали из «Кельнише цайтунг» одну такую телеграмму: «На юге от Софии — сражение — но неизвестно, кто с кем». Вот как пошло!

В Германии пока только министерские отставки,— но я уверена, что каждый ближайший день будет приносить крупные новости.

Бундесрат решил нас не признавать. Не слишком ли они поспешили? Не вышло бы наоборот. С нетерпением жду завтрашнего утра, чтобы по дороге на работу прочитать, что бундесрат вывесит на столбе. Удивительно приятно видеть, когда публика толпится вокруг газетного столба, на котором что-нибудь эдакое важное...»

Революционная ситуация в Европе и впрямь бурно назревала, но далеко не во всех странах.

Еще до отъезда Дзержинского Берзин отправил в Москву Алексея Черных, чтобы тот рассказал Владимиру Ильичу о работе миссии. Курьерская почта ра-

ботала очень плохо, и Берзин надеялся, что Черных сумеет обернуться скорее, чем это сделает курьер, привезет Ленину новые материалы. Ян Антонович знал, что Владимир Ильич сидит в Горках и пишет книгу «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ян Антонович отмечал: «Ленина волновало и удручало, что мы не только не получаем прямой практической помощи в нашей борьбе от европейского пролетариата, но не встречаем даже сколько-нибудь действенной теоретической поддержки со стороны левых марксистов Запада в борьбе против оппортунизма. И тщетно он взывал к «левым» друзьям Европы: по моим личным наблюдениям даже лучшие среди них в то время не были психологически в состоянии полностью осмыслить пролетарскую революцию в России и дать решительный отпор дряхлому каутскианству».

Алексей Черных привез Ленину газеты и журналы.

15 октября Ленин писал Берзину:

«Дорогой товарищ! Получил от Вас разрозненные, как всегда, иностранные газеты (нельзя ли заказывать кому-либо делать *вырезки:* (а) *все* о России; (б) все о социалистических партиях всех стран).

...Только что получил от Свердлова комплект ваших изданий (не грех бы и мне послать этот комплект)...

Ваш *Ленин*

N. В. Если больны, лечитесь *серьезно* и *не выезжайте* из санатории. Сношения по телефону, а на визиты заместителя посылайте».

В этом письме Владимир Ильич поручает Берзину: «Надо тотчас заказать (хоть Лейтейзену) компиляцию из «Правды» и «Известий» против лганья левых с.-р.». А через несколько дней в Берн прибывает курьер с письмом Ленина от 18 октября. Оказывается, Владимир Ильич с «пристрастием» допросил Черныха, тот признался, что Берзин тяжело болен, и Ленин пишет:

«Дорогой тов. Берзин!

Выслушал я Черных и вижу, что дела у Вас плохи.

Во-первых, Вам надо серьезно лечиться.

N В. Если доктора сказали лежать, ни шагу из санатория.

N В. Если доктора сказали «2 часа работать», ни минуты более.

Свободно можете отказаться от приемов, 1/4 часа уде-

лять на доклады по «делам» и беседы о «делах», $^3/_4$ на руководство всем прочим... Посылать сюда выдержки, а не выписки, как... делали до сих пор... А то у вас нет ответственных.

Статьи из «Volksrecht'a» и др. газет, кои писали, что де Советы не для Европы (по словам Черных) не прислали сюда. Кого за это пороть? Вы должны назначить ответственных...

Привет!
Ваш Ленин».

Приближалась первая годовщина Октябрьской революции. По настоянию Фрица Платтена и его ближайших друзей Правление Социал-демократической партии Швейцарии торжественно отметило это событие, как «имеющее всемирно-историческое значение», выпустило праздничный номер газеты. Особый пункт постановления гласил: направить приветствие советскому народу и «неутомимому труженику вождю русской революции товарищу Ленину», ознаменовать первую годовщину Октября митингами и собраниями в знак солидарности с революционным пролетариатом России.

Берзин и Платтен сообщили в Москву об этом решении. Исполком Московского губернского Совета сразу же направил швейцарским социалистам приветственное письмо, пригласил делегацию на празднование Октября. В послании Москвы говорилось: «Наши друзья — швейцарские пролетарии тем более будут для нас дорогими гостями, что их прекрасная родина давала приют нашим товарищам, вынужденным под гнетом самодержавия жить в изгнании».

Настроение в советской колонии было приподнятое. Валлениус и Лейтейзен поехали в горы, привезли пихтовых и еловых ветвей, украсили большую комнату, где решили провести торжественное собрание. Урывками, во время редких пикников, на которые все вместе уезжали из Берна в горы, Аллан продолжал писать стихи, намеревался издать их после возвращения в Москву. Как раз в канун праздника он закончил книгу стихов, написал посвящение Алисе:

Вдали от Родины, вдали от очага родного,
Живем надеждой мы на мир грядущий,

И не отступим мы от нашей клятвы,
Отдав борьбе и кровь и жизнь!

Эта небольшая книжечка в бордовой обложке, выпущенная в Стокгольме в 1919 году издательством «Фрам», была обнаружена лишь летом 1974 года сыном Аллана Валлениуса Свеном. В ней чистый голос революции, эпоха и связь времен.

После «сердитого» письма Владимира Ильича Валлениус и Лейтейзен каждую неделю отправляли в Москву обзор европейских газет и журналов, комплекты газет и книги.

Первого ноября Владимир Ильич писал Яну Антоновичу:

«Дорогой Берзин!

Получил много книг от Вас. Большое спасибо...

Лежите и лечитесь *строго;* жить Вы должны не в Берне, а в горах, на солнце, где есть и телефон, и железная дорога, а в Берн посылать секретаря и ездить должны *к* Вам...

Крепко жму руку

Ваш *Ленин*».

Это было последнее письмо Владимира Ильича Берзину в Швейцарию. Курьер привез и записку от Дзержинского: Феликс Эдмундович сообщал, что вместе с Аванесовым благополучно добрались до Москвы. Но теперь уже не за горами был и отъезд Берзина из Швейцарии.

2 ноября Шкловского вызвали к шефу политического департамента для переговоров. Шеф департамента извинился, что ему придется «беседовать на неприятную тему» и предъявил категорическое требование, чтобы некоторые сотрудники миссии оставили пределы Швейцарии.

Все это не было неожиданным. Сразу же после решения Правления Социал-демократической партии Швейцарии отметить первую годовщину Октября союзники начали поход против солидарной акции швейцарских трудящихся с Советской Россией. Бундесрат объявил, что в отношении лиц, которые примут участие в революционных выступлениях, будут приняты самые решительные меры. В Цюрих были введены войска. Слух о преследовании советской миссии дошел до дру-

гих городов, и там вспыхнули демонстрации солидарности.

А на Шваненгассе, 4 жизнь шла своим чередом.

По-прежнему почти каждый день в Москву передавались сводки о положении в Западной Европе. В начале ноября Берзин отправил Ленину новую партию книг и газет, очень хотелось получить весточку от Владимира Ильича. Но курьера ждать не приходилось — в Москве и без того было много дел.

7 ноября утром все собрались в кабинете Яна Антоновича. Он пожелал веры в будущее и воли к победе до конца. Днем пришел Фриц Платтен с большим ворохом красных гвоздик. Из его глаз струился какой-то особенно мягкий свет. Он пожал всем руки, одарил цветами. А большой букет поставил в вазу, все уселись вокруг стола и долго говорили о том, что всех волновало,— о Москве, о семьях, там оставленных, о будущем. Потом пришли какие-то неизвестные люди, тоже принесли гвоздики и ворох газет со статьями, посвященными Советской России: в них было много теплых слов, братских приветов и пожеланий выстоять и создать новое общество, которое будет примером для всех людей на земле. Конечно, пришел и сапожник Каммерер. Он был в новом костюме с гвоздикой в петлице, просил передать привет «герр Ленин и фрау Крупская» и уже уходя не удержался, чтобы еще раз не спросить, кто шьет Ленину ботинки на толстой подошве и вообще, нужны ли ему там, в Москве, такие ботинки для прогулок в горы. Его успокоили, сказав, что ботинки у Ленина есть.

К вечеру пошел холодный дождь, погода испортилась, но в здание миссии приходили еще какие-то люди, поздравляли и приносили цветы. А кое-кто не решался войти и цветы оставлял у входа.

Вечером все собрались как одна семья. Зажгли свечи, и в их мерцающем свете пылали гвоздики. Яна Антоновича попросили рассказать о скитаниях по свету. Он отшучивался, но все же согласился. Он говорил о тех, кого уже не было в живых, кто остался в казематах Сибири. Потом Аллан Валлениус читал свои новые стихи. Ему хлопали, просили читать еще. А Морис Лейтейзен прочитал рассказ Короленко «Огоньки» — о человеке, который темным осенним вечером плыл по угрюмой

сибирской реке и вдруг, на повороте, впереди у темных скалистых гор увидал огонек, то исчезающий, то манящий своей обманчивой близостью. И когда прозвучали последние слова этой маленькой поэмы в прозе: «Но все-таки... все-таки впереди огни!», в комнате стало совсем тихо, и еще долго никто не хотел нарушать тишину.

А гвоздики все пылали в мерцающем свете, как огромные звезды...

Утром 8 ноября на Шваненгассе прибыл чиновник. Об этом в «Правде» сообщено в следующих словах: «Тов. Берзин был приглашен к президенту республики, который холодно и сухо передал ему, что Швейцария, к сожалению, должна прервать деловые сношения (официально Советская Республика не признана Швейцарией, существуют, следовательно, только деловые отношения), и предложил нам всем покинуть Швейцарию»,— писал Г. Л. Шкловский.

Как молния разнеслась весть по всей Швейцарии о высылке советской миссии из страны. Первым возвысил свой могучий голос Фриц Платтен. Он произнес в парламенте пламенную речь в защиту Берзина и его сотрудников, в защиту Советской России. Вместе с ним кампанию начали другие интернационалисты. Это был сигнал для всех трудящихся страны. На призыв ответили граждане города Цюриха. В бундесрат — союзный совет — была направлена депутация социалистов в защиту миссии. Бундесрат не принял предложение Платтена отменить высылку Берзина, и тогда в Цюрихе 9 ноября была объявлена всеобщая забастовка. За Цюрихом последовали другие города. Забастовала даже консервативная Женева. В Цюрих были введены шесть пехотных и шесть кавалерийских полков. В ответ рабочие воздвигали баррикады, начались бои, в которых были убитые и раненые.

Напуганное размахом событий, правительство ввело в стране военное положение. 11 ноября представитель политического департамента Петравичини позвонил в половине восьмого утра Шкловскому на квартиру и передал Берзину, чтобы миссия немедленно оставила пределы Швейцарии.

На сборы были даны одни сутки. Дети всех сотрудников были в Берне, а за Юрой Покровским пришлось снарядить нарочного, и тот привез его больного из Лезье.

12 ноября рано утром сотрудники советской миссии выехали из Берна. Берзин, как моряк, ведущий лайнер сквозь бурное море, до последнего момента оставался на капитанском мостике и, покидая здание миссии, дал телеграмму Ленину: «Нас высылают!»

Ленин немедленно откликнулся на это сообщение, и в «Правде» появилось заявление основателя Советского государства:

«Вчера нашего представителя в Швейцарии швейцарское правительство выслало из Швейцарии, и мы знаем, чем это вызвано. Мы знаем, что французские и английские империалисты боятся того, что он посылал нам каждый день телеграммы и рассказы о митингах в Лондоне, где рабочие Англии провозглашали: «Долой британские войска из России!» Он сообщал сведения и о Франции...»

А Берзин и его сотрудники под конвоем уже эскортировались к германской границе.

Но не все сотрудники миссии выехали в тот день из Берна. Накануне исчез провокатор. Он еще должен был отработать свои сребреники. Об этом впоследствии рассказала Софья Сигизмундовна Дзержинская, которая вместе с Марией Братман еще несколько месяцев оставалась в Швейцарии:

«С болью в сердце попрощалась я с уезжавшими товарищами. Той же ночью полиция произвела у меня и Марии Братман обыск, во время которого у меня взяли все дорогие мне письма Феликса...

Вскоре после обыска меня вызвали в полицейское управление на допрос. Меня обвинили в том, что вечером и ночью накануне высылки Миссии я жгла «компрометирующие» бумаги Миссии. Я действительно по поручению своего начальника Шкловского отобрала все секретные документы и сожгла их в печке в комнате, где работала.

Как потом оказалось, один из технических работников Миссии, политэмигрант латыш, был провокатором и после высылки Миссии сообщил швейцарским властям разные данные о работниках Миссии, оставшихся в Берне. Он знал, видимо, и то, что я уничтожила документы Миссии. К счастью, он не знал, что я жена председателя ВЧК, не знал он и о приезде Феликса в октябре в Берн».

Пусто и тоскливо стало в ту ночь на Шваненгассе, 4.

А кортеж из черных лимузинов и грузовиков медленно продвигался на север к германской границе.

Вот как об этом рассказывает Майя Яновна — дочь Яна Антоновича: «В жизни бывают впечатления, которые почему-то всю жизнь сохраняются в памяти с удивительной отчетливостью и подробностью. Так мне запомнился наш выезд из Берна... Был холодный промозглый день. Нас подняли очень рано, мы вышли во двор. Всех сотрудников Миссии, жен и детей разместили на одиннадцати черных легковых машинах, а вещи положили на два грузовика. Я находилась в машине вместе с родителями. Нас повезли к германской границе, тщательно объезжая города. А один небольшой городок не удалось объехать. Помню, что все лавки там были закрыты. Даже мелкие торговцы объявили забастовку в знак протеста против высылки советской Миссии. Улица, по которой мы проезжали, заполнилась грохотом — это демонстративно гремели и стучали опускаемыми шторами. Нам приветственно махали руками.

Потом мы свернули на проселочные дороги, чтобы не вызывать протеста в других городах. Нашу колонну сопровождал конный отряд драгун во главе с офицером. Так мы и ехали окольными дорогами, сбились с пути и оказались в каком-то болоте. Машины застряли. Помню, как отец сказал: «Сейчас пойду и устрою скандал офицеру». Он так и сделал. Мы кое-как вылезли из болота и направились к германской границе, куда приехали вечером.

Нас разместили в каком-то доме, мужчин в одной комнате, женщин — в другой. Спать пришлось на соломе. Под окнами всю ночь слышались пьяные голоса: «Завтра этих большевиков поведем на расстрел». Мама всю ночь не спала, подбадривала приунывших женщин».

После трехсуточного ареста сотрудников советской миссии переправили в Германию, отгуда они выехали к советской границе, где встретились с советским полпредом Иоффе. Его также выслали из Германии. На границе всех разместили в одном вагоне, чо немецкие власти все не хотели выпустить русских «пленников»... Наконец, после долгих проволочек, переговоров, задержек поезд отправился в Москву и в конце ноября подошел к перрону Александровского (ныне Белорусского) вок-

зала столицы. Пробиваясь сквозь толпу, к вагону пробрались Михаил Николаевич Покровский, Александра Михайловна Коллонтай. Приехал встречать старых друзей и Марк Андреевич Натансон. Он уже был тяжело болен, опирался на палку, с трудом дышал, но радостно всех приветствовал: «Как хорошо, что вы дома и вернулись с победой: Швейцария бурлит, там поднялся рабочий класс! Весь мир уже знает об этом».

А вот что писал сам Берзин о возвращении миссии:

«В Москве к приходу поезда на вокзал был послан товарищ, который передал мне, что Владимир Ильич просит меня приехать к нему прямо с вокзала, если только мое здоровье это позволяет.

Он меня встретил чрезвычайно радушно, помню, мы опять с ним расцеловались. Отмечаю это потому, что, по моим наблюдениям, Владимир Ильич не любил подобных изъявлений чувств, и я не видел, чтобы он когда-либо с кем-либо поцеловался... Но в его отношениях ко мне я всегда чувствовал не только товарищеское, но и какое-то отцовское чувство.

В другой комнате шло заседание, куда должен был пойти и Владимир Ильич, но он просил меня подождать его, долго не отпускал меня. Он подробнейшим образом расспрашивал о нашей швейцарской работе, о росте революционного движения в странах союзников и т. д. А когда я его как-то в разговоре спросил о его ране, где именно у него застряла пуля, он заявил с какой-то застенчивостью: «Это все пустяки, легко сошло. Рукой двигать только не очень удобно...»

И снова вернулся к разговорам о мировой революции».

25 ноября 1918 года открылось заседание Всероссийского Центрального Комитета. В зале сидели Ленин, Свердлов, многие большевики, недавно возвратившиеся из эмиграции. Здесь же были рабочие и солдаты из окопов гражданской войны. И крестьяне в домотканых свитках, лаптях, пробравшиеся в столицу через фронты, кто в теплушках, а кто на их крышах. Ян Антонович выступил с отчетом. Это был первый отчет советского посланца о деятельности за рубежами нашей страны. Он рассказал обо всем, что произошло за шесть месяцев, и передал привет швейцарского пролетариата русским рабочим,

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

В Западной Европе после первой мировой войны томилась масса русских военнопленных, положение которых ухудшалось с каждым днем. В начале 1919 года страны Антанты и Германия договорились, что немцы не будут отпускать русских без согласия Англии и Франции. Это была коварная сделка: военнопленных начали вербовать в белогвардейские армии. 21 января 1919 года Народный комиссариат по иностранным делам послал правительству стран Согласия ноту, в которой заявил: «Правительство Российской Советской Республики клеймит перед всеми народами поведение тех, кто, издеваясь над самыми элементарными человеческими чувствами, хотят заставить военнопленных, вышедших из рядов русского народа, к участию в борьбе против русских народных масс, из рядов которых они вышли, причем это нарушение основных принципов международных отношений переносит нас к самым варварским эпохам истории человечества».

Положение русских солдат в Германии и в других странах стало поистине отчаянным. Долгие годы они были оторваны от родины, жили в нечеловеческих условиях. Их ждали семьи, ждала революция.

Военнопленные бежали из лагерей, пытались пробиться через линию фронта, погибали от голода и морозов. Но, даже оторванные от России, они не теряли веры в нее, всеми своими помыслами были с ней.

В феврале 1919 года в Берне проходила международная конференция партий II Интернационала. Узнав об

этом, русские военнопленные из немецкого лагеря Гарделеген направили туда письмо с просьбой о помощи. Этот документ молчал более полстолетия. Пусть он заговорит теперь[1].

«Господину Председателю социалистической интернациональной конференции в г. Берне.

Мы, русские военнопленные лагеря Гарделеген, в числе четырех с половиной тысяч (4500) человек, обращаемся к Вам, господин Председатель, и всем представителям Бернской конференции с покорнейшей просьбой об оказании содействия в скорейшей отправке нас на родину. Мы не знаем, по какой причине задержаны и даже на какое время. Все те доводы, которые нам сейчас сообщают, как-то: голод, расстройство железнодорожного сообщения и беспорядки в России, по нашему убеждению, не могут служить причиной нашей задержки, потому что большая часть из нашей военнопленной среды была уже отправлена при тех же условиях, какие существуют и сейчас. Что же касается голода и других лишений, то мы готовы переносить их вместе со своими родными и теми 175 миллионами русских граждан, которые находятся на дорогой и близкой сердцу нашему Родине.

Дальнейшую же задержку нашу мы считаем по отношению к нам насилием, с какой бы стороны это ни исходило. А потому мы еще раз обращаемся к Вам — не оставить нашей просьбы гласом вопиющего в пустыне...

За время пребывания в плену мы, русские военнопленные, больше других перенесли лишений и страданий. И теперь, когда уже окончилась война и бывшие наши союзники по оружию и товарищи по плену находятся на Родине, в кругу своих родных и семей, нас, несчастных страдальцев и мучеников произвола старой России и Германии,— каких-нибудь полмиллиона, оставляют еще на неопределенное время и обрекают на новые страдания при тех же условиях, какие были во время войны, в тех же четырех стенах за целой сетью выставленных ружей и штыков. Помощь продуктами и улучшение нашей жизни в лагере нисколько не облег-

---

[1] Автор разыскал его в архивах II Интернационала.

чат нашего страдания и тоски по родине, не уменьшат и не залечат тех ран, которые нанесли нам за время нашего пребывания в плену.

Оторванные от дорогой нам Родины уже целые годы, мы лишены связи со своими родными и семьями и не знаем о их судьбе, а также и они о нашей. Все это приводит нас в отчаяние.

Пусть нас ожидают на Родине лишения, пусть ожидает смерть, мы все готовы это принять, чем оставаться здесь, в чуждой нам стране, хотя бы один лишний день.

Мы надеемся, что представители Бернской интернациональной конференции придут нам на помощь со своим веским словом и избавят нас от дальнейших страданий.

Председательствующий — П. Кузубый (?)
Секретарь — В. Башилов

Февраля 16 дня 1919 года
№ 2
Лагерь Гарделеген».

Письмо это было подшито к бумагам Бернской конференции и действительно осталось гласом вопиющего в пустыне. К 1919 году русские пленные находились уже не только в лагерях Тройственного союза. Четырнадцать государств вели интервенцию против Советской Республики. Много мирных граждан угнали англичане и другие интервенты из Архангельска и Вологды. Немало русских попало в английский плен.

13 августа 1919 года народный комиссар по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин послал для сведения всех правительств мира радиотелеграмму о зверском обращении с русскими военнопленными, находившимися в английском плену. «С негодованием и отвращением,— говорилось в ней,— Советское правительство узнало об ужасном, бесчеловечном обращении, которому подвергаются русские военнопленные со стороны английского командования в Архангельске... Красноармейцы, бежавшие из британского плена, сообщали, что многие из их товарищей были расстреляны немедленно после взятия их в плен... Им постоянно грозили расстрелом за отказ от вступления в славянско-британский контрреволюционный легион и нежелание изменять своим прежним товарищам по оружию...»

А Красная Армия наступала, отбрасывая интервен-

тов, вышвыривая их из России. В русском плену оказалось много англичан. Советское правительство не раз заявляло, что по-разному будут в России относиться к пленным английским солдатам — к тем, которых насильно послали свергать Советскую власть, и тем, кто добровольно пошел сюда воевать против рабоче-крестьянского государства. К английским пленным были допущены представитель британского Красного Креста полковник Паркер и мисс Адамс; они имели возможность убедиться, насколько гуманна пролетарская Россия.

В те же дни 1919 года английские пленные через Наркоминдел обратились к британскому правительству с просьбой провести с Советской Россией общий обмен военнопленными. Английский министр иностранных дел лорд Керзон долго тянул, вилял, и только 7 ноября правительство Великобритании дало окончательное согласие на приезд советского делегата для переговоров в нейтральную Данию. Советское правительство назвало своего делегата: Максим Максимович Литвинов.

Из Лондона сообщили, что переговоры с Литвиновым в Копенгагене будет вести Джеймс О'Греди, член парламента.

Всего год назад, в конце 1918 года, Литвинов был выпущен из лондонской тюрьмы Брикстон и смог оставить Англию, где провел последние десять лет своей эмигрантской жизни,— его обменяли на английского разведчика Брюса Локкарта. Максим Максимович собирался было ехать с первым рейсовым пароходом, но в стране свирепствовала инфлюэнца, заболел ею и маленький Миша — первенец Максима Максимовича. Пришлось повременить с отъездом. Это спасло Литвинову жизнь: пароход, которым он должен был ехать, подорвался на немецкой мине, и все пассажиры погибли.

После возвращения в Россию Литвинов был назначен членом коллегии Народного комиссариата по иностранным делам и сразу же по поручению Ленина выехал в Стокгольм.

Советским представителем в Швеции был тогда Вацлав Вацлавович Воровский. Полпредство стремилось

установить хорошие отношения с шведскими деловыми кругами, подготовить почву для размещения заказов на паровозы, турбины для гидростанций и другое оборудование. Дело продвигалось туго. Отношения со Швецией висели на волоске, каждый день из-за происков Антанты можно было ожидать полного разрыва с этой нейтральной страной. А тут еще вокруг посольства вертелись какие-то подозрительные личности. Царский генерал Иванов, темный делец Митька Рубинштейн, родственник сахарозаводчика Бродского, пытались выступать в роли посредников между полпредством и деловыми кругами, чтобы крупно заработать на этом.

Литвинов помог Воровскому избавиться от этой публики. Лишние люди были и в самом полпредстве — например, несколько месяцев там находился представитель морского флота, невесть зачем приехавший из Москвы. Он бездельничал, но аккуратно получал суточные. На новогоднем вечере Литвинов предложил тост за «сухопутного морского офицера», и тот сразу же уехал.

Литвинов должен был из Стокгольма обратиться ко всем странам Антанты с предложением о мире. 23 декабря он выполнил это поручение Владимира Ильича. Обращение получило большой отклик, но тем большую ярость оно вызвало в Лондоне и Париже. Там понимали, что каждый миролюбивый шаг Советской Республики привлекает к ней симпатии многомиллионных народных масс, уставших от войны. Провокации против советских дипломатов в Стокгольме стали еще более злобными. 30 января 1919 года Литвинов, Воровский и другие советские дипломаты покинули Стокгольм и в запломбированном вагоне выехали на Родину.

В Москве Литвинову пришлось заняться не только дипломатическими делами. Совнарком назначил его членом коллегии Народного комиссариата государственного контроля. Владимир Ильич знал Максима Максимовича по годам эмигрантской жизни в Женеве, в Цюрихе, когда тот заведовал хозяйством «Искры», а затем — всеми транспортными делами партии и в значительной степени ее финансами.

В начале 1919 года Литвинов участвовал в заседаниях Совнаркома, на которых часто председательство-

вал Владимир Ильич. Вопросы решались Советом Народных Комиссаров самые разные — о кооперации, о мерах борьбы с хищениями проволоки на улицах Москвы, о помощи русским военнопленным и их семьям, о засыпке семян в Кунгуре и причинах недовольства крестьян в этом районе, о борьбе со спекуляцией и сыпным тифом. Все это касалось государственного контроля, и Литвинов погрузился в круговорот событий и забот.

Наступила осень 1919 года. Деникин захватил Харьков, Орел и грозил Туле. Над Петроградом сгущались тучи. И вдруг появилась надежда, что хоть на каком-то клочке земли удастся достигнуть мира: эстонское правительство заявило о своей готовности начать мирные переговоры с Советской Россией. Совнарком назначил Литвинова главой делегации. Переговоры намечались в Пскове и Тарту и Максим Максимович собирался выехать туда вместе с Воровским, но Вацлав Вацлавович неожиданно заболел.

Накануне отъезда Литвинов написал Ленину записку: «Владимир Ильич, Воровский занемог и ехать не может... Вместо него поедет Красин, изъявивший на это свое полное согласие. Выезжаем завтра в 7 ч. вечера. Я счел нужным включить в мандат полномочие на подписание договора. Пусть знают, что у нас были серьезные намерения. Ваш М. Литвинов».

Однако у правительства буржуазной Эстонии «серьезных намерений» не было. Советская делегация прибыла в Псков, но началось наступление Юденича, и эстонцы прервали переговоры. Литвинов и Красин возвратились в Москву. Как раз в это время завершились переговоры с Керзоном, и Литвинову сообщили, что в ближайшее время он выедет со специальной миссией в Данию, где находились русские военнопленные.

Отъезд из Москвы был намечен на середину ноября. Пребывание в Дании могло затянуться, и Литвинов тщательно готовился, обсуждал с Чичериным все могущие возникнуть ситуации.

Решено было, что в Данию с Литвиновым отправятся сотрудницы Наркоминдела: Зарецкая, владевшая несколькими иностранными языками, имевшая большой

опыт секретарской работы и общения с иностранцами, и Миланова, молодая женщина с большим партийным стажем, прекрасно показавшая себя во время октябрьских боев в Ревеле, где она была членом ревкома. До Дерпта — так тогда называли Тарту — Литвинова должен был сопровождать Август Гансович Умблия, старый питерский рабочий, участник революции. Умблия был стрелком в охране Наркоминдела и секретарем бюро партийной ячейки Наркоминдела.

Накануне отъезда Литвинов вызвал к себе Миланову и Зарецкую. Внимательно оглядев их, спросил, в чем они поедут за границу. Женщины, пожав плечами, ответили, что весь их гардероб на них: на Милановой была кожаная куртка полувоенного образца, на Зарецкой — теплый жакет.

Предупреждая вопросы, Литвинов сказал, что денег нет и придется обойтись без пальто, а вот платья надо надеть широкие, с воланами.

— Почему широкие и почему с воланами?

— Так надо,— в обычной для него манере коротко сказал Литвинов.

— Какое отношение имеют воланы к революции?

— Это вы увидите. Через два часа я жду вас в этой комнате. Если нет платьев с воланами, попросите у кого-нибудь. Хотя бы одно.

Через два часа Миланова и Зарецкая снова были в кабинете Литвинова. Женщины стояли у окна, ожидая, что будет дальше.

В это время в кабинет Литвинова вошел бухгалтер Наркоминдела. В его руках была тарелка. Он шел, осторожно ступая, как бы боясь расплескать ее содержимое. Тарелка была прикрыта салфеткой.

Бухгалтер подошел к столу, поставил свою тарелку и сказал:

— Ну вот я и принес.

Женщины думали, что он принес что-нибудь вкусное, может быть тараньку. Словно завороженные, смотрели они на тарелку. Бухгалтер взял двумя пальцами салфетку и осторожно приподнял ее. И они разочарованно вскрикнули: в тарелке, сверкая острыми иглами лучей, лежали бриллианты.

Литвинов скупо пояснил:

— Денег у нас нет, а пленных выручать надо. За

эти камушки из царской казны мы получим наших людей. В Копенгагене через банк обменяем на валюту. Камушки зашьете в подол своих платьев и в воланы.

В тот же день вечером Максим Максимович отправился к Владимиру Ильичу.

В первые дни ноября над Россией нависли новые грозные события. Юденич продолжал наступать на Петроград, а Деникин все еще пытался прорваться к Туле. Но Владимир Ильич делал все возможное, чтобы отметить двухлетний юбилей революции,— выступил с большой речью на торжественном заседании, писал статьи. Ленин председательствовал на заседаниях Совнаркома, занимался вопросами снабжения уральских рабочих, решал множество других проблем. А тут еще Ленину сказали, что ценные картины под угрозой гибели. Он поставил этот вопрос на очередное заседание Совнаркома, написал проект постановления об обеспечении топливом Третьяковской галереи, библиотек и других культурно-просветительных учреждений.

И в этом огромном круговороте дел Владимир Ильич помнил о предстоящем отъезде Литвинова и вызвал его к себе.

Каждый раз, когда они виделись, в памяти возникали многочисленные встречи их в Женеве, Берне, Цюрихе, Лондоне, на съездах партии и на конгрессе II Интернационала в Штутгарте, где Ленин был главой, а Литвинов — секретарем делегации российских социал-демократов. Особенно знаменательной для Литвинова была встреча в библиотеке Куклина в предвоенном 1913 году, когда Ленин пригласил его из Лондона в Женеву, чтобы выслушать мнение о положении в английском рабочем движении и доклад о политической обстановке в Европе. Вскоре Литвинов был назначен представителем Российской социал-демократической рабочей партии и во II Интернационале, и между ним и Лениным завязалась переписка, уже не ослабевавшая до самой революции.

После возвращения Литвинова в Россию Владимир Ильич все собирался поподробнее расспросить его, выяснить вопросы, на которые не успел получить ответа

в письмах, но так и не выдавалось свободного времени.

Ленин и на этот раз только улыбнулся, давая этим понять, что нет, мол, времени и сегодня, но что они обязательно еще как-нибудь поговорят обо всем недоговоренном, и сразу же приступил к предстоящей поездке в Данию.

— Как только приедете в Копенгаген, разошлите мирные предложения Советского правительства во все посольства, аккредитованные в датской столице. Продолжайте ту же линию, какую вы проводили в Стокгольме. Пусть все знают, что мы хотим мира. А пленных выручите обязательно. Обязательно! Это будет наша внешняя и внутренняя победа.

После беседы с Владимиром Ильичем Литвинову передали два мандата: на ведение переговоров с государствами, отделившимися от России после Октябрьской революции, и на переговоры об обмене военнопленными.

На следующий день утром народный комиссар торговли Красин вручал Литвинову еще один мандат — на ведение торговых переговоров со всеми Скандинавскими странами. Вечером группа Литвинова выехала в Ревель. На границе его должен был встретить секретарь министерства иностранных дел Эстонии Томискас. Эстонское правительство предупредило, что, как только Литвинов приедет в Ревель, оно передаст советского дипломата английским властям и снимет с себя ответственность за его жизнь.

Старый вагон, дребезжа всеми винтиками, катил по Виндавской дороге. Из-за неисправного пути поезд часто останавливался. До Пскова тащились долго. Там делегатов из Москвы встретили эстонцы. Антанта блокировала западную границу Советской России, и буржуазная Эстония принимала участие в блокаде.

Теперь предстояло пересечь фронт. К дому, где остановился Литвинов, подъехал крытый грузовичок, напоминавший санитарную карету. Окна кузова были замазаны краской и заклеены темной бумагой. Литвинова и его спутников посадили в кузов, в шоферскую ка-

бину сели военные. Дверь наглухо закрыли, и машина тронулась.

Ехали по каким-то дорогам, через ухабы, рытвины. В Дерпте «узников» выпустили. Буржуазная пресса растрезвонила, что в Эстонию приезжает известный большевик Литвинов, который направляется через Ревель в Данию. На городской площади собралась толпа любопытных. По этому живому коридору Литвинов проехал в гостиницу.

В Дерпте Умблия попрощался со своими спутниками и уехал в Псков. Литвинов уточнил с представителями эстонского министерства иностранных дел вопрос обо всех дальнейших формальностях и в сопровождении дипломатов и жандармов отправился в Ревель.

Жандармы вели себя назойливо, не пускали Литвинова без присмотра даже в туалет. Пытались они так же «опекать» и сотрудниц Литвинова, но после устроенного ими скандала, недовольно ворча, отстали.

...Эстонская столица встретила Литвинова усиленным жандармским конвоем. В городе чувствовалась фронтовая обстановка. На внешнем рейде ощетинились пушками военные корабли. Невдалеке чернел стальными боками английский крейсер, на котором Литвинов должен был уехать в Копенгаген.

Переговоры с министерством иностранных дел о прекращении военных действий продолжались несколько дней. Министр и его чиновники все время напоминали, что не отвечают за жизнь советского дипломата. Каждую минуту можно было ожидать провокаций со стороны белогвардейцев, которыми кишела эстонская столица. Миланова выехала из Москвы с паспортом на имя Коробовкиной, но в Ревеле ее многие знали в лицо как члена ревкома, и это еще более осложняло ситуацию.

Как всегда, Литвинов придерживался строгого распорядка дня: вовремя завтракал, обедал и ужинал, попросил секретаря министерства иностранных дел, чтобы тот показал его сотрудницам город, осмотрел Ревель сам.

Через три дня группу Литвинова переправили на крейсер и передали английскому командованию. Встречавший советских дипломатов офицер был сух и официален. Показал отведенную Литвинову каюту, сказал, что женщины будут находиться в другом конце крейсера. Предупредил, что с командой разговаривать запрещено. И ушел.

Крейсер развернулся, прошел сквозь строй блокирующих кораблей и взял курс на Копенгаген. Шел дождь. Балтика гнала волны. Сумрачный осенний день опрокинулся над морем. Крейсер казался вымершим. На палубе ни души. Матросов загнали в кубрики.

Вечером к Литвинову зашел офицер, увел Миланову и Зарецкую в другой конец крейсера. Они шли по качающейся палубе мимо орудий, ящиков, путаясь в закоулках, с ужасом думая, что какой-нибудь бриллиант протрет ткань и покатится по палубе.

Каюта показалась им чуть ли не камерой смертников. Они сидели молча, не выдержали, вернулись к Литвинову. Потом все-таки пришлось идти к себе. Прошла ночь. И снова настал день. Палуба по-прежнему казалась вымершей. Лишь по углам маячили офицеры, бдительно следя за тем, чтобы матросы не выходили из кубриков.

К вечеру показались огни Мальме. Это была Швеция.

На третьи сутки крейсер прибыл в Копенгаген.

Тихий, чинный, благополучный Копенгаген дышал покоем. Война бушевала где-то там, в Европе. Нейтральная Дания торговала беконом, продавала его и странам Антанты и Германии, тихонько наживалась на этом. Правда, ландшафт Дании несколько портили своим убогим видом русские пленные, но ведь они были не в Копенгагене, а на фермах, в лагерях, пересыльных пунктах...

На пристани Литвинова уже поджидали шпики. Их было семеро, все мордастые, розовощекие, в одинаковых костюмах и шляпах, со стеками и без стеков. Эта «великолепная семерка», словно тень, двигалась за Литвиновым и его сотрудницами все десять месяцев их пребывания в Дании.

Поселился Литвинов в гостинице на пятом этаже,

куда лифт не ходил. Это стоило дешевле. Литвинов поручил Зарецкой вести книгу расходов, ежедневно записывать, сколько и на что истрачено.

Первый же час на датской земле ознаменовался скандалом. В отеле распространился слух, что из России прибыли большевики. Богатые фермеры-свиноводы, приехавшие вместе со своими дородными подругами в столицу повеселиться, немедленно покинули свои номера. Хозяин отеля был в панике, сказал, что его разорили, но выселить советского дипломата не решился. Литвинов все же находился под опекой министерства иностранных дел.

Неприятности первого дня на этом не кончились. Перед гостиницей появились пикеты хулиганствующих белогвардейцев. Они горланили, пытались ворваться в отель. Датские коммунисты установили здесь дежурство, взяли на себя охрану жизни и неприкосновенности группы Литвинова.

Постепенно к «семерке» привыкли. Литвинов смотрел на них с иронической улыбкой. Они совсем не были похожи на тех, кто до того двадцать лет подряд охотился за ним по всей Европе. Литвинов начал «приручать» их. Как-то ему срочно понадобился автомобиль. Он повернулся к одному из шпиков и приказал ему вызвать такси. Тот моментально выполнил поручение.

Миланова и Зарецкая имели «своих» шпиков. Те не надоедали им, следовали на почтительном расстоянии. Женщины впервые попали в Копенгаген, не знали города. Миланова как-то подозвала шпика и сказала ему:

— Чем следовать за нами без дела, лучше покажите город.

Тот охотно согласился, водил своих «подопечных» по Копенгагену. Когда вернулись к гостинице — отстал.

Литвинов не заявлял протеста по поводу усиленной слежки. Но полицей-президент сам приехал к советскому дипломату, извинился, стал уверять, что его сотрудники, мол, отнюдь не следят за Литвиновым, а... охраняют его от белогвардейцев.

Пребывание Литвинова в Копенгагене вызвало большие отклики в прессе. Датские газеты печатали разные небылицы, явно инспирируемые из Лондона, распускали дикие слухи о положении в Советской России. В рес-

торан при гостинице, где бывал Литвинов и его сотрудницы, зачастили посетители, которые лорнировали советских женщин, о чем-то оживленно переговаривались. К официанту, обслуживавшему соседние столики, то и дело подходили какие-то люди, и тот, указывая на русских, охотно пояснял:

— Да, да, это и есть две национализированные женщины...

Официант на этом подрабатывал. Миланова решила проучить его: в очередные «смотрины» публично отчитала его. Притом на хорошем датском языке. «Экскурсии» прекратились.

А в недрах датского общества уже зрели симпатии к Советской России. Под влиянием Октябрьской революции в стране все громче заявляла о своей деятельности Социалистическая рабочая партия Дании. Один из ее представителей особенно настойчиво искал встречи с Литвиновым. Этим человеком был не кто иной, как... Мартин Андерсен Нексе.

Еще 27 ноября 1919 года датская газета «Политике» сообщила, что большевистский дипломат и политический деятель Максим Литвинов прибыл в Данию вести переговоры о возобновлении нормальных дипломатических отношений. Передавали, как утверждала газета, что Мартин Андерсен Нексе напрасно прождал несколько часов в ожидании приема у Литвинова. Но от Мартина Андерсена Нексе не так легко отделаться, отметила газета. Он вернулся к себе домой в Эспергерде и написал следующее письмо, которое приводится по сохранившемуся рукописному черновику:

«Гриет Эспергерде, четверг,
27 ноября 1919 года.

Дорогой и многоуважаемый господин Литвинов!

Я был вчера после обеда между 3 и 4 часами у Вас в Туристотеле, чтобы приветствовать Вас, но мне сказали, что Вас нет дома. Я хочу навестить Вас по двум причинам. Во-первых, хочу от своего имени и от имени революционных датских рабочих выразить глубокое восхищение тем, что... товарищи в России совершили для всех нас... Затем я хочу предоставить свои творческие труды в распоряжение Советской России. Мне это доставит большую радость, если Советская Россия, которую я люблю, как свою подлинную родину, в своей замечатель-

ной деятельности для всего человечества сможет воспользоваться и моими какими-нибудь работами.

Если Вы найдете это возможным, то я охотно навещу Вас в любой день. В таком случае, прошу указать день и час. Если это невозможно, то прошу передать братский привет русским рабочим.

С глубоким уважением
Мартин Андерсен Нексе».

Лишь через много лет стали известны подробности всей этой истории. Мартин Андерсен Нексе явился к Литвинову в тот день, когда вновь под окном гостиницы, в которой жил Литвинов, бушевала группка белогвардейцев. Литвинов сказал сотрудникам, чтобы они никого не принимали, а если к нему кто-либо явится и это будет не представитель датского министерства иностранных дел, то не принимать и сказать, что его, Литвинова, нет в отеле. А кто такой Мартин Андерсен Нексе, сотрудницы Литвинова просто не знали. Писатель отправился домой.

Через два дня Литвинов получил письмо Нексе, сразу же ответил ему, а затем состоялась их встреча в «Туристотеле». Литвинов не оставил записи об этой встрече, но рассказал о ней Милановой и Зарецкой. Известно доподлинно и следующее: в те дни Социалистическая рабочая партия Дании была признана Коммунистическим Интернационалом и реально стала существовать как член Коминтерна.

Методично и настойчиво Литвинов шел к цели, ради которой приехал в Данию: по совету Владимира Ильича он разослал во все посольства, аккредитованные в датской столице, предложения Советского правительства о мире.

В Копенгагене эти послания также старались замолчать, но теперь высылки, как это было в Стокгольме, не последовало, а слух о мирной акции Советов все же начал распространяться по стране. Первыми зашевелились представители торговых кругов...

Литвинов изучал обстановку в стране и соседних скандинавских столицах, искал контактов с промышленниками и дипломатами, собирал информацию о русских пленных. Газеты давали богатый материал. Мила-

нова и Зарецкая помогали составлять для Москвы ежедневные обзоры прессы.

Отношения с датским министерством иностранных дел на первых порах установились корректные. Но вопрос решали не датчане, а англичане. В Копенгаген прибыл О'Греди, лейборист, член парламента, старый опытный профсоюзный босс, и 25 ноября начались переговоры.

О'Греди считался знатоком России. Вероятно, на том основании, что сразу же после Февральской революции вместе с Артуром Гендерсоном, секретарем лейбористской партии, прибыл в Петроград подбодрить Керенского и заставить истекающую кровью Россию продолжать войну.

Внешне О'Греди являл собой тип чрезвычайно добродушного человека. Выше среднего роста, необычайно полный, он был неизменно любезен, подчеркивал стремление к взаимопониманию. Только один раз скороговоркой заметил, что трудно найти общий язык со страной, которая-де уничтожила венценосную особу. Литвинов ответил, что, если ему память не изменяет, в Англии дважды катились с плахи головы венценосных особ... О'Греди переменил тему разговора, потонул в клубах сигарного дыма.

На переговорах вместе с О'Греди почти все время присутствовал маленький плюгавый человек, сотрудник Скотланд-ярда. Числился он секретарем ирландца. Никогда не улыбался.

Переговоры шли медленно. О'Греди то и дело предлагал новый вариант обмена. Англия продолжала задерживать угнанных гражданских лиц и военнопленных. Литвинов с железным терпением повторял советские требования: все военнопленные и гражданские лица должны быть освобождены и отправлены в Россию, Антанта должна снять свой запрет на отправку их из Германии.

Каждые день-два ирландец прерывал переговоры. Запрашивал инструкции из Лондона. Литвинов выжидал. Поступался мелочами, настаивал на главном: все военнопленные и гражданские лица должны быть освобождены. О'Греди торговался:

— Вы нам даете двоих, мы вам — одного.

— Почему?

— Не все ваши хотят возвратиться в Россию.

Литвинов требовал встречи с теми, кто не хочет возвратиться. О'Греди говорил, что разрешение на свободное свидание он якобы не может дать: это, мол, выходит за рамки его компетенции.

В начале декабря О'Греди, предъявив жесткие требования, крайне невыгодные России, прозрачно намекнул, что, если Литвинов не подпишет соглашения, переговоры будут прерваны. Литвинов знал, в чем дело. Судьба военнопленных решалась под Петроградом. Там решалась в те дни судьба Октябрьской революции. Под Петроградом шли ожесточенные бои с армией Юденича, появились английские танки, стреляли английские пушки.

Литвинов ответил, что должен все взвесить, запросить свое правительство. Все его шифровки отправлялись через датскую радиостанцию. И тогда Литвинову неожиданно сообщили, что радиостанцией он дальше пользоваться не сможет.

О'Греди продолжал настаивать на немедленном подписании соглашения. Литвинов начал заново обсуждать все пункты соглашения: первый, второй, третий; неизменно возвращался к первому пункту, доказывал, что он неприемлем для Советской России.

О'Греди все больше нервничал, требовал немедленно подписать соглашение. Литвинов вручил ему заготовленный пакет.

— Что это? — спросил удивленный ирландец.

— Предложения Советской России о торговле с Англией,— ответил Литвинов.— Мы готовы покупать у вас товары. Платить будем золотом.

О'Греди растерялся, сказал, что должен изучить эти предложения.

Через три дня состоялась очередная встреча. О'Греди возвратил пакет нераспечатанным — таков был приказ Керзона. Он сказал, что прерывает переговоры и уезжает в Англию.

Но Литвинов выиграл еще семьдесят два часа.

В один из декабрьских вечеров маленькая советская колония, как обычно, ужинала в ресторане. Шведский бизнесмен, вежливо раскланивавшийся с Литвиновым, принес сенсационную новость: красные разгромили Юденича под Петроградом. На следующий день бульварная копенгагенская газета поместила заметку. Утверждалось, что Коробовкина подписала на фронте

под Петроградом так много смертных приговоров, что у нее отнялась рука. Автором заметки был шведский журналист, сидевший накануне вечером за соседним столиком.

Победа красных под Петроградом громом отозвалась во всей Европе.

О'Греди не уехал в Англию, возобновил переговоры. Больше того, стал сверх всякой меры вежлив. О, он не сомневался в том, что нельзя столь долго не считаться с такой великой страной, как Россия, даже если она называется Советской Республикой. Секретарь ирландца отсутствовал — заболел. Датское министерство иностранных дел сообщило Литвинову, что он может по-прежнему пользоваться радиостанцией — запрета, оказывается, вообще не было, а чиновник, повинный в этой «ошибке», наказан.

После разгрома Юденича лопнула блокада. Верховный совет Антанты начал выказывать признаки благоразумия, признал желательным начать торговлю с Россией. Даже Керзон стал понимать, что другие страны могут опередить Англию. Окончательный разгром Деникина и изгнание англичан с Кавказа еще больше отрезвило «твердолобых», а успешное наступление армии Михаила Васильевича Фрунзе на Врангеля и вовсе вызвало в английском министерстве иностранных дел панику. Керзон, совершенно потеряв голову, радировал в Москву Чичерину, что требует прекращения операций против барона. Чичерин ответил, что не может вмешиваться в деятельность Фрунзе, в свою очередь предложил, чтобы в Лондоне лучше подумали о том, как поспособствовать освобождению венгерских революционеров, которых убивает венгерская реакция. Москва предложила немедленно послать Литвинова в Лондон для ведения переговоров по всем основным проблемам, возникшим между Советской Россией и Англией.

В Лондоне отказались принять Литвинова. Дело заключалось не столько в том, что он был вчерашним арестантом, ведь на дверях его камеры в тюрьме Брикстон висела многозначительная табличка: «Пленник Его Величества». Но на Даунинг-стрит не могли забыть, что в 1918 году в Лондоне двумя изданиями вышла книга

Литвинова «Большевистская революция», которую он закончил словами: «Да здравствует триумфальное шествие социализма и славный Красный Флаг, поднятый Лениным 7 ноября!»

— Кого же вы желаете принять, если отказываетесь от Литвинова? — запросила Москва.

Ответ Лондона был кратким: с большевиками дела иметь не желаем, однако торговать с Россией готовы.

Когда Чичерин доложил об этом Ленину, Владимир Ильич усмехнулся, посоветовал запросить Лондон, готовы ли там вести переговоры с неправительственной делегацией России. Ответ пришел быстро: Англия согласна вести переговоры с неправительственной делегацией России, например с русскими кооперативами.

В тот день в Кремле и в здании Наркоминдела в «Метрополе» формировалась делегация Центросоюза во главе с Л. Б. Красиным. Литвинову телеграфировали в Копенгаген, что он назначен членом делегации и может начать переговоры с представителями Верховного совета Антанты, которые находятся в датской столице.

Литвинов был связан с Москвой тоненькой ниточкой — телеграммами, которые примитивным цифровым шифром кодировала Миланова. Он знал, как трудно там, в Кремле, какие титанические усилия предпринимают Владимир Ильич и его соратники, вчерашние подпольщики и большевики-эмигранты, вошедшие теперь в Советское правительство, в сущности, не имеющие за плечами никакого опыта государственной деятельности. И тем не менее из Копенгагена Литвинов особенно ясно видел, как гениальные ходы Ленина путают карты мощных и сильных противников, заставляют отступать и Лондон, и Париж, и всю Европу с ее умудренными опытом столетий дипломатами и министрами.

Но Литвинов понимал, что борьба только-только начинается, что она будет идти всюду и везде, что предстоят еще долгие и жестокие битвы — теперь уже не на одних лишь полях сражений, но и в кабинетах дипломатов. И впереди не только победы, но много трудностей и, может быть, поражений.

После победы красных под Питером Англия не отказалась от мысли задержать отправку военнопленных в Россию. О'Греди вдруг снова прервал переговоры, но тем энергичнее продолжал действовать представитель Скотланд-ярда. К Литвинову стали подсылать провокаторов. Как-то днем к нему в гостиницу пришел купец, назвался представителем мебельной фирмы, просил сообщить интересующие его сведения о Советской России. Потом появился человек в матросской форме. Этот требовал снабдить его революционной литературой, действовал и вовсе примитивно, нагло. Литвинов не стал с ним разговаривать, попросил убраться. Потом из Стокгольма пришла телеграмма весьма загадочного свойства. В ней было всего два слова: «Еппе коммер». Литвинов никак не мог понять, почему к нему из Стокгольма едет какой-то Еппе. А через несколько дней в гостиницу ввалился человек в балахоне и отрекомендовался шведским журналистом. Сказал, что по дороге с вокзала в гостиницу три раза переодевался, чтобы сбить с толку полицейских шпиков. Литвинов прогнал и этого.

Секретарь О'Греди был тесно связан с датской полицией. «Великолепная семерка» получила пополнение, в вестибюле и на этаже появились новые филеры. Хозяин отеля пришел в ярость, сказал, что Литвинов подрывает уважение к его гостинице и порядочные люди перестанут здесь останавливаться, возвратил внесенный Литвиновым аванс и потребовал немедленного выезда.

О'Греди демонстрировал возмущение — конечно, он попытается помочь Литвинову! По соглашению с ирландцем Литвинов снял помещение в загородном отеле, но датское правительство запретило там расположиться. Пришлось Литвинову и его сотрудницам поселиться в захудалой гостинице. Но и там мельтешили какие-то подозрительные личности. Литвинов опасался провокаций и даже открытого нападения.

Снова помогли датские коммунисты. На этаже, где жил Литвинов, они установили круглосуточное дежурство.

Наконец, датские власти разрешили Литвинову поселиться в загородном отеле. Ирландец выразил надежду, что не позже 30 января соглашение будет подпи-

сано; договорились на следующий день встретиться для обсуждения некоторых формальностей.

Однако встреча не состоялась. Секретарь сообщил Литвинову, что О'Греди внезапно выехал в Лондон. У него неладно с печенью, и возникла срочная необходимость посоветоваться с личным врачом.

Переговоры грозили затянуться. Литвинов распутывал интриги английской дипломатии, искал выхода. Хотел немедленно связаться с Москвой, но Миланова молча протянула ему шифрованную телеграмму от Дзержинского из Москвы. Феликс Эдмундович сообщал, что советский шифр между Копенгагеном, Берлином, еще одной европейской столицей и Москвой раскрыт. Просил подтвердить, что Литвинов ручается за своих сотрудниц.

Прочитав телеграмму, Литвинов побагровел, потом кровь отхлынула, и лицо его стало пепельно-серым. Молча написал на листке бумаги одно слово: «Ручаюсь!» Сказал Милановой:

— Немедленно передайте Феликсу Эдмундовичу.

Позже сообщил Дзержинскому свое мнение о провале шифра: в Лондоне находится царский генерал, бывший начальник шифровального отдела министерства иностранных дел. Возможно, это его работа.

Через две недели из Лондона вернулся О'Греди. В любезном тоне заявил, что английское правительство не может принять советские условия обмена военнопленными и выдвигает новые требования. «В затяжке переговоров,— заявил О'Греди,— виновато Советское правительство».

Литвинов шифрованной телеграммой попросил у Чичерина немедленного демарша перед английским правительством.

10 февраля Чичерин передал в Лондон Керзону радиотелеграмму: «Советское правительство... энергично протестует против утверждения, что переговоры затянулись по вине Советского правительства. В действительности условия Советского правительства были формулированы нашим делегатом с самого начала, и в течение всех переговоров он не предъявлял новых требований. Напротив, многие первоначальные требования

Советского правительства были взяты обратно или сокращены... С другой стороны, полномочия г. О'Греди были настолько ограничены, что он должен был обращаться по поводу всякой мелочи в Лондон и ждал ответов и новых инструкций иногда в течение нескольких недель... Таким образом, вся ответственность за замедление соглашения падает на английское правительство».

Телеграмма Чичерина произвела впечатление. О'Греди уже больше не жаловался на печень и не покидал Копенгагена. 12 февраля 1920 года Литвинов и О'Греди подписали соглашение об обмене военнопленными. Литвинов заставил О'Греди принять условие, что Англия перевезет их в Петроград на своих судах.

В марте 1920 года из Англии был отправлен первый пароход с военнопленными, которых английское командование захватило в Архангельской, Вологодской и других губерниях на севере России. Англия спешила вызволить своих летчиков и старших офицеров, выходцев из аристократических семей, оказавшихся в советском плену, и обменять их на заложников.

О том, что пережили эти люди в Англии и как их отправили на Родину, через десятилетия рассказал Иван Степанович Кривенко, бывший командир Вашко-Мезенского полка, член КПСС с апреля 1917 года. Вот его рассказ:

«Продержали нас что-то около восьми месяцев. За все это время только один раз нам всем выдали по одной открытке и разрешили написать домой. Я написал отцу с матерью, что нахожусь в Англии, в плену, что жив и здоров.

Газет нам не давали никаких. Мы ничего не знали о своей стране, о нашей Советской власти и тяжело переносили эту оторванность.

Обсудив наше положение, мы решили объявить голодовку, если нам не будут давать газеты и не улучшат питание. Голодали день, два, три и четыре. Лежали, не вставая. Начальство на уступки не шло.

На четвертый день пришел в барак сержант из охраны, немного говоривший по-русски.

— Вас, господин Кривенко, вызывает комендант лагеря по срочному делу.

Помог мне встать и выйти из барака.

— Ну что, голодать перестанете? — спросил меня комендант.

— Дайте газеты, улучшите питание.

— Вам всем сегодня выдадут паек, причитающийся за все дни голодовки, но посмотрите, чтобы ваши люди не объелись. Завтра утром вы поедете в Россию. Происходит обмен заложниками.

При такой вести у меня откуда и силы взялись! Побежал в барак и объявил товарищам:

— Товарищи! Друзья! Скоро домой!

Радости не было предела, кричали без конца:

— Ура! Домой! Нас не забыли! Домой! Домой!

Собрали партбюро. Партийцев обязали следить, чтобы после голодания ослабевшие не ели сразу помногу, не заболели.

Через два дня мы шагали в Ньюкасл. Оттуда по железной дороге нас вывезли в Портсмут.

Был март 1920 года. В английских газетах «Таймс» и «Дейли мейл» за 11 и 12 марта были помещены фотографии отправки на родину заложников. Эти снимки мы видели, когда ждали корабль в Портсмуте.

— В Портсмуте нас погрузили в трюм парохода и повезли в Данию. По прибытии в Копенгаген пароход стал на рейд. Нам всем хотелось посмотреть хотя бы издали на город, но из трюма ничего не было видно, а выход из него был строго воспрещен. Двое наших товарищей, все же осмелившихся подняться на палубу, были за это посажены в карцер.

На рейде Копенгагена простояли несколько часов. Потом меня вызвали наверх, в салон-каюту.

За столом сидели двое: один плотный, лет сорока с небольшим, с простым рабочим лицом, другой — несколько старше.

Первый мужчина встал, отрекомендовался:

— Литвинов.

Другой кивнул головой. Это был англичанин О'Греди.

Максим Максимович Литвинов предложил мне сесть и спросил:

— Как вас содержали?

Я ответил коротко. Жаловаться не стал.

— Будет обмен заложниками,— сообщил Максим

Максимович.— Мы уже договорились по всем вопросам с мистером О'Греди.

Меня пригласили к столу. На тарелках лежали бананы. Я, признаться, не знал тогда, что это такое и как их едят. Чтобы не попасть в неудобное положение, я поблагодарил и отказался, сославшись на то, что только позавтракал.

Всем заложникам разрешили выйти на палубу. Перед нами выступил с речью Литвинов. Он сказал, что Советская Россия жива, крепнет и ждет своих сынов. Выступил с ответом и я. Поблагодарил Советскую власть за заботу о нас. После этого М. М. Литвинов уехал, оставив нам по моей просьбе пять долларов на сигареты.

Пароход с заложниками из Копенгагена отправился в Либаву (ныне Лиепая). Из Либавы мы проследовали поездом в Ригу, а оттуда в Себеж».

Наступила весна. На бульварах Копенгагена распустилась сирень. Город выглядел еще более мирным, чистым, благополучным.

Литвинов снова жил в центре города. Дни были заполнены заботами, поездками, встречами с О'Греди и другими дипломатами. Соглашение уже подписали, уже отбыл в Россию первый пароход, но до массовой отправки военнопленных в Россию было еще далеко. Предстояло еще разрешить много формальностей, собрать пленных близ Копенгагена, накормить их, снабдить продовольствием на дорогу.

В остальном жизнь текла по-прежнему. Зарецкая вела книгу расходов, записывала в нее каждый истраченный эре. Питались скромно. Как-то Литвинов опоздал к обеду. Зарецкая в его отсутствие позволила себе неслыханную роскошь — заказала устрицы, что грозило серьезным нарушением дневного бюджета. В это время пришел Литвинов. Молча сел за стол, к концу обеда сказал:

— Между прочим, соленые огурцы вкуснее.

Миланова и Зарецкая решили взять «реванш». Ужин иногда заказывался заранее. Как-то вечером, когда все трое сели за стол, женщинам подали две порции устриц. Литвинову на изящном блюдце принесли соленый огу-

рец. Женщины ели молча. Литвинов, наклонившись над тарелкой, что-то тихонько пробормотал, взял нож, нарезал тонкими ломтиками огурец.

Ужин прошел в молчании. Потом все трое переглянулись и захохотали. Публика за соседними столиками с изумлением посмотрела на «этих русских». Какая-то дама громко сказала:

— Шокинг!

Изредка Литвинов разрешал нарушать бюджет, не мог устоять перед желанием побывать в концерте, на балете. Договорились, что ходить будут по очереди, чтобы не оставлять чемоданы без присмотра. Как-то Миланова и Зарецкая отпросились на концерт симфонической музыки. «Дежурить» должен был Литвинов, но не выдержал, приехал в театр, сидел как на иголках, ворчал: «Мы здесь наслаждаемся музыкой, а там роются в наших чемоданах...»

В середине апреля 1920 года из Москвы в Копенгаген приехала делегация Центросоюза. Л. Б. Красин прибыл с женой и детьми. Предполагалось, что из Копенгагена он отправится в Лондон, продолжит переговоры с Англией и, если обстановка будет благоприятствовать, останется на длительное время. Вместе с Красиным приехал Виктор Павлович Ногин, советники и технический персонал. Делегация выглядела внушительно.

Красин вместе с Литвиновым начали переговоры с представителями Верховного совета Антанты. Чувствовалось, что Литвинов подготовил хорошую почву для диалога по дипломатическим и экономическим вопросам. Это очень радовало Красина.

Делегация Центросоюза поселилась в том же отеле, что и Литвинов. Красин с присущей его натуре широтой занял самые дорогие апартаменты на втором этаже.

Литвинов был недоволен, но сдерживал себя, а оставшись с Красиным наедине, все же зло спросил его:

— На какие деньги, Леонид Борисович, изволите жить в дорогих номерах?

Красин онемел от неожиданности, а потом пробормотал что-то по поводу необходимости поддерживать престиж Советской России, но обиду затаил и пожаловался Зарецкой:

— Ну и жила ваш Литвинов.

Жалоба Красина попала на благодатную почву. Уже полгода находился Литвинов со своими сотрудницами в Копенгагене. В его распоряжении были сотни тысяч, но он и его сотрудницы заработной платы не получали. Он предупредил их об этом перед отъездом из Москвы, сказал, что питание и оплата гостиницы — это все, на что они могут рассчитывать.

Когда наступила весна, Зарецкая робко намекнула Литвинову, что недурно, дескать, купить ей и Милановой макинтоши, одеты они так, что совестно перед людьми, да и внимание на них все обращают. Литвинов, пресекая дальнейшие разговоры, спросил, сколько стоит макинтош. Узнав цену, нахмурился, что-то пробурчал себе под нос, сказал, что подумает

Он говорил часто: экономить надо. На заре своей революционной деятельности, в 1903 году, в письме к болгарскому писателю Георгию Бакалову в Варну он гневался, что представитель «Искры» на Балканах Георгиев не переслал в редакцию «Искры» деньги за пятнадцать экземпляров газеты. Это не по-коммерчески и не по-товарищески,— писал Литвинов и просил Бакалова воздействовать на неаккуратного плательщика.

Делегация в Копенгагене жила экономно, учитывая каждый эре. А женщины были молоды, красивы, им хотелось получше одеться. купить себе какую-нибудь безделицу.

Еще до приезда Красина в Копенгаген женщинам надоело жить «в кабале». Посоветовавшись с Зарецкой, Миланова послала телеграмму Чичерину, рассказала, что Литвинов не дает им ни гроша на личные расходы. Георгий Васильевич собрал специальное совещание, чтобы решить вопрос, как помочь «несчастным девушкам». Зная Литвинова, Чичерин понимал, что никакие приказы не заставят его раскошелиться, и решил прибегнуть к хитрости: дал телеграмму, в которой просил Литвинова выделить деньги на покупку ботинок для него, Чичерина, а Милановой сообщил, чтобы они израсходовали эти деньги на себя.

Когда Миланова прочитала первую часть телеграммы, предусмотрительно скрыв от Литвинова ее последние строки, тот подозрительно посмотрел на нее, что-

то пробурчал себе под нос и сказал, что... купит ботинки Чичерину сам.

Переговоры с представителями Антанты в Копенгагене шли успешно. Красин еще до приезда в датскую столицу обсудил со шведскими деловыми кругами вопросы экономического сотрудничества Швеции и Советской России. Шведы трезво оценили создавшуюся в мире ситуацию, поняли, что новый политический режим в России прочен, а торговля с ним — выгодна. Советская Республика внесла в Шведский банк двадцать пять миллионов крон золотом. Банк открыл кредит на сто миллионов крон, и на эту сумму Россия начала закупать в Швеции необходимые товары. Красин подписал договор о поставке России тысячи паровозов, в которых крайне нуждался ее разрушенный железнодорожный транспорт.

Подписан был в Копенгагене и договор со Шведским торгово-промышленным синдикатом, и в конце мая 1920 года Красин вместе со всеми своими сотрудниками уехал в Лондон.

Незадолго до этого из английской столицы в Копенгаген прибыла жена Литвинова с маленьким Мишей (а затем привезли Таню). В документах значилось, что подательница сего «жена политического эмигранта, с сыном и дочерью отправляются в Россию, к месту постоянного жительства».

О приезде семьи Литвинова, разумеется, узнал О'Греди. Был поражен, спросил Максима Максимовича, верно ли, что его жена покинула Англию и едет с детьми в Россию. Литвинов ответил утвердительно.

— Надолго? — спросил О'Греди.

— Навсегда,— ответил Литвинов.

Приезд семьи не изменил образа жизни Максима Максимовича. На пятом этаже не было семейных номеров, и пришлось переселиться на четвертый, куда по крайней мере доходил лифт. А остальное все осталось по прежнему. Зарецкая так же вела книгу расходов: столько-то эре заплачено за фунт селедки и столько-то за обед в столовой или ресторане.

Наконец, с О'Греди договорились, что с начала осени будут отправлять в Россию русских солдат из континентальной Европы.

После подписания соглашения с О'Греди Сканди-

навские страны, Австрия, Венгрия, Швейцария, Бельгия, Италия, Франция согласились отпустить всех русских военнопленных.

Но дел было еще много. Литвинов как уполномоченный Совет Народных Комиссаров продолжал переговоры с представителями Верховного совета Антанты по политическим и экономическим вопросам. За все эти месяцы Максим Максимович установил контакты с датскими и другими европейскими фирмами, покупал и отправлял в Россию все, что мог, искал, где что подешевле и повыгоднее.

26 августа 1920 года Литвинов послал в Москву Чичерину следующую телеграмму: «Я до сих пор отклонял предложения на обувь приходится вновь запрашивать. Средняя цена тридцать-сорок крон. Из Италии предлагают сто тысяч военных ботинок по сорок лир. Оттуда же предлагают фланелевые рубахи по девятнадцать лир, рабочие костюмы по шестнадцать и штаны по четырнадцать, шинели по шестьдесят пять лир. Далее можно иметь там же сравнительно невысокой цене несколько сот аэропланов, до четырех сот грузовиков пять бывших в употреблении, но в хорошем состоянии. Нельзя ли предлагать Италии нефть в Батуме. В Триесте нам удалось захватить полторы тысячи тонн меди, отправленные Центросоюзом из Владивостока Литвинов».

Эту телеграмму Г. В. Чичерин доложил В. И. Ленину. Владимир Ильич подчеркнул слова «сто тысяч военных ботинок», «шинели», «несколько сот аэропланов, «до четырех сот грузовиков». Отметил что все это «архиважно», что предложения Литвинова надо немедленно обсудить с заместителем наркома внешней торговли Лежавой и ни в коем случае не прозевать товары.

Все закупленное Литвиновым пароходами и поездами доставлялось в Советскую Россию. Забот все прибавлялось и прибавлялось. Надо было обсудить вопросы будущего торгового обмена с французами. Добиться от датской фирмы «Г. Иенсен и К°» выполнения договора о поставке семян, заключенного советскими организациями еще в ноябре 1918 года. Представители шведских кругов в Копенгагене интересовались, будет ли установлена линия воздушного сообщения между Стокгольмом и Москвой через Петроград. Норвежцы допытыва-

лись, намерена ли Россия покупать сельдь; заезжие дипломаты зондировали почву насчет концессий в России.

Все надо было согласовать, на все вопросы ответить. Литвинов целые дни проводил в разъездах, сопровождаемый шпиками. Похудевшие и осунувшиеся, они носились за ним, проклиная свою беспокойную службу, моля всевышнего, чтобы советский дипломат, наконец, оставил тихий и благополучный Копенгаген.

В сентябре из Англии пришел первый пароход за военнопленными в Данию. Литвинов вместе с представителями датского и немецкого Красного Креста выехал в лагерь под Копенгагеном, где находились русские солдаты. Немец доктор Биттнер руководил отправкой военнопленных в гавань. Изможденные, исхудалые, оборванные, но счастливые от предстоящего отъезда на Родину, они ринулись на пароход, заполнили каюты, трюм. На палубу поднялись Литвинов, Миланова, Зарецкая, члены датской и германской миссии Красного Креста, дипломаты. Слева на борту расположился Л. Шацкин, генеральный секретарь КИМ, вынужденный уехать из Германии, где начался разгул белого террора. Корреспондент копенгагенской газеты сфотографировал всю эту группу.

Наступила минута отплытия. Солдаты высыпали на палубу, прильнули к иллюминаторам. Они не знали тонкостей битвы, которая десять месяцев шла за «круглым столом» дипломатов. Но они понимали, что эту битву выиграла их страна, еще неведомая им Советская Россия.

Наконец, пароход дал сигнал, оторвался от причала, развернулся и взял курс на Петроград, на Россию.

ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ АНДРЕЯ ЧУМАКА

— То, о чем вы сообщили мне, очень интересно. Если нетрудно, расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с генералом Грейвсом.

...За окном бурная московская весна, на улицах толпы людей. Все сверкает и радует глаз, а мы все дальше уходим в прошлое, погружаемся в мир поразительных и сложных событий.

С биографией американского генерала Грейвса я знаком. Он командовал экспедиционным корпусом, который в 1918 году был послан президентом Вудро Вильсоном на Дальний Восток, чтобы задушить русскую революцию. Разгадав подлинные цели интервенции, Грейвс рекомендовал вывести американские войска из Сибири и Дальнего Востока. Это вызвало переполох в реакционных кругах Америки, и генералу не сразу разрешили вернуться на родину; его долго «выдерживали» на Филиппинах. В 1931 году Грейвс издал книгу «Американская авантюра в Сибири». Она была с интересом и сочувствием встречена прогрессивными кругами США, которые всегда считали, что обеим сторонам необходимо сотрудничество, а не конфронтация. В 1940 году Грейвс скончался.

Мой собеседник задумался, и я снова спросил его:

— Вы хорошо знали генерала Вильяма Грейвса?

— Да,— ответил он.

— Сколько лет вам было тогда?

— Семнадцать.

— А долго вы находились на Дальнем Востоке?

— Около двух лет.

— Генерал Грейвс знал, кто вы?

— Нет. Но мы с ним оба жили в Чикаго.

— Как же вы там оказались?

По лицу моего собеседника прошла легкая тень, оно посуровело, и чуть изменившимся, глуховатым голосом он сказал:

— На этот вопрос ответит история жизни моего отца, Андрея Кондратьевича Чумака.

С Александром Андреевичем Чумаком я знаком давно: он был в свое время на дипломатической работе, выполнял поручения Чичерина и Литвинова. Его жизнь изобиловала сложными перипетиями. Но то, что я узнал теперь, во время многочасовых бесед с ним, меня не просто удивило, а глубоко заинтересовало. То и дело всплывали самые неожиданные имена: Джек Лондон, Павел Петрович Постышев, Тим Бак, Александра Михайловна Коллонтай, Билл Хейвуд...

— Ваш отец был знаком с Джеком Лондоном?

— Да, они часто встречались.

— И с Тимом Баком?

— Да.

— Хейвуд... Ведь он похоронен у Кремлевской стены на Красной площади.

— Да, его могила рядом с могилой Джона Рида... Большой Билл — так звали его рабочие Америки. Он был похож на Дыбенко, так же крепко скроенный, сильный, решительный...

Я рассматриваю фотографии, перечитываю документы. День за днем текут наши беседы, «белые пятна» человеческой биографии окрашиваются в пластически ясные тона, и передо мной возникает еще одна удивительно яркая история жизни, не отделимой от истории нашей Родины.

ПАРЕНЬ ИЗ ВЕЛИКИХ СОРОЧИНЕЦ

Среди роскошной украинской природы, воспетой Николаем Васильевичем Гоголем, в Великих Сорочинцах, близ усадьбы писателя, в хате бедного казака Кондрата 26 августа 1877 года увидел свет Андрей Чумак. Детство его было коротким. После окончания приходской школы надо было зарабатывать на жизнь. Андрей уезжает на завод братьев Иловайских в Макеевку.

После Великих Сорочинец с кипенью их вишневых садов, раскидистыми дубами, подпирающими небо, Макеевка показалась дурным сном. Приземистые лачуги тонули в грязи и дыму, бараки с нарами совсем ушли в землю. Но нет, он не вернется в Сорочинцы! Он останется здесь, среди русских рабочих, в центре еще только нарождающегося Донбасса. Здесь начнет свою рабочую жизнь этот удивительно красивый украинский парубок с приветливым, веселым лицом и не устающими улыбаться черными глазами.

Четыре года слесарит Андрей Чумак в Макеевке. Все настороженнее всматривается он в окружающий мир. Почему вокруг нищета? Разве так вечно должны жить люди? Где найти ответы на вопросы, не дающие покоя?

Уходил в историю XIX век... На смену экипажам и почтовым станциям, парусным судам пришли экспрессы, земной шар уже опутала густая сеть проводов, крупные пароходы бороздили океаны, и фантастический «Наутилус» Жюля Верна стал ошеломляющей явью. Через всю Европу прошла революционная буря. Россия дала уже блистательных революционеров.

В канун нового века из Минска докатились в Донецкий бассейн важные вести: создана Российская социал-демократическая рабочая партия. Донбасс ответил на эту весть организацией марксистских кружков. Андрей Чумак, уже помощник машиниста на железной дороге в Горловке, вступил в кружок. На одном из занятий руководитель вынул из бокового кармана брошюру, посоветовал, чтобы все прочитали. На обложке значилось незнакомое имя: «Н. Ленин» и заглавие: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Андрей Чумак прочитал книгу. Потом еще одну. Нелегко было пробираться сквозь строй новых мыслей и еще непонятных слов. Но главное он усвоил: книги звали к новой, достойной жизни, к борьбе.

Помощника машиниста перевели из Горловки на станцию Харцызск. Туда он поехал с молодой женой Пашей — Прасковьей Тимофеевной — и своим первенцем Василием. На дне металлического сундучка лежали книги.

В Харцызске Чумак связывается с марксистским

кружком, но в Российскую социал-демократическую рабочую партию пока не вступает.

На железной дороге между Тифлисом и Баку лежит город Елисаветполь. Переименованный в Гянджу, а затем в Кировабад, он стал теперь большим промышленным центром. Но в 1902 году, когда сюда переехал Андрей Чумак, это был окруженный малярийными болотами небольшой городишко. Хозяйничали там урядники и муллы.

— Чумак, получивший права машиниста, поселился в пяти верстах от Елисаветполя. Водил поезда до Тифлиса и Баку. Как-то после рейса к нему подошел деповский слесарь и сказал:

— Тут тебя спрашивали.

— Кто?

— Сам увидишь,— уклончиво ответил тот.— Как вернешься из следующего рейса, задержись в депо. Он к тебе подойдет.

Через три дня к Чумаку подошел невысокий смуглый человек с аккуратно подстриженной бородкой, улыбнулся, протянул руку, представился:

— Джапаридзе. Учитель из Баку.

Не сразу Андрей Чумак узнал, что этот умный и добрый грузин является одним из руководителей революционных организаций Закавказья и что партийная кличка Прокофия Апрасионовича Джапаридзе «Алеша».

Джапаридзе было двадцать пять лет, Чумаку — двадцать шесть. Учитель из Баку зачастил в Елисаветполь, приглядывался к Чумаку. Они быстро сошлись характерами, но о главном Джапаридзе не заговаривал. Привозил иногда бутылку грузинского вина. Прасковья Тимофеевна ставила на стол нехитрую закуску. Чумак не пил, приличия ради пригубит, ждет, что скажет новый друг. Тот начинал издалека, спрашивал о кружке в Горловке, о жизни, давал книги читать. Потом дело пошло быстрее. После одного случая.

В Елисаветполь Джапаридзе обычно приезжал вместе с Чумаком: машинист на локомотиве, учитель в вагоне. Как-то, приехав, они отправились из депо на квартиру к Чумаку. В те дни полицейские провокаторы разожгли в городе тюркско-армянскую вражду. В городе началась резня. На базаре Джапаридзе и смуглого остроносого Чумака приняли за армян. В воздухе сверк-

нули ножи. Раздались вопли: «Смерть неверным! Да благословит нас аллах!»

Чумак кинул Джапаридзе на землю, прикрыл своим телом. Еще мгновение, и кривые клинки вонзятся в спину Чумака. Но следом за Чумаком и Джапаридзе со станции шел помощник Чумака на паровозе азербайджанец Джафар-оглы. Невысокого роста, но сильный, он разбросал убийц, спас украинца и грузина.

В 1903 году Чумак вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Имя его внесли в партийный список под условным названием «Кузнец». Джапаридзе обнял его, сказал:

— Теперь до конца вместе. Будь осторожен, как серна, и храбр, как сокол! Семья у тебя растет.

За перегородкой плакал ребенок, второй сын. Джапаридзе спросил, как назвали мальчика.

— Александром,— ответил Чумак.

В начале августа 1903 года из Баку снова приехал Джапаридзе. Он рассказал о расколе партии на II съезде РСДРП, объяснил суть разногласий.

Андрей Чумак стал большевиком; его избрали казначеем комитета РСДРП на станции Елисаветполь.

Наступил 1905 год. Кровавое воскресенье отозвалось по всей России гулом восстаний и забастовок, заревом пожарищ. Закавказская социал-демократическая организация готовилась к восстанию. В Тифлисе открылась конференция РСДРП. Елисаветпольская организация послала делегатом Андрея Чумака. Здесь он понял, как много у него единомышленников. Джапаридзе представил Чумака своим друзьям: Михе Цхакая, Филиппу Махарадзе, Енукидзе, Орджоникидзе. Орджоникидзе радостно улыбался:

— Ты из Елисаветполя? Это великолепно. Будем друзьями навечно. Зови меня Серго. Как мои друзья.

Орджоникидзе было девятнадцать лет.

В октябре большевики начали всеобщую политическую забастовку. Железнодорожники Елисаветполя присоединились к ней, решили взять под контроль железную дорогу, и власть от Тифлиса до Евлаха перешла в руки комитета социал-демократической партии, в который был избран Чумак.

Перенеситесь мысленно в те годы, представьте себе небольшую станцию в степи, маленький городок. Отту-

да изгнаны жандармы, полицейские, царские чиновники. Теперь власть в руках восставших. Надо обеспечить перевозку грузов, порядок в городе и на железной дороге. Большевики Елисаветполя вооружили железнодорожников, поручили им охрану грузов и всех сооружений. Революционный комитет конфисковал товары, принадлежавшие царской администрации и богатым компаниям, и роздал беднейшему населению. В городе и на станции круглые сутки дежурила рабочая гвардия, бдительно следя, чтобы не допускались бесчинства.

11 декабря о событиях в Елисаветполе доложили наместнику царя на Кавказе князю Воронцову-Дашкову. Сиятельный вельможа не поверил:

— Елисаветполь, эта глухая провинция, взбунтовалась, установила свою власть? Да вы с ума сошли! Чернь правит городом! — вопил князь.— Высечь всех!

Рассвирепевший наместник приказал ввести военное положение по всему Кавказу. На этот приказ Елисаветполь ответил созданием новых вооруженных отрядов, а окрестные крестьяне — поджогами дворянских поместий.

Елисаветполь стал одним из революционных островков поднявшегося Кавказа. Царские власти начали операции по подавлению восстания в главных центрах Кавказа — в Тифлисе, Батуме, Баку. В Елисаветполь был направлен карательный отряд под командованием полковника Редрова. Отряд подошел к Елисаветполю. Схватки с восставшими рабочими были жаркими, но недолгими. Андрей Чумак и еще семьдесят участников восстания были схвачены и отправлены в Тифлис, брошены в Метехский замок. За решеткой уже находились руководители восстания в главных центрах Кавказа: Филипп Махарадзе, Авель Енукидзе, Нариман Нариманов, Серго Орджоникидзе. В Тифлисе готовился процесс, о котором шумели газеты: «О преступном сообществе, организованном в Елисаветполе с целью низвержения государственного строя». 21 марта 1906 года начальнику департамента полиции на Кавказе донесли: «Чумак Андрей, жел. дор. машинист, арестован по приказу военного начальника Закавказской дороги генерала Снарского. Чумак самый энергичный деятель по забастовке... Принимал и отправлял поезда вместе с Рымкевичем, контролировал отправление телеграмм, руководил митингами, сохранял фонды партийной кассы и т. д.».

Положение Андрея Чумака было отчаянным. Незадолго до восстания у него родился третий сын. Что будет с семьей? Закавказский комитет РСДРП решил во что бы то ни стало спасти Чумака.

В России всегда были люди, сочувствовавшие тем, кто боролся против деспотизма и царского произвола. Владелец крупнейших мануфактур Савва Морозов снабжал деньгами большевиков и прятал революционеров. Жена князя Барятинского, знаменитая певица Яворская, не раз отдавала свои гонорары в фонд большевистской партии. Крупнейший уральский помещик князь Кугушев продал свои имения и деньги отдал большевикам.

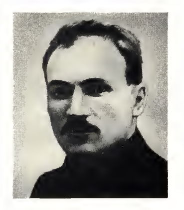
Надо найти таких же людей в Тифлисе и других городах Закавказья. План дерзок, но реален. Большевики предложат выкуп за Андрея Чумака Выкуп временный, до суда. Сколько? Пять тысяч рублей золотом — по тем временам сумма огромная. В прокуратуре мнутся, но в конце концов соглашаются. Найдены и сочувствующие люди — профессура, врачи. Миха Цхакая ведет переговоры с либерально настроенным тифлисским домовладельцем Сосиным. Тот соглашается помочь. Деньги уже в подпольной кассе. Но кому же поручить внести залог? Жене. Прасковья Тимофеевна отправляется к властям, вносит деньги, и прокурор подписывает разрешение временно выпустить Андрея Чумака на свободу под внесенный залог, до суда, который назначен через три недели.

Теперь медлить нельзя. Царский наместник еще не знает, что вожак елисаветпольского восстания на свободе. Если ему это станет известно, то впереди у Чумака сибирский этап и каменный мешок Акатуйского каторжного централа, а то и хуже: ведь министр внутренних дел Столыпин грозит повесить на фонарях всех революционеров, и повсюду свирепствуют военно-полевые суды. И тогда закавказские большевики принимают решение: Андрей Чумак должен немедленно эмигрировать за границу.

Осенью 1906 года Андрей Чумак с женой и тремя малолетними детьми тайно покидает Тифлис и, загримированный под респектабельного чиновника, направляется через Одессу на север. Его перебросят за границу через старые, испытанные транспортные пути ленинской «Искры». Не останавливаясь ни в одном городе, делая пересадку за пересадкой, он прибывает в местечко Верж-

Федор Артем-Сергеев, студент Московского Высшего технического училища.

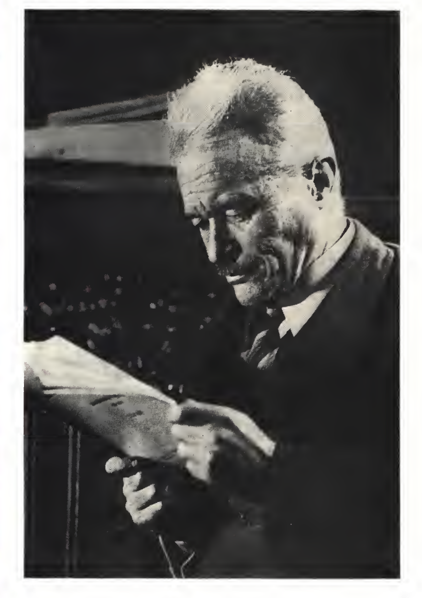

Федор Артем-Сергеев, член Рабоче-Крестьянского правительства Украины.

Федор Артем-Сергеев среди группы подпольщиков — членов Уральского обкома большевиков. Снято в 1920 году.

Похороны Федора Артема-Сергеева.

Александр Дмитриевич Цюрупа.

Александр Дмитриевич Цюрупа среди членов коллегии Наркомпрода.

Встреча Александра Дмитриевича Цюрупы с актерами МХАТа у себя на квартире.

Ян Антонович Берзин.

Письмо Фрица Платтена В. И. Ленину. Публикуется впервые.

Zürich den 29 Juli 1918

Lieber Genosse Lenin!

Ich hab nun ein [illegible] in Berlin nach Moskau [illegible]. Ich will Sie besuchen. Schreiben Sie mir ob Sie es für zweckmässig halten. Für meine [illegible] würde ich es sehr begrüssen. Wenn es Ihrer Meinung nach unnötig ist bitte mir zu berichten.

In letzter Minute vor Abgang des Kuriers. Ich hoffe Sie gesund wieder[illegible]. Grüssen Sie mir alle Bekannte vor allem Radek.

Ihr Fritz.

Проводы делегации Советской России в Швецию. В центре — А. М. Коллонтай.

Феликс Эдмундович Дзержинский с женой и сыном в Швейцарии.

Lettre aux ouvriers américains

Camarades! Un bolchévik russe qui a participé à la révolution de 1905 et qui a vécu ensuite plusieurs années dans votre pays, s'est chargé de vous faire parvenir ma lettre. J'ai accepté son offre avec un plaisir d'autant plus grand que nous traversons précisément le moment où les prolétaires révolutionnaires d'Amérique sont appelés à jouer un rôle immense en tant qu'ennemis irréconciliables de l'impérialisme américain, le plus frais, le plus puissant, le dernier entré dans la boucherie universelle des peuples pour le partage des bénéfices capitalistes. Les milliardaires américains, ces esclavagistes modernes, viennent justement d'ouvrir une page particulièrement tragique dans la sanglante histoire de l'impérialisme ensanglanté, en donnant leur consentement — qu'il fût direct ou indirect, ouvert ou hypocritement déguisé, peu importe — à la campagne armée des fauves anglo-japonais pour l'étranglement de la première république socialiste du monde.

L'histoire de l'Amérique contemporaine et civilisée débute par une de ces guerres immenses, vraiment libératrices, vraiment révolutionnaires, dont il y en a si peu dans la masse énorme des guerres de pillage provoquées, à l'exemple de la guerre impérialiste actuelle, par des querelles entre rois, entre propriétaires, entre capitalistes, à propos du partage des terres conquises ou des bénéfices extorqués. C'était la guerre du peuple américain contre les brigands anglais qui opprimaient l'Amérique et la retenaient dans l'esclavage colonial, de même que ces vampires «civilisés» oppriment et tiennent encore dans l'esclavage colonial les centaines de millions d'habitants de l'Inde, de l'Egypte et de toutes les parties du monde.

150 années se sont écoulées depuis cette époque. La civilisation bourgeoise a porté ses magnifiques fruits. Par le haut degré de développement des forces de production, par le travail unifié des hommes, par l'application des machines et de toutes les merveilles de la technique contemporaine, l'Amérique a pris la première place parmi les pays libres et civilisés. Elle est devenue en même temps un des pays les plus avancés par la profondeur de l'abîme qui y existe entre la petite poignée des milliardaires impudents qui se baignent dans le luxe et dans la boue, d'une part, et les millions de travailleurs, qui vivent éternellement sur les bornes de la misère, d'autre part. Le peuple américain qui a donné au monde l'exemple d'une guerre révolutionnaire contre l'esclavage féodal, se trouve dans un état d'esclavage moderne salarié envers la poignée des capitalistes milliardaires; il doit jouer le rôle du bourreau mercenaire qui, pour complaire à la tourbe des riches, a étranglé en 1898 les Philippines sous prétexte de les «libérer», et qui, en 1918, étrangle la République Socialiste de Russie sous prétexte de la «défendre» contre les Allemands.

Mais quatre années de boucherie impérialiste n'ont pas passé sans laisser de trace. La duperie du peuple par les deux groupes de brigands — allemands comme anglais — est dévoilée par des faits évidents et sans réplique. Les quatre années de guerre ont montré par leurs résultats la loi générale du capitalisme appliquée à la guerre entre les brigands pour le partage de leur butin: celui qui était le plus riche et le plus fort s'est enrichi et a pillé plus que tous les autres; celui qui était le plus faible, a été pillé, torturé, étranglé, écrasé jusqu'au bout.

Les brigands de l'impérialisme anglais étaient les plus forts par le nombre de leurs «esclaves coloniaux». Les capitalistes anglais n'ont pas perdu un pouce de «leur» terre (c'est-à-dire de celle qu'ils avaient réussi à usurper durant des siècles), et ils ont empoché toutes les colonies allemandes en Afrique, ils se sont emparés de la Mésopotamie, ils ont étranglé la Grèce et ils ont commencé à piller la Russie.

...

Nous nous trouvons dans une citadelle assiégée, tant que d'autres troupes de la révolution socialiste internationale ne sont pas venues à notre secours. Mais ces détachements existent, ils sont plus nombreux que les nôtres, ils mûrissent, ils s'accroissent, ils se consolident à mesure que se prolongent les horreurs de l'impérialisme. Les ouvriers rompent avec les social-traîtres de leurs pays, les Gompers, les Renner. Les ouvriers vont lentement mais sûrement vers la tactique communiste et bolchéviste, vers la révolution prolétarienne, qui seule est en état de sauver la civilisation menacée et l'humanité en péril.

En un mot, nous sommes invincibles, comme la révolution universelle du prolétariat elle-même.

20 août 1918.

N. LENINE.

Письмо В.И.Ленина к американским
рабочим, опубликованной в 1919 году

Письмо В. И. Ленина к американским рабочим, опубликованное советской миссией в Швейцарии отдельным изданием.

Nouvelle de Russie

Année I. Nr. 81. Berne, le 9 septembre 1918 Bundesrain 8 Téléphone 64,90

Le document que nous offrons aujourd'hui à nos lecteurs a été découvert au cours d'une perquisition, et publié dans le n° 182 des « Izviestia »,

Moscou, 14 juillet 1918.

Citoyen Romain Rolland,

A l'heure où les Républicains du monde entier, célébrant l'anniversaire de la prise de la Bastille, adressent un hommage reconnaissant à la Révolution française et proclament leur indestructible foi dans l'avènement prochain d'une vie fraternelle, le télégraphe nous apprend que les Gouvernements de l'Entente ont résolu d'écraser la Révolution russe. .

Epuisé par la lutte menée contre les classes dépossédées, contre une aristocratie abjecte, contre une bourgeoisie avide par-dessus tout

Письмо Жака Садуля Ромену Роллану. Публикуется впервые.

Андрей Кондратьевич Чумак с семьей в Америке. Публикуется впервые.

Русский отдел Социалистической партии Америки. В центре в первом ряду — А. К. Чумак. Публикуется впервые.

Красная площадь. Первая годовщина Октября. В центре — В. И. Ленин. Первый справа — М. М. Литвинов.

Владимир Ильич Ленин и Мечислав Юльевич Козловский на Красной площади во время парада частей Всевобуча.

Александра Михайловна Коллонтай и Семен Максимович Мирный в Стокгольме.

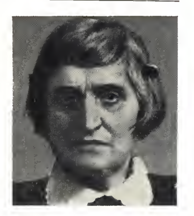
У мавзолея Г. Димитрова. После вручения С. М. Мирному ордена Георгия Димитрова.

Надежда Петровна Жданович. Портрет кисти Павла Федотова. 1849 год. Русский музей.

Елена Николаевна Жданович. 1918 год. Публикуется впервыс.

Елена Николаевна Жданович. 1977 год. Публикуется впервые.

Группа Димитра Благоева. Слева — Благоев. В овале на переднем плане — Вячеслав Александрович Кугушев.

болово на границе Германии. Там о его приезде уже оповещены верные люди. Ночевка в старой корчме. Последняя ночь в России. На рассвете всю семью доставляют в приграничный лесок. Чумак берет старших мальчиков за руки. Прасковья Тимофеевна поднимает младшего, он обхватывает ручонками ее шею, и семья гуськом — впереди контрабандист, которому хорошо заплатили,— идет через пограничную полосу. Только бы не заплакал младший, только бы не наткнуться на конную жандармскую стражу — тогда все пропало.

Впереди спасительный просвет. Кончился лес, и они уже в Германии...

Чумак не задерживается здесь, знает, что царские и кайзеровские власти договорились о выдаче революционеров. В Гамбурге Чумак садится на пароход и высаживается в Лондоне. Здесь крупные американские фирмы вербуют рабочих за океан для работы на шахтах и автомобильных заводах. Чумак подписывает контракт и через две недели выезжает в Америку. Он еще не знает, что царский суд заочно приговорил его к «заключению в крепости». В 1946 году Центральное архивное управление Грузии разыскало любопытный документ: определение Тифлисской судебной палаты от 27 марта 1908 года, в котором указывается, что «за недоставление к отбытию наказания Андрея Чумака залогодательница Прасковья Чумак оштрафована на 500 рублей».

В АМЕРИКЕ

Уже в начале нашего века русская революционная эмигрантская колония в Соединенных Штатах была довольно многочисленной. Ее главными центрами стали Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Кливленд и некоторые другие города.

Передовое американское общество сочувствовало борьбе русских революционеров против царской деспотии. Это диктовалось историческими традициями Америки. Война за независимость, война Севера против рабовладельческого Юга оставили глубокий след в сознании американского народа. В конце XIX века рабочее движение в Соединенных Штатах начало бурно развиваться. В нем принимали участие эмигранты из всех

стран мира, и русская революционная эмиграция вместе с другими группами переселенцев стала органической частью американского рабочего движения. В этом гигантском тигле оказался Андрей Чумак.

Поселились Чумаки впятером в крохотной комнате. Денег, полученных в вербовочной конторе в Лондоне, еле хватало на хлеб насущный. Меньше месяца провел Чумак в Нью-Йорке, познакомился с городом, побывал у земляков, приехавших до него с Украины и Кавказа, а затем уехал в городок Бернсборо, что в штате Пенсильвания, и поступил работать на шахту. Посулы вербовщиков, что он получит работу механика, лопнули. Мешало незнание языка, да и общая техническая подготовка оказалась недостаточной.

Шахты в округе Бернсборо кормили город и прилегающие поселки, но и выматывали человека до основания. Предприниматели гнались за прибылью, охраны труда не было, а плохая вентиляция в шахтах несла гибель. В тридцать лет человеку кажется, что он может своротить горы. Так думал и Чумак, но не выдержал. Как-то в забое упал в обморок, его вынесли наверх. Приговор врача был краток: запрещается работать под землей.

Незадолго до этого события у Чумаков родилась дочь Антонина. Шесть ртов — не шутка. Чумак остался на шахте. Потом пришла новая беда. В шахте взрывали угольные пласты — и отлетевший лом ударил Чумака по лицу. Он потерял сознание. Домой его принесли на носилках. Очнулся он в больнице. Семья оказалась без кормильца, да и за лечение надо было платить — не за неделю, за три месяца.

В больницу Бернсборо в те дни приехал новый врач. Ходил по палатам, осматривал больных, остановился у койки Чумака, спросил, кто такой.

— Русский,— ответила сестра.— По-английски еле-еле.

Врач подсел к Чумаку, на чистом русском языке спросил, откуда, как попал в Америку, где семья?

Когда врач уехал, Чумак спросил у сестры, кто это.

— О, это знаменитый доктор Бенджамен Соукс,— многозначительно ответила сестра и почти заговорщически, понизив голос, добавила:— Социалист.

Доктор Бенджамен Соукс оказался доктором Бори-

сом Заксом, главным врачом города Чикаго, выходцем из России. Три месяца провел Чумак в больнице. Доктор Бенджамен лечил его, опекал семью. С этим человеком, другом русских революционных эмигрантов, у Чумака установится на долгие годы тесная дружба и духовная близость.

Оправившись от болезни, Чумак уехал в Кливленд. В этом миллионном городе у берегов озера Эри Чумак устроился на завод, к нему переехала семья. Пора было посылать сыновей в школу, а твердой уверенности в завтрашнем дне не было. Безработица, поражавшая промышленные районы, обрушилась и на Кливленд... И Чумак, оставив семью в Кливленде, на попутных машинах и в товарных вагонах колесил из города в город в поисках работы.

Прасковья Тимофеевна мыкала горе: нечем было платить за квартиру, кормить детей. Как-то днем пришел полисмен и, не говоря ни слова, выставил вещи на тротуар. Семья ночевала на улице. На помощь пришли друзья из русской колонии.

А Чумак добрался до Среднего Запада. Иногда попадалась работа: грузил уголь, тяжелые бидоны с молоком, лес. Деньги отправлял жене, оставляя себе самую малость, только бы не потерять силы.

Перед ним все шире открывался огромный, причудливый мир Америки; он познавал думы рабочих, бродяг, обнищавших фермеров.

Друзья из российской колонии посоветовали Чумаку осесть в городе Кеноша: там построили автомобильный завод, и многие русские революционные эмигранты получили работу; да и Чикаго под носом: от Кеноша до Чикаго — города у Великих Озер — два часа езды на электричке. Летом 1912 года Чумак вместе с семьей переехал в Кеноша.

Уже в середине XIX века Чикаго стал одним из крупнейших промышленных центров Северо-Американских Соединенных Штатов, как тогда официально называлась эта страна. Славу городу создали не только потомки тех, кто высадился столетия назад с корабля «Мэй флауэр» на американскую землю, но и сотни тысяч эмигрантов из всех стран. Они вместе с американцами строили заводы, фабрики, знаменитые бойни, громады кварталов, разбивали парки и сады.

1 мая 1886 года в Чикаго произошли события, вошедшие в историю как «Чикагская драма»,— в этот день расстреляли рабочую демонстрацию. Руководители демонстрации были казнены. Через три года, в 1889 году, Парижский конгресс Второго Интернационала решил установить в память героического выступления чикагских рабочих Первое мая как праздник международной пролетарской солидарности.

В начале нашего века Чикаго был уже более чем двухмиллионным городом, крупнейшим интернациональным центром. Здесь жило много русских эмигрантов.

Две рабочие партии действовали на политической арене Америки с конца прошлого века: Социалистическая партия и сформировавшаяся несколько позже Социалистическая рабочая партия. В партиях шла борьба между интернационалистами и социал-патриотами. Лидером левых сил Америки стал Юджин Дебс. Ленин охарактеризовал его так: «Революционер, но без ясной теории, не марксист».

При Социалистической партии Америки действовали федерации разных национальных групп. Одной из крупнейших стал Русский отдел Социалистической партии Америки. Его организации были и в Чикаго и в Кеноша, где после долгих мытарств осел Андрей Чумак, русский рабочий, окончивший несколько классов церковноприходской школы. Об этом необходимо напомнить еще раз для того, чтобы оценить талант Чумака, четче определить его путь в русском революционном движении.

Он пришел в революционное движение не через университеты, где формировалась общественная мысль. Он не принимал участия в столичных подпольных кружках, где жарко спорили по вопросам теории, о том, что такое прибавочная стоимость, и о сущности философских воззрений Гегеля. Подпольный рабочий кружок в захолустных тогда Горловке и Харцызске и в еще более захолустном Елисаветполе — вот политическая школа Чумака. Но как ясно он видел задачу революционера!

Русская колония в Кеноша и ее политическое ядро — Русский отдел Социалистической партии — пассивны, раздроблены. Формально все как будто в порядке. Здесь есть Русский клуб, председатель открывает собрания,

все встают, и в зале звучит торжественный гимн американской Социалистической партии «Я бунтарь». После гимна объявляется повестка дня, развертываются разнообразные дискуссии. Все вертится вокруг одного вопроса: как бы улучшить экономическое положение рабочих? Но будущее России и ее революции — здесь на втором плане.

Андрей Чумак определяет главную свою задачу: объединить всех российских эмигрантов и привлечь их к активной политической деятельности. Он создает в Кеноша Общество российских рабочих. Газета «Новый мир», орган русских эмигрантов, сообщила об этом важном событии, и эту заметку стоит воспроизвести полностью:

— «В воскресенье в «Татра-Холл» состоялся первый массовый митинг вновь организовавшейся группы российских рабочих в г. Кеноша.

Кроме членов Общества российских рабочих (так именуется новая организация), ораторами выступали (по приглашению) и другие социалисты.

Темой были: «Манифест 19 февраля 1861 года» и «Манифест 17 октября 1905 года». В связи с манифестами был дан короткий очерк русской истории — от переселения славян на Руси до наших дней.

Кроме того, говорилось «О задачах российских рабочих в Америке» и о безработице.

С моральной стороны присутствовавшие остались удовлетворены. Записалось 11 новых членов партии.

Секретарь — А. Чумак».

Не вдруг Общество российских рабочих стало на социалистические позиции. Среди русских эмигрантов были и такие, которые считали, что оно должно быть организацией беспартийной. Уставшие от тюрем и ссылок в России, от неустроенной эмигрантской жизни, многие русские были не согласны с программой политической борьбы, утверждали, что общество, оставаясь вне политики, должно радеть только за экономические интересы.

Русский социал-демократ Лев Дейч организовал в Нью-Йорке секцию РСДРП, которая стояла на меньшевистских позициях. Это был сектантский акт. Но Нью-Йорк был близко, и его влияние сказывалось на организациях в Чикаго и Кеноша. Чумак создал воскресную

школу и библиотеку русской классической и современной литературы. Написал о нуждах русской колонии Владимиру Ильичу. В Русском клубе был организован драматический коллектив, с подмостков зазвучали монологи героев Чехова и Горького. Не была забыта и американская драматургия. Это позволяло лучше понять внутренний мир американцев.

Чумак выступает на собраниях, публикует статьи в газете «Новый мир», объясняет, что рабочий класс, борющийся только за повышение заработной платы, скатывается на позиции экономизма, лишает себя главного своего назначения — гегемона борьбы за переустройство человеческого общества. Русская революционная эмиграция должна готовить себя для выполнения исторической миссии на родине, в России.

Первое время Чумак жил в Кеноша на тихой Ньюуэлс-стрит в крошечной квартире. Пожар уничтожил дом. По русскому обычаю, эмигранты собрали деньги погорельцам, помогли подыскать новую квартиру. Чумак переехал на Парк-стрит, 808 в небольшой коттедж.

При коттедже был небольшой участок земли. Андрей Кондратьевич вскопал огород, разбил маленький сад, приучал и детей любить и понимать природу.

Дом на Парк-стрит стал центром русской колонии. Там собиралось то ядро Русского отдела, которое направляло всю политическую жизнь колонии и влияло на политические настроения в Кеноша. Вместе с Чумаком и большевиком Рабизо в руководящую группу входили Раев, Столяр, Иванов, люди молодые, но имевшие за плечами опыт революционной работы в России; почти все они эмигрировали в Америку, спасаясь от каторги и тюрем после революции 1905 года. Григорий Раев, например, до эмиграции работал слесарем на автомобильном заводе. Не только Чумак и Раев, но и все русские революционеры, образовавшие ядро колонии, после II съезда партии стали большевиками.

Дом на Парк-стрит притягивал и американцев. Они знали, что с Эндрю можно откровенно обо всем поговорить, получить дельный совет. За короткий срок Чумак овладел английским языком. Вечерами после работы занимался на курсах английского языка и государственного устройства Соединенных Штатов. С уважением относился он к обычаям страны. Очень внимательно го-

товился к своим выступлениям на собраниях и митингах. На трибуну поднимался в черном костюме, белой сорочке с галстуком, по обычаю тех лет заколотым красивой булавкой. От всей его высокой фигуры, располагающей внешности веяло добротой. Американцы говорили о нем: «Э гуд фелло!» (Хороший парснь). Это было высшей похвалой.

О Чумаке заговорили в социалистических кругах Чикаго. В Кеноша приехал Юджин Дебс, он пришел на собрание в Русский клуб послушать выступления, сам выступил с докладом о политическом положении в США. Это было признанием деятельности Русского отдела социалистической партии Америки.

Другом Чумака и частым гостем на Парк-стрит стал Вильям Хейвуд. Огромного роста, шумливый, Хейвуд в те годы был лидером профсоюза горняков Америки. В 1905 году под его руководством американские горняки откололись от соглашательской Американской федерации труда и создали свою революционную профсоюзную организацию — «Индустриальные рабочие мира». Это еще больше увеличило и без того огромную популярность Хейвуда. За несколько лет до знакомства с Чумаком он вышел из тюрьмы. По провокаторскому доносу его судили и пытались отправить на виселицу. На защиту Хейвуда поднялась вся рабочая Америка.

Большой Билл — так звали Хейвуда американские рабочие — зачастил к Чумаку, приходил с кучей леденцов в кармане и с мороженым для маленьких Чумаков, заполнял собой всю квартиру, и раскаты его громового голоса покрывали все звуки.

В Кеноша у Чумаков родилась дочь Лидия. Прасковья Тимофеевна с трудом управлялась с большой семьей. Знакомые американки дружески хвалили: «Это по-нашему. Дети — к счастью».

Мальчики уже учились в школе. После занятий Саша продавал газеты Русского отдела Социалистической партии «Новый мир» и «Коммунист»: нагружал полную сумку и отправлялся сначала на автомобильный завод в Кеноша, затем — в Чикаго, на заводы, где было много русских. Возвращался в Кеноша поздно вечером, усталый, но довольный, что помогает семье. Часто отправлялся в Русский клуб, где отец читал лекции об интернационализме.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Поздним летом 1912 года Андрей Чумак, приехав в Чикаго, отправился в «Холл-хауз», где всегда собирались социалисты и другие прогрессивные деятели города. Там к нему подошел моложавый, очень красивый человек с бронзовым загаром на лице, с оголенными до локтя руками, сверкнул белозубой улыбкой, дружески протянул руку, назвал себя:

— Джек Лондон.

Не дав Чумаку опомниться, Джек Лондон увел его в одну из комнат клуба. Сказал, что приехал из-под Сан-Франциско, читал статьи Андрея Чумака в газетах Социалистической партии и будет рад поговорить с ним.

Слегка опешив, Чумак спросил, почему именно с ним решил поговорить писатель.

— Вы были организатором восстания на Кавказе? — спросил Лондон.— Я писал в Нью-Йорк вашим землякам. Они мне сообщили, что вы активный участник русской революции.

Чумак рассказал Лондону о восстании в Елисаветполе, о своих товарищах, о заключении в Метехский замок и бегстве от тюремщиков. Джек Лондон слушал внимательно, задавал много вопросов.

— Почему вы не выдержали натиска отряда царских властей? У вас было мало оружия? Надо было взять оружие у врага... Расскажите о Кавказе. Там горы. Это как наши Кордильеры... Опишите мне ваших горцев. Ведь в горах живут сильные, смелые люди...

И все спрашивал, снова возвращался к вопросам, которые уже задавал, с нетерпением ждал ответа.

Что же привело знаменитого писателя к русскому революционеру? И почему именно на Андрее Чумаке остановил свой выбор Джек Лондон?

Писатель искал встречи с русским революционером из рабочих, чтобы лучше понять, осмыслить, прочувствовать причины поражения первой русской революции. Произведения Джека Лондона, с огромной силой разоблачавшие ненавистный писателю мир насилия, чистогана, бессердечность богатых, коррупцию, ложь высокопоставленных джентльменов, пренебрежение к человеку труда, принесли ему всемирную славу. В начале XX ве-

ка его творчество достигло наивысшего расцвета. Миллионы людей прочитали его «Железную пяту», «Мартина Идена», а также такие публицистические произведения, как «Гниль завелась в штате Айдахо», «Революция» и другие, показывающие, что писатель понимал историческую обреченность капиталистической системы. Он сблизился с рабочим движением, вступил в Социалистическую партию, горячо приветствовал русскую революцию 1905 года, восторженно отзывался о горьковском «Фоме Гордееве»: «Это целительная книга... Эта книга — действительно средство, чтобы пробудить дремлющую совесть людей и вовлечь их в борьбу за человечество».

Но в последующие годы Джек Лондон отошел от социалистических идей. Причиной этому был и общий спад рабочего движения в Америке. Писатель видел, как некоторые лидеры рабочего класса Америки, те, кто вчера проповедовал братство людей труда, пошли на сделку с совестью, стали слугами концернов, предали рабочий класс. Он еще призывает рабочих к борьбе с насилием, но в сознании его происходит внутренний надлом, и в его произведениях уже начинают звучать другие мотивы: отказ от былых идеалов, уход из городов на лоно природы.

И все же и в эти годы Джек Лондон, прошедший суровую школу жизни, снова и снова возвращается к теме борьбы рабочего класса. В 1911 году появляется его знаменитый, полный революционного пафоса рассказ «Мексиканец». Его герой готов идти даже на смерть, чтобы добыть оружие для революции. Тема борьбы рабочего класса, взятия им власти не оставляет писателя.

Именно в это время Джек Лондон отправляется к Чумаку. Остро ненавидя любой деспотизм и считая царское самодержавие одной из самых отвратительных форм деспотизма и рабства, Джек Лондон надеялся увидеть в Андрее Чумаке представителя русской революции, рабочего и потому, оставив свою дачу в Сан-Франциско, примчался в Чикаго.

Его интересовало все: и как добывали оружие, и как прогоняли царских чиновников и жандармов, и строили баррикады, и не раз подробно допытывался, почему не смогли удержать власть.

Прощаясь, Джек Лондон сказал, что рад знакомству

с русским революционером и будет наезжать в Чикаго и Кеноша, чтобы о многом поговорить.

Вскоре Джек Лондон снова приехал в Чикаго и снова, заранее предупредив Чумака, встретился с ним. Встречи эти продолжались до 1915 года. В Европе уже шла война. Джек Лондон задавал вопросы и с еще большей жадностью слушал ответы. Его интересовало, что делает, о чем думает рабочий класс России.

Чумак сожалел, что не может в полной мере удовлетворить интерес писателя. А Джек Лондон все расспрашивал. Чувствовалось, что он мучительно размышляет о событиях, происходящих в мире и, быть может, в России, в ее народе, ее революционерах видит будущее...

ВОЙНА

В Кеноша Чумак получал письма от Джапаридзе редко, но с подробным рассказом о том, что происходит в России. Последнее письмо пришло незадолго до выстрела в Сараеве. Алеша сообщал, что царское правительство разжигает шовинизм и что дело, видимо, идет к войне.

Разразившаяся мировая война прервала связи эмигрантов-большевиков с Россией и Европой, перестала поступать газета «Социал-демократ», которую так регулярно посылала Надежда Константиновна.

Нелегким выдался для Чумака тот год. Ориентироваться в обстановке становилось все труднее. А меньшевики, «оборонцы» подняли голову, их наскоки на позиции большевиков становились все более крикливыми. Чумак и его товарищи часто выступали в газетах «Новый мир» и «Коммунист», отстаивали ленинскую точку зрения: война приносит прибыли монополиям и гибельна для народов. Газеты Русского отдела позволяют понять трудности, которые испытывал Чумак. Теперь еще чаще появляются заметки о его выступлениях на митингах и собраниях в Кеноша и Чикаго на автомобильном заводе и других предприятиях, где работали русские.

Росли и заботы о семье. Квартиру на Парк-стрит пришлось оставить, и Чумаки переехали на Сюпириострит, 570. Новый коттедж был чуть побольше, и семья разместилась просторнее.

Но вскоре заболела Прасковья Тимофеевна. Врачи нашли у нее легочную болезнь, грозившую осложнениями. Снова помог испытанный друг доктор Борис Закс. Он бесплатно провел необходимые исследования, поместил жену Чумака в санаторий.

На Чумака свалились все заботы по дому. Он сам готовил пищу. Раз в неделю мальчики пешком уходили проведать мать за шесть километров.

Чумак все чаще задумывался о будущем своих детей. Что ждет их? Не вечно же быть им на чужбине: настанет день, когда политические эмигранты вернутся в Россию. Чумак готовил детей к этому, старался, чтобы они знали историю своей родины, культуру, язык. На семейном совете было решено, что между собой сыновья и дочери будут говорить по-английски, а с родителями — только по-русски. Когда же дети, забыв уговор, обращались к родителям по-английски, те делали вид, что не слышат, не отвечали.

Часто вечерами Чумак усаживал вокруг стола детей, рассказывал им эпизоды из истории России и Украины, читал «Вечера на хуторе близ Диканьки», народные сказки, старших приучал к русской литературе.

Поздно вечером, когда семья засыпала, Чумак спускался в подвал коттеджа. Там он устроил слесарную мастерскую. Его неудержимо тянуло к верстаку и тискам. Сказывались рабочая закваска да и стремление к изобретательству, которое привлекало его с юношеских лет. Купил за гроши старый, развалившийся «кадиллак». На станке выточил новые подшипники, заменил негодные детали, заново перебрал автомобиль. И вскоре Чумаки по воскресеньям стали выезжать на озеро Мичиган.

На Сюпирио-стрит Чумак начал работать над изобретением, которое долго вынашивал: моделью оригинальной для того времени машины, представляющей собой комбинацию полотера и пылесоса. Сделал чертежи, представил их крупной чикагской фирме. Фирма подписала договор. Трудился Чумак ночами, упорно, настойчиво, а утром — на завод.

В сентябре 1915 года в швейцарской деревне Циммервальд собралась конференция нескольких социал-демократических партий европейских стран. Русскую делегацию возглавлял Владимир Ильич.

По предложению Ленина социал-демократы должны были выразить свое принципиальное отношение к войне. Большинство лидеров социал-демократических партий не стало на путь решительного осуждения мировой бойни, как на этом настаивал Ленин. И все же Циммервальдская конференция принесла пользу: принятый ею манифест отражал растущий международный протест против социал-шовинизма.

Американская Социалистическая партия и ее Русский отдел понимали, что произошло важное событие, но подробностей о Циммервальде не знали. Помогла Александра Михайловна Коллонтай. В Христианию, где она тогда жила, было послано приглашение от имени немецкой левой секции Социалистической партии с просьбой приехать в США. Коллонтай запросила мнение Ленина, изложила цель поездки: «В основе моей поездки в Америку лежит стремление возможно шире распространить те взгляды, которые с особенной выпуклостью и яркостью сумели оформить Вы и которые охватывают собой основу позиций революционеров-интернационалистов».

Владимир Ильич одобрил поездку, послал Александре Михайловне из Берна свою брошюру «Социализм и война», попросил перевести эту работу с немецкого на английский и издать в Соединенных Штатах.

В сентябре 1915 года пароход «Бергенсфиорд» отплыл из Норвегии в Америку. На его борту среди других немногочисленных пассажиров находилась Александра Михайловна. Ей было сорок три года. Позади остались десятилетия революционной борьбы, теперь она прочно и до конца своих дней связала себя с большевистской партией, с Лениным.

Опасен был Атлантический океан в ту осеннюю пору 1915 года не столько бурями, сколько немецкими подводными лодками, но через две недели после отплытия из Европы «Бергенсфиорд» пришвартовался в нью-йоркской гавани. Началась почти двухмесячная поездка Коллонтай с востока на запад через все крупнейшие промышленные центры Соединенных Штатов. На обратном пути в Нью-Йорк, 5 декабря, Коллонтай снова приехала в Чикаго. Чумак был ею заранее извещен о приезде и вместе с Рабизо и Раевым поехал на вокзал встречать ее. Ждали ее на перроне с букетами, в лучших ко-

стюмах, взволнованные и радостные. Раньше из России приезжали посланцы, но первой с прямым заданием Ленина была Коллонтай.

В тот же день Александра Михайловна выступала с докладом в Чикаго, а вечером все вместе уехали в Кеноша. Здесь на Сюпирио-стрит Александра Михайловна рассказала о беседах с Лениным, о письмах, которые он ей прислал, о Европе, где вот уже второй год шла война, подробно интересовалась жизнью русской колонии, положением в Социалистической партии, деятельностью Юджина Дебса, настроениями простых американцев. Сказала, что Владимир Ильич и сам подумывает о поездке в Америку. Последнее время он говорил об этом ближайшим друзьям. Сейчас прихворнула Надежда Константиновна; как выздоровеет, так, возможно, они вместе и приедут.

Потом ей задавали вопросы, перебивая друг друга. Коллонтай, смеясь, останавливала:

— Ради бога, не все сразу.

Было шумно, весело, уютно. На плите урчал чайник, в который то и дело Просковья Тимофеевна подливала воду, и Чумак, перемежая русские слова с английскими, напоминал жене: «Пут дзи чайник он дзи печка». В углу, прижавшись друг к другу, сидели младшие Чумаки, во все глаза смотрели на гостью, приехавшую из неведомого им мира...

В феврале 1916 года Коллонтай уехала в Европу.

Война, бушевавшая там, все больше ощущалась в Америке. Фабриканты оружия ждали, что вот-вот Америка вступит в войну и можно будет нажить на поставках новые миллиарды. В газетах развертывалась шовинистическая кампания. Руководители левого крыла Социалистической партии пытались противопоставить этой кампании свои взгляды, говорили о том, что рабочий класс не заинтересован в империалистической войне. Но делали это робко, не сумели ясно выразить свою программу, отстоять ее.

Жертвой шовинистической кампании оказался доктор Борис Закс. На него давно уже злобно косились за его прогрессивные идеи. Он устраивал бесплатные приемы больных в рабочих районах Чикаго, открыл два санатория для рабочих, больных туберкулезом. Закса стали травить. Чумак поддерживал Закса, уговаривал не об-

ращать внимания на провокационные выдумки. Но нервы у Закса не выдержали. Он покончил с собой, оставив записку друзьям: «Я просто устал. С любовью ко всем вам Б. Закс». 10 апреля потрясенный Андрей Чумак опубликовал в «Новом мире» статью на смерть друга. Он писал: «Доктора Закса замучили, его убили буржуазные политиканы, инквизиторы нашего века... За его честность, за его преданность своему делу враги его не любили, преследовали, мучили — замучили... В наших сердцах, в сердцах твоих друзей, ты всегда будешь жить!»

В последний путь доктора Бориса Закса провожали тысячи рабочих Чикаго. Большевики из русской колонии опустили гроб в могилу, молча постояв, простились с другом.

Русский отдел Социалистической партии Америки делал все, чтобы распространить среди сотен тысяч русских рабочих в Америке цели Циммервальда, изложенные в его манифесте. Это и была пропаганда ленинских идей. В июле 1916 года в Чикаго состоялся грандиозный митинг в честь русской социалистической печати. Перед стотысячной массой людей — американцами, русскими, украинцами, поляками, немцами, итальянцами — выступил Андрей Чумак. В газете «Новый мир» об этой речи была опубликована статья. Чумак изложил взгляды ленинской партии на империалистическую войну, и даже те, кто знал его многие годы, были поражены широтой его знаний, умением ясно и четко формулировать мысли, доносить их до рабочих.

После митинга участвовавшие в нем большевики собрались в помещении Русского отдела. Там было принято решение пригласить Андрея Чумака переехать в Чикаго. Это было необходимо для укрепления чикагской организации Социалистической партии Америки.

Осенью 1916 года Чумак с семьей переехал в город у Великих Озер. Поселился в небольшой квартире на Вестдивижн-стрит. Дом был старый, как все доходные дома, с газовыми рожками вместо электричества. Около дома нельзя было развести огород. Не было и гаража, старый «кадиллак» пришлось продать. Вот только с мастерской Чумак не мог расстаться. Договорился с владельцем дома, что тот уступит ему часть подвала: привез из Кеноша верстак, тиски и весь инструмент, продолжил работу над изобретением.

Весь темп политической борьбы в Чикаго был бурным, напряженным. Квартира Чумака, как и в Кеноша, стала популярным центром русской эмиграции. Находилась она недалеко от социалистического клуба, созданного осенью 1916 года по его инициативе. Часто бывали там Юджин Дебс и Вильям Хейвуд, приезжал организатор американской Социалистической партии в Кеноша Гудмэн. По воскресеньям с утра до позднего вечера в квартире Чумака не закрывались двери.

В Чикаго действовали четыре русские секции Социалистической партии Америки; Чумак предложил объединить их. Предложение было принято, хотя и не без борьбы, и в Чикаго создается единый Русский социалистический клуб.

Теснее стали контакты и с Социалистической партией Америки. Юджин Дебс начал в печати дискуссию по поводу устава партии, доказывал, что в нем слабо отражена классовая сущность социалистического движения в Америке. 22 декабря 1916 года в Русском отделе состоялось обсуждение этого вопроса. 30 декабря американские и русские социалисты собрали городскую конференцию и создали специальную комиссию для разработки нового устава партии. Русские настояли, чтобы принцип классовой борьбы был четко сформулирован в уставе. Предложение приняли и решили окончательно обсудить его в апреле 1917 года на съезде партии.

ГРОМ ИЗ РОССИИ

Это было 14 марта 1917 года по новому стилю. Чумак накануне поздно вернулся с работы. Утром, как обычно, пришли друзья. Только сели завтракать, как за окном раздались крики. Мальчишки — продавцы газет на этот раз кричали громче обычного, и даже через закрытые окна с улицы доносилось слово, которое они то и дело повторяли: «Петроград!»

Андрей Кондратьевич послал сыновей за газетами. Те мигом вернулись, размахивая свежим номером «Чикаго трибюн» с аншлагом через всю первую полосу: «В Петрограде революция! Царь свергнут!»

Спустя семнадцать лет, 26 марта 1934 года, М. Сто-

ляр, активный деятель кеношско-чикагской группы большевиков, рассказал на страницах газеты «Москау ньюс», где он заведовал отделом, о незабываемых часах, пережитых в тот день в Чикаго. В статье, озаглавленной «Андрей Чумак — герой Революции», М. Столяр писал: «Когда появились первые сообщения о Февральской революции, мы созвали митинг на квартире Чумака. Радость пьянила людей, многие от волнения не могли говорить, мы обнимались, кричали «Ура!», поздравляли друг друга». Тут же, на квартире Чумака, начали обсуждать планы возвращения в Россию, послали поздравительные телеграммы в Нью-Йорк и другие центры русской эмиграции.

Февральская революция подтолкнула рабочий класс Америки к активным действиям. Специальная комиссия по подготовке нового устава, в которую от Русского отдела входил Чумак, закончила свою работу, и 7 апреля 1917 года, на следующий день после вступления Америки в войну, в Сан-Луи открылся Чрезвычайный съезд Социалистической партии Америки. Повестка дня съезда включила два пункта: 1. Об отношении партии к мировой войне. 2. Утверждение новой программы и устава.

На съезде левые силы дали бой правым, ратовавшим за половинчатую политику в вопросе о войне и мире, заставили их отступить. Спустя два года, характеризуя решения съезда, Джон Рид напишет Владимиру Ильичу, что там «была принята знаменитая Декларация о войне — самый революционный призыв к массовым действиям за всю историю социалистического движения в Америке».

И до съезда и после него Чумак вместе с Юджином Дебсом, Вильямом Хейвудом и другими лидерами рабочего движения Америки выступал на интернациональных митингах и собраниях с докладами о борьбе рабочего класса против империалистической войны и о значении Февральской революции. Когда читаешь в «Новом мире» и других газетах Америки отчеты о выступлениях Чумака, поражаешься зрелости этого бойца ленинской партии.

Февральская революция вызвала в широких кругах Америки еще больший интерес к России. В социалистическом клубе на Блюайленд-авеню, где с утра до позд-

ней ночи толпится рабочий люд, эта тема была главной. Русские стали популярнейшими гражданами Чикаго, к ним обращались сотни людей с самыми разнообразными вопросами. Многие приходили на квартиру Чумака. Росло стремление понять Россию, происходившие там события и ее роль в мировой истории.

Сразу же после Чрезвычайного съезда Социалистической партии Америки, по предложению Чумака, в Чикаго собралась конференция русских эмигрантов-большевиков, живших в разных городах Соединенных Штатов. На конференции Чумак впервые встретился с Тимом Баком. Они уже давно переписывались, знали друг друга по партийной работе.

В один из своих последних приездов в Москву Тим Бак, Председатель Коммунистической партии Канады, скончавшийся несколько лет назад, рассказал друзьям о своей встрече с Андреем Чумаком: «Мы говорили о наших общих задачах, о том, что связывает рабочих всех стран, о борьбе за социалистические идеи. Чумак не только был организатором этой конференции, но ее душой, основным докладчиком».

На конференции в Чикаго Тим Бак сфотографировался с Чумаком, собирался эту фотографию прислать в Москву как еще одно напоминание о тех днях, когда передовое общество Америки с глубоким пониманием и с симпатией встретило известие об избавлении русского народа от гнета царского деспотизма.

Первая группа русских политических эмигрантов выехала из Соединенных Штатов в Россию в конце апреля 1917 года. Чумака избрали председателем Комитета по возвращению на родину. С каждым днем таяла русская колония в Чикаго, Нью-Йорке, Бостоне, Кливленде, Милуоки и других городах. Чумак проводил в Россию ближайших друзей — Рабизо, Раева, Иванова.

Тихо стало в квартире на Вестдивижн-стрит. Чумак сутками пропадал в комитете, отправлял эмигрантов: надо было всех обеспечить паспортами, деньгами, зафрахтовать пароходы. Путь был дальний: из Чикаго поездом в Канаду — в Ванкувер, а оттуда пароходом до Владивостока. Через Атлантику путь в Европу был опасен: немецкие подводные лодки топили пассажирские пароходы, на Тихом океане все же было спокойнее.

Вечерами, когда Чумак возвращался домой, Прасковья Тимофеевна спрашивала:

— Когда же мы поедем, Андрюша?

Чумак отмалчивался или отшучивался. Лишь в конце мая сказал жене:

— Скоро поедем, собирайся.

Готовясь к дальнему путешествию, Чумак не забыл и о своем изобретении. Незадолго до отъезда он завершил работу над машиной для уборки квартир. Фирма приняла ее к производству. Гонорар — весьма крупная сумма — был использован для отправки русских эмигрантов в Россию.

В начале июня 1917 года из канадского порта Ванкувер пароход «Царица России» увез из американской эмиграции на родину 85 большевиков во главе с Андреем Чумаком. Уезжали с детьми повзрослевшими и совсем крошечными, никогда не видевшими России.

После морского, а затем железнодорожного путешествия добрались, наконец, до станции Харбин. Здесь власти задержали эмигрантов-большевиков, поселили их временно в вагонах на станции, запретили выезд из города. Русский генеральный консул запросил Временное правительство, кому из эмигрантов можно разрешить въезд в Россию. Вскоре консул передал Андрею Чумаку ответ Керенского: въезд в Россию ему запрещен.

Андрей Чумак направляется к властям Китайско-Восточной железной дороги и предлагает свои услуги. Ему отвечают, что работу машиниста он получит, но только не в Харбине, а на станции Ханьдаохэцзы. Чумак соглашается. Он готов водить поезда от Ханьдаохэцзы до Харбина.

Хозяином положения на КВЖД все еще остается бывший царский наместник генерал Хорват. В его руках не только огромный аппарат вышколенных служащих, но и войска, которые в любой момент можно использовать для подавления революционных выступлений. Значит, Чумаку надо найти друзей-единомышленников, установить связи, явки. К осени 1917 года Чумак создает в Харбине подпольную большевистскую организацию. Ее ядром становятся рабочие Главных механических мастерских. Поочередно на их квартирах происходят собрания. Большевики стараются привлечь на свою сторону рабочих и служащих КВЖД. Это нелегко. В Харби-

не открыто действуют меньшевики, эсеры и анархисты.

Чумак тайно уезжает во Владивосток, где уже находятся Раев, Рабизо, договаривается с ними о координации действий, получает информацию о положении в Петрограде, возвращается в Харбин и делает следующий шаг для усиления большевистского подполья. Опытный интернационалист, Чумак обращается с листовкой к китайским и корейским рабочим, призывает их действовать совместно с русскими рабочими против администрации генерала Хорвата и всей харбинской буржуазии.

Поздно вечером 7 ноября (по новому стилю) приходит из Петрограда сообщение о том, что большевики взяли власть в свои руки. Через несколько дней и в Харбине создается Совет рабочих и солдатских депутатов. Но генерал Хорват не думает сдаваться. Рютин, возглавляющий Харбинский Совет, медлит, ведет ненужные переговоры с Хорватом, вместо того чтобы вырвать власть из рук генерала.

21 ноября из Петрограда приходит телеграмма Ленина. Владимир Ильич требует от Харбинского Совета, чтобы вся власть перешла в его руки, а генерал Хорват и вся белогвардейская администрация были арестованы. Приказ о переходе власти в руки Советов Рютин издает, но не подкрепляет его практическими действиями.

Чумак предлагает Рютину вооружить рабочих мастерских и взять власть в свои руки, как это однажды уже было сделано и как того теперь требует Ленин. Однако Рютин колеблется. Хорват использует бездействие председателя Харбинского Совета и срочно вызывает на помощь войска китайского генерала Чжан Цзо-лина. Русские охранные дружины вынуждены отступить перед превосходящими силами противника. Харбинский Совет пал...

И снова вспомним, что происходило в те месяцы в молодой Стране Советов, вспомним гражданскую войну, поход четырнадцати государств Антанты, заговоры контрреволюции, следовавшие один за другим. Вспомним, как Советское правительство во главе с Лениным делало нечеловеческие усилия, чтобы организовать отпор врагу, отстоять независимость Родины, нормализовать экономическую жизнь, вконец нарушенную четырехлетней войной.

Революционный опыт подсказал большевикам Хар-

бина: надо сохранить большевистские кадры, действовать через организации, находящиеся пока на легальном положении. Чумака избирают членом Главного исполнительного комитета рабочих и служащих КВЖД. Через профсоюзные организации он добивается связи с китайскими и корейскими рабочими и 1 мая 1918 года организует демонстрацию на улицах Харбина в поддержку Советской власти.

Но в это время в действие вступает еще одна контрреволюционная сила — атаман Семенов. Через двадцать семь лет, в конце второй мировой войны, этот палач будет схвачен и понесет заслуженную кару — военный трибунал присудит его к смертной казни через повешение. Но описываемые события происходили в 1918 году. Атаман Семенов начал свой карательный поход.

После первомайской демонстрации события развертываются с калейдоскопической быстротой. Главный исполнительный комитет рабочих и служащих КВЖД начинает подготовку к забастовке протеста против карательных действий атамана Семенова и войск генерала Хорвата. Город бурлит.

16 мая по всей линии Китайско-Восточной железной дороги всеобщая забастовка началась. Инициатор ее — Чумак. В то утро, когда паровозы по всей линии оповестили начало забастовки, Чумак выступал в железнодорожном клубе станции Ханьдаохэцзы. Небольшой зал заполнен до отказа. Рядом с Андреем Кондратьевичем у трибуны Прасковья Тимофеевна и сын Саша.

В эти часы генерал Хорват передает по телеграфу приказ жандармерии о немедленном аресте Чумака. В Ханьдаохэцзы дежурит телеграфист — большевик-подпольщик. Приняв телеграмму, он мчится в клуб. Чумак тут же зачитывает приказ Хорвата. В ответ раздаются крики протеста. Полицейские понимают, что взять Чумака в клубе не удастся, и окружают дом, в котором он живет. Но Чумак возвращается с митинга не один, а с отрядом рабочих и солдат. Полицейские отступают.

Поздно ночью жандармы пытаются ворваться в дом, но Чумаку удается скрыться. Через двое суток он тайно на паровозе выезжает из Харбина в Приморье.

И снова жена с детьми остается одна, как тогда в Елисаветполе, как в Америке, когда он бродил по дорогам в поисках куска хлеба.

УССУРИЙСКИЙ ФРОНТ

В начале июня 1918 года Андрей Чумак был направлен Приморским комитетом РКП(б) в Никольск-Уссурийск для усиления партийного руководства в этом городе. Здесь он сразу оказался в центре событий. Чумака избирают председателем Совета рабочих и солдатских депутатов. Программа действий Совета — телеграмма Ленина, направленная 7 апреля 1918 года. Владимир Ильич требовал готовиться к борьбе и возможной интервенции, «готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил».

Действовать в духе ленинских указаний — это значит создать оборонительные сооружения, укрепить вооруженные силы города — рабочие дружины, обеспечить на случай интервенции переброску стратегических грузов в глубь страны. Так и поступают большевики Никольск-Уссурийска. Вокруг города создаются укрепления.

События не заставили себя ждать. В июне белочешские легионеры из бывших чехословацких военнопленных, возвращающихся на родину через Владивосток, подняли мятеж. В этом ключевом городе Приморья они арестовали руководителей Совета, объединились с белогвардейскими частями атамана Калмыкова и двинули полки на Никольск-Уссурийск. Пять дней шли ожесточенные бои. Красногварейские полки под командованием революционного штаба, в который входил и Чумак, не отдавали без боя ни пяди земли. Это позволило другим городам Дальнего Востока перебросить войска в помощь Никольск-Уссурийску.

21 июля 1918 года «Рабочая газета» писала о тех днях Уссурийска:

«При обороне города особенно отличился Председатель Горисполкома Совета А. Чумак. Он лично водил красноармейцев в штыковую атаку, и его отряд, как и сам командир, отличался большой храбростью. Далькрайком партии талантливого организатора-большевика назначил членом Военного Совета фронта и комиссаром передвижения войск. Когда белые и иностранные интервенты, применив тяжелую артиллерию, подожгли город и прорвали укрепление красных, заставив оставить занимаемые позиции, А. К. Чумак, командуя бронепоез-

дом «Освободитель», отступил последним, прикрывая отход красногвардейцев и эвакуируемых госпиталей и учреждений в гор. Спасск».

Медленно, с боями отступали красные отряды в сторону Хабаровска, готовясь к решительному бою. Чумак все время с войсками, делит с ними все лишения. Пошел вот уже третий месяц, как он оставил семью на станции Ханьдаохэцзы. Там теперь свирепствуют белогвардейцы. Что с женой и детьми, живы ли они? Ни писем, ни весточки от них, да жена и не знает, где он.

А дни бегут, и дел все больше. Со всех уголков Приморья и Амурской области к Уссурийскому фронту пробирались большевики, ведя за собой людей, вливаясь в армию, набиравшую силу, чтобы нанести удар по врагу.

1 августа 1918 года Военный совет Уссурийского фронта отдал приказ о переходе в наступление в районе Каульских высот. Враг, бросая оружие и неся огромные потери, начал беспорядочное отступление к Никольск-Уссурийску.

Но против рабочего класса, взявшего в свои руки власть на Дальнем Востоке, уже выступили силы крупнейших капиталистических стран мира. 24 августа интервенты начали фронтальное наступление на Уссурийском фронте.

Из городов и сел, из таежных лесов в Хабаровск выехали делегаты на открывшийся 25 августа V съезд Советов Дальнего Востока, чтобы оценить обстановку и выработать меры спасения Советской власти. Делегатом от Амурской области на съезд прибыл Андрей Чумак. Приехали в Хабаровск и руководители сибирских большевиков во главе с Павлом Петровичем Постышевым. Здесь произошла их первая встреча с Андреем Чумаком.

Съезд заслушал доклад о международном положении и о текущем моменте. Потом на трибуну поднялись делегаты. Одним из первых выступил Андрей Чумак. Как всегда, он был краток:

— Не время было уезжать с фронта, но хлопцы настояли, поручили выступить от имени фронта и во весь голос сказать, чтобы слышали за Уралом, слышал большевистский Центральный Комитет, слышал сам Ленин, слышал весь русский народ, слышали наши братья ук-

раинцы, белорусы, грузины, латыши, татары, слышали народы Америки, Японии, Англии, Франции, Чехословакии, как войска чужеземных захватчиков вторглись в наш край и нарушили нашу мирную жизнь. Красноармейцы и красногвардейцы Уссурийского фронта просили меня сказать, что мы не позволим вмешиваться в наши дела.

Дальневосточный съезд, веря в пролетарскую солидарность, обратился к народам Америки, Англии, Японии и Франции, призвал их требовать немедленного вывода интервентов и заявил, что «Дальний Восток является нераздельной частью великой Российской Федеративной Советской Республики, управляется выборными органами трудового народа, именуемыми Советами, и никому вмешиваться в наши дела не позволим...»

Съезд постановил распустить Уссурийский фронт, перейти к партизанской борьбе, избрал Дальневосточный Совет Народных Комиссаров. Андрей Чумак вошел в состав Совнаркома, и вскоре он и Постышев отбыли туда, где разгоралась партизанская война. Чумак вместе со своими ближайшими помощниками двинулся в район Архары Амурской области. Павел Постышев выехал по реке Тунгуске в район Приамурья.

Всего лишь год прошел, как Чумак вернулся из Америки. Чикаго, Нью-Йорк, выступления на съезде Социалистической партии Америки, встречи с Дебсом, Хейвудом, Джеком Лондоном... Неужели это было? И эти бурные споры в социалистическом клубе на митингах! Иногда он думает, что это мираж, исчезнувший в песках. На Чумаке военная куртка, через плечо карабин, а на поясе «кольт». Во время коротких привалов он дает команду всем отдыхать, выставляет сторожевые посты и лишь тогда опускается на землю, чтобы забыться в коротком сне.

И снова в поход, через тайгу, непроходимую чащу, в жару и ливень. Неподалеку от золотых приисков, в районе Архары Чумак создает партизанскую базу, объезжает села, беседует с крестьянами; готовые до конца биться за Советскую власть, они оставляют свои избы и уходят в партизаны.

В сумрачный осенний день крестьяне сообщили, что в окрестностях появился отряд японских интервентов.

Чумак мог послать в разведку партизан из местных жителей, но решил пойти сам.

Белогвардейские каратели, интервенты подкараулили его, навалились, связали и отправили в тюрьму города Благовещенска.

В тюрьме Чумак свалился: тиф. Несколько недель он был между жизнью и смертью. Победили сильный организм и неукротимая воля борца.

Подпольная организация большевиков Благовещенска под руководством Федора Мухина начала готовить побег Чумака. На должность надзирателя в тюрьму был послан надежный коммунист Зелинский, не раз выполнявший опаснейшие поручения. Когда Мухин узнал, что Чумак выкарабкивается из болезни, он по просьбе Чумака вызвал из Харбина Прасковью Тимофеевну. Она немедленно приехала в Благовещенск. Встреча состоялась в тюрьме.

...В конце октября 1918 года Андрей Чумак снова в подполье.

К концу февраля 1919 года партизанская борьба в Амурской области так разрослась, что казачьи атаманы решили послать туда новые части. В начале марта в засаду карателей попал Федор Мухин. На допросе его пытали. Все выдержал амурский комиссар. Федора Мухина застрелили.

Теснее и теснее сжималось смертельное кольцо вокруг Андрея Чумака и его боевых товарищей.

Через несколько дней после убийства Мухина на конспиративной квартире в Благовещенске собрался подпольный штаб борьбы против интервентов. Совещанием руководил Чумак.

За комиссарами давно была установлена слежка. На этот раз ищейки напали на след руководителей амурских большевиков. Интервенты и белобандиты окружили дом, ворвались с ручными пулеметами, карабинами.

Комиссаров упрятали в благовещенскую тюрьму. Андрея Чумака допрашивал палач из казачьей контрразведки князь Чочуа. Бил, пытал, требовал, чтобы Чумак раскрыл планы партизанских отрядов. Приставлял к виску дуло револьвера. Нажимал пуск: «шутил».

В других камерах допрашивали остальных комисса-

ров. Никто не дрогнул, не выдал. Так повторялось каждый день.

Палачи поняли, что допросы ничего не дадут.

Ночью 26 марта 1919 года полураздетых комиссаров вывели из тюрьмы под усиленным конвоем и увезли за город. У глиняного карьера интервенты и белогвардейцы остановили их перед большой ямой, кололи штыками, били шомполами, все ближе подталкивая к могиле.

Наступили последние минуты перед казнью. Комиссары попрощались друг с другом.

Андрей Чумак шагнул к могиле, пожал руки друзьям. Поднял голову, взглянул на небо. Мысленно попрощался с женой и детьми. Залп. Он уже не видел, как из рядов обреченных вырвался Петр Зубок, а затем Прокопий Вшивков.

Озверевшие белобандиты шашками рубили комиссаров по голове, лицу, рукам, ногам.

Через год партизаны изгнали врага и освободили Благовещенск. С непокрытыми головами долго стояли боевые друзья у ямы, где убийцы сделали свое черное дело.

Трагически окончилась и жизнь Петра Зубка: у стен Благовещенска он напоролся на вражеский патруль и был застрелен. Прокопию Вшивкову после бегства удалось спастись. Раненного и обмороженного, его приютил крестьянин, живший в деревне близ Благовещенска, и выходил его. Комиссар здравоохранения Амурской республики вернулся в партизанский отряд.

В живых остался еще один комиссар — Василий Повилихин: он очнулся через несколько часов после казни, выполз из-под стынущих трупов. Окровавленный, обессиленный, он добрался до избушки сторожа, и тот спрятал его. Василий Повилихин и рассказал о последних минутах амурских комиссаров. Как и Вшивков, он вернулся в партизанский отряд и сражался с врагами до их полного разгрома.

Солдат революции Андрей Чумак остался навсегда в памяти благодарных потомков. Его имя носят клубы, школы, улицы. И часто в городах и таежных поселках можно услышать, как народ поет «Балладу об Андрее Чумаке» композитора Алексея Муравлева на слова поэта Ефима Черных:

Ой, Андрию Чумак, верный партии сын,
В дни пожаров и трудных побед
Ты пришел в Приамурье, пришел не один,—
Ты принес правды ленинский свет.
За свободу не раз поднимал ты бойцов,
Дрался словом, гранатой, штыком.
Ты для нас — слава дедов и доблесть отцов,
Боевой уссурийский нарком...

...Замолкли последние звуки песни, записанной на пленку, мы сидим с Александром Андреевичем, погрузившись в раздумья. Потом я спрашиваю, как сложилась судьба семьи.

— Со станции Ханьдаохэцзы мы уехали, оказались в Харбине. Мне пришлось взять на себя заботу о семье.

— Сколько лет вам было тогда?

— Шел семнадцатый год.

— И вы поступили на работу в штаб генерала Грейвса?

— Не сразу. Первое время я был переводчиком на КВЖД в так называемом Межсоюзном техническом совете, где работали русские и американские инженеры. А потом меня представили генералу Грейвсу. Сделал это один американский инженер. Он знал о моей работе в Межсоюзном техническом совете и привел меня к нему. Штаб Грейвса находился тогда на железнодорожных путях станции Харбин и размещался в трех классных вагонах. Генерал строго посмотрел на меня. Услышав чистую английскую речь, несколько смягчился, начал задавать вопросы, спросил, каким образом я попал в «этот богом проклятый край». Я ответил, что приехал с родителями, что получил среднее образование в США. Грейвс спросил, в каком городе я жил. «В Чикаго. Учился, а по вечерам торговал газетами».—«Тогда вы должны хорошо знать Чикаго. А помните ли вы универмаг Уайбольца на берегу реки Чикаго?» — «Магазин Уайбольца я хорошо знаю, но он находится в центральной части города, рядом с табачным магазином, перед которым стоит раскрашенная фигура индейца». Грейвс громко рассмеялся, хлопнул меня по плечу, сказал: «Ну, молодец! Я вижу, ты хорошо знаешь Чикаго. Теперь я вспоминаю, что не раз у тебя покупал газеты. Ведь я жил там, в угловом доме, возле которого ты продавал газеты...»

Подошел к концу 1919 год. Из главных центров революции в Харбин докатились вести о разгроме Юденича под Петроградом. Врангель и Деникин под ударами Красной Армии все дальше откатывались на юг России. В конце декабря пришла еще одна радостная весть: Красная Армия разгромила Колчака, именовавшего себя «верховным правителем России», а сам царский адмирал оказался в руках Иркутского военно-революционного комитета.

Харбин тревожно гудел. С разгромленных фронтов туда хлынули белые офицеры. Напуганные событиями, местные тузы спешно распродавали недвижимое и движимое имущество, собирались бежать из города.

Семья Андрея Кондратьевича все еще оставалась в Харбине. Подпольный комитет большевиков взял на себя заботу о ней. Александр Чумак продолжал работать в Межсоюзном техническом совете. Это помогло ему получить доступ в штаб бывшего царского генерала Хорвата, выполнять поручения подпольного комитета большевиков и командования Красной Армии.

Весной 1920 года под давлением широких кругов американского народа экспедиционный корпус США был выведен из пределов Советской России. Красная Армия и партизаны продолжали успешное наступление против других интервентов и белогвардейских частей, и во всем Приморье победила Советская власть.

Когда об этом стало известно в Харбине, Александр Чумак выехал в Никольск-Уссурийск в надежде разыскать отца или узнать что-либо о нем. Там он встретился с Николаем Павловичем Михайловым, старым другом Андрея Кондратьевича. В 1918 году Чумак и Михайлов были избраны в Главный исполнительный комитет рабочих и служащих КВЖД. В Никольск-Уссурийске Михайлов был председателем следственной комиссии ЧК. Он рассказал Александру о трагической гибели Андрея Кондратьевича и всех амурских комиссаров.

Александр остался работать в ЧК, чтобы продолжать дело, за которое боролся его отец. Несколько месяцев он пробыл в Никольск-Уссурийске, а потом в составе партизанского отряда под командованием Гавриила Шевченко сражался под Гродеково против интервентов и белогвардейцев. Когда же в отряд пришли вести

о том, что Александр нужен в Харбине, он возвратился в город.

В это время армия Блюхера и партизаны уже вели последние бои против интервентов и белогвардейских банд. В ноябре 1922 года на всем Дальнем Востоке навсегда установилась Советская власть. Командование Народно-революционной армии Дальневосточной республики награждало бойцов и командиров. Не был забыт и сын амурского комиссара. Ему вручили часы с надписью «От благодарных товарищей».

А в 1923 году подпольный комитет большевиков отправил из Харбина в Москву семью Андрея Кондратьевича Чумака. Ее разместили в теплушке. Поезд отошел от перрона и повез их по нескончаемому сибирскому пути на вновь обретенную ими Советскую Родину.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

В первых числах марта 1917 года революционные войска восставшей России арестовали свергнутого императора Николая II Романова. Поезд, в котором он ехал из ставки в Могилеве, был перехвачен недалеко от Петрограда, и Николай II под конвоем отправлен в Царское Село. В те же дни выдворили из Зимнего дворца экс-императрицу Александру Федоровну, худосочного наследника престола, многочисленных чад — их также увезли в Царскосельский дворец, где уже находился под стражей сорокадевятилетний российский монарх.

Еще в канун марта опустели многие дворцы и особняки Петрограда: сиятельные князья и графы не вполне представляли себе, чего можно ждать от Временного правительства. Но один дворец на Кронверкском проспекте был оставлен в панике совершенно невероятной. Его владелица, фаворитка свергнутого российского царя балерина Матильда Кшесинская, как только над Петроградом спустилась спасительная ночь, выбралась через черный ход и, прыгнув в ожидавший ее экипаж, скрылась.

Кшесинская не была опытным политиком, но предчувствовала грозу. К ней приходили все более угрожающие письма. Последнее, полученное из Ярославля за несколько дней до февральских событий, прямо-таки бросило ее в дрожь. Лица, пожелавшие остаться неизвестными, писали ей: «На народные, потом и кровью добытые денежки вам выстроили столь красивый терем. Ликвидируйте свои дела и с богом — из России. Пока мы вас не тронем, но близок час, когда придет расправа и над вами и над вашим высоким покровителем».

Кшесинская готовилась к бегству. Заветный саквояж заполнила бриллиантами, захватила с собой. Амурную переписку с царем впопыхах забыла. Не до интимных воспоминаний было в ту ночь.

Одиннадцать лет блаженствовала Матильда Кшесинская в великолепном дворце, который был воздвигнут по приказу ее августейшего покровителя. Царь приезжал во дворец в роскошном экипаже и не в парадном полковничьем мундире, а в цивильном костюме. Неслышно открывалась перед ним массивная дверь. На прилегающих улицах поодаль маячили вышколенные служаки из департамента полиции, ждали, пока его величество соизволит оставить дворец.

Вскоре после того, как Кшесинская покинула свой замок, туда подъехали солдаты верного большевикам броневого дивизиона, вернувшиеся с фронта и искавшие подходящее помещение. Медленно поднимались они по мраморной лестнице, удивленно рассматривали стены, обитые цветастым шелком, диваны, пуфы, пушистые ковры. Прошли в зимний сад. На дворе стояла стужа, а здесь цвели диковинные растения. Старший, с красной повязкой на кожанке, поднялся на второй этаж, заглянул в спальню. От алькова струился запах тончайших духов. Солдат плюнул, сошел вниз, коротко бросил ожидавшим его товарищам: «Убежала, царская..»— и прибавил крепкое словцо. Солдаты-броневики тут же собрали митинг и порешили: занять нижний этаж дворца царской фаворитки; вещи, картины и прочее сохранить, как принадлежащие народу

В этом митинге участвовал один из большевистских агитаторов. Сразу же он помчался в дом номер 49 по тому же Кронверкскому проспекту, где в двух тесных комнатках на чердаке Биржи труда ютился только что вышедший из подполья Петроградский комитет.

Владимир Николаевич Залежский, профессиональный революционер, член Петроградского комитета большевиков, спустя шесть лет писал о тех днях: «Энергичная работа Петроградского комитета в массах скоро начала давать свои плоды. ПК сделался центром всех рабочих кварталов и многих казарм. В тесном помещении, им занимаемом, непрерывно толкались ходоки и делегаты. Сюда со всех концов Петербурга стекались пожертвования и оружие. Теснота была страшная. Хранить день-

ги и оружие было негде. Все это создавало положение прямо критическое».

Естественно, что сообщение агитатора о въезде броневого дивизиона во дворец Кшесинской мгновенно породило желание выяснить, нельзя ли и Петроградскому комитету большевиков перебраться туда.

О том, как развертывались события, Залежский свидетельствует: «У кого-то из нас явилась мысль попытаться договориться с дивизионом, чтобы тот уступил ПК часть помещения. Для ведения переговоров мы послали одного из наших активных работников-офицеров, товарища Дашкевича, который через весьма короткое время вернулся со словами: «Сделано! Готово!..» В ту же ночь ПК переехал туда. Наше вселение во дворец Кшесинской и тесный союз с броневиками вызвали новый взрыв бешеной кампании против нас всей прессы, начиная от махрово-черносотенных органов до меньшевистской «Рабочей газеты», выставляя нас захватчиками и покусителями на «священные права частной собственности».

Злобная кампания нарастала. 13 марта исполнительная комиссия Петроградского комитета РСДРП(б) на расширенном заседании решила: «По вопросу о помещении для ПК: Оставаться в доме Кшесинской, предоставленном броневым дивизионом».

Буржуазное Временное правительство проявляло трогательную заботу о свергнутом царе и его семье. В Царскосельском дворце шла размеренная жизнь. Господа министры готовили отъезд «августейших особ» за границу, на первое время на какой-нибудь фешенебельный курорт Средиземноморья или в Англию.

Солдаты из преданных большевикам воинских частей не спускали глаз с Царскосельского дворца. Но после бурных дней февраля в Петрограде восстанавливался старый образ жизни. Знать сообразила, что ничто ей не угрожает, и начала возвращаться в свои особняки. На Невском открылись шикарные рестораны. А на окраинах, как и прежде, выстраивались с ночи в очередь за хлебом смертельно усталые женщины, которым нечем было накормить детей.

Уже в начале марта Кшесинская вышла из «подполья», возвратилась в Петроград. Старые знакомые посоветовали: идите к господину Керенскому, вы навернякаа-

ка получите у него поддержку против этих узурпаторов.

Министр юстиции Александр Керенский — лидер эсеров, популярный адвокат, произносивший в свое время громкие речи против самодержавия — был польщен неожиданным визитом пикантной посетительницы. В свои сорок четыре года она выглядела превосходно. Министр был молод: ему исполнилось тридцать шесть.

Кшесинская сделала книксен, смахнула слезу, многозначительно посмотрела Керенскому в глаза:

— Вы все можете, Александр Федорович!

В особняках уже ползли слухи: Керенский будет министром-председателем.

Любезность министра юстиции не знала границ. Он обещал царской фаворитке поддержку и приказал выдать справку, что Временное правительство не имеет претензий к балерине Кшесинской и что ее имущество — роскошный дворец — не подлежит конфискации.

Тут надо сказать о некоторых чертах характера Кшесинской. Она была необычайно осторожна, расчетлива, прижимиста, осмотрительна. В ее личных покоях обнаружили двадцать толстых тетрадей, в которые она записывала расходы, большие и малые: за шляпку — 115 рублей, человеку на чай — 10 копеек, Вове — 5 копеек. И тут же в тетради записи о балансе игры в покер— баланс этот составлял десятки тысяч рублей.

Но царская фаворитка не только играла «по маленькой» в покер. Она загребала миллионы. Репортер газеты «Биржевые ведомости», сумевший пробраться во дворец после бегства Кшесинской и основательно порывшийся в ее записях, которые, как она полагала, никто никогда не увидит, писал: «Нам удалось ознакомиться с целым рядом интереснейших материалов, выясняющих, что г-жа Кшесинская сыграла роль не только в балетной среде, но и в других областях русской жизни, как, например, в промышленности. У балерины сохранился целый ряд телеграмм за подписью великого князя Сергея Михайловича, явно подтверждающих коммерческие взаимоотношения балерины и князя... Г-жа Кшесинская участвовала в крупных коммерческих делах, пользуясь услугами и влиянием великого князя... Ознакомившись с этими материалами, мы не удивились, когда прочитали несколько писем, адресованных «глубокочтимой и глубокоуважаемой Матильде Феликсовне» с просьбой

посодействовать освобождению от призыва и устройству отсрочки».

Репортер «Биржевых ведомостей» весьма скупо сообщил о влиянии Кшесинской. Оно было значительно сильнее, чем он указывал, и этим влиянием пользовались весьма своеобразно. Любопытные сведения о Кшесинской мы находим в воспоминаниях известного ученого-кораблестроителя академика Крылова.

Князь Сергей Михайлович мешал перевооружению русской армии новой артиллерийской техникой. Зная это, военное ведомство прибегало к услугам Матильды. Ей выдавалось десять тысяч рублей, она уезжала на какой-нибудь фешенебельный курорт вроде Ниццы, разумеется, вместе с князем, а в это время военное ведомство подсовывало царю соответствующее решение.

Время игры в покер и похождений в Ницце прошло, но расчетливость, хитрость, изворотливость остались, и эти свои качества предприимчивая дама пустила в ход.

После визита к Керенскому, окрыленная его поддержкой, Кшесинская действует еще энергичнее. Она обращается к так называемому общественному градоначальнику, и тот посылает 10 марта во дворец своего представителя, подпоручика Карпова, с заданием продемонстрировать, что «общественные силы» поддерживают Кшесинскую в ее правах на дворец. Ловкий подпоручик составил акт о вселении броневого дивизиона и большевистских организаций.

Теперь Кшесинская направляется к большевикам. Она одевается как можно скромнее, у нее почти траурный вид. Она вся в черном. 18 марта она предстает перед председателем Петроградского комитета большевиков Львом Михайловичем Михайловым. Требует она немногого: пусь возвратят ей верхний этаж дворца, она там откроет пансион-столовую, будет вкусно кормить своих клиентов. Всем будет хорошо, и она себя обеспечит.

Михайлов, разумеется, отклоняет просьбу царской фаворитки. И тогда она выпускает когти. Она решает судиться и направляется к прокурору Петроградской судебной палаты. Пишет заявление, пока осторожное, вкрадчивое, но настойчивое: «Желая знать положение моего владения, я 18 марта поехала в свой дом (дом, а не дворец.— *З. Ш.*) и убедилась, что в доме моем расположились две организации: в первом этаже Петроград-

ский комитет социалистов-большевиков. Подчеркивая вполне корректное и вежливое ко мне отношение представителей обеих этих организаций, которые объяснили занятие моего дома крайней необходимостью, вызванной событиями, я из беседы с ними убедилась, что воинская часть считает необходимым не очищать моего дома по соображениям «государственным и стратегическим», а Петроградский комитет считает себя гостем воинской части.

Вспомним, что происходило в те недели в России. Не только в Петрограде, но и по всей стране нарастала ужасающая экономическая разруха. На огромном фронте первой мировой войны умирали каждодневно тысячи русских солдат. Временное правительство и не помышляло о том, чтобы покончить с чуждой и ненавистной народу войной. Буржуазные органы насилия уже готовились к новому туру разгрома революционных сил.

Но 4 апреля происходит огромной важности историческое событие: из эмиграции возвращается Владимир Ильич Ленин и в своей речи развертывает перед большевиками и всем народом ясную политическую программу дальнейшей борьбы в новых условиях, после свержения царизма. Эта речь вошла в историю как Апрельские тезисы. На повестку дня выдвигается основная задача — борьба за единовластие Советов, за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. После выступления у Финляндского вокзала Ленин направляется к дворцу Кшесинской и многократно выступает с балкона дворца перед петроградским пролетариатом. Дворец Кшесинской временно становится штабом революции.

В этой ситуации начинает формироваться, хотя контуры его не для всех зримы, союз всех антипролетарских сил — от эсеров до черносотенных «Союза русского народа» и «Союза Михаила-архангела». Программа реакции ясна: отвлечь народные массы от насущных политических задач, оболгать большевиков, попытаться любой ценой, любыми средствами очернить их в глазах разных слоев населения, вызвать ярость обывателей, апеллируя к их самым низменным инстинктам. Ну, как тут не воспользоваться «делом Кшесинской», ее претензией к «узурпаторам-большевикам»! Буржуазная пресса всячески раздувает «дело о дворце». Эта тема вытесняет

с газетных столбцов материалы о положении русской армии на фронтах, важнейшие политические события.

Большевики внимательно следили за нарастанием злобной кампании. 12 апреля исполнительная комиссия ПК РСДРП(б) на своем заседании специально поставила вопрос о помещении для ПК в связи с тем, что Временное правительство поддерживает претензии Кшесинской. Постановление было ясным и кратким: не уступать дворец царской фаворитке, принять меры, чтобы он остался в распоряжении большевистских организаций. Следует иметь в виду, что к тому времени во дворце находились не только Петроградский и Центральный комитеты РСДРП(б), но и Военная организация большевиков, Солдатский клуб, Центральное бюро профессиональных союзов, фракция большевиков Петроградского Совета, редакция «Солдатской правды» и некоторые другие большевистские организации. Дворец стал бастионом большевиков и притягательным центром для всего питерского пролетариата.

Но Кшесинская и ее покровители намерены драться не на жизнь, а на смерть. Они ведут яростную закулисную подготовку, мобилизуют новые силы, изыскивают новые методы и формы наступления. И конечно, надежда возлагается на суд. Ведь вся царская юстиция осталась нетронутой, все законы и принципы царского времени, в сущности, незыблемы. Царская фаворитка поручает ловкому адвокату Хесину начать судебный процесс против большевиков. Тот соорудил соответствующую бумагу в суд, начинив ее всяческими обвинениями. Главное из них: большевики покусились на священную частную собственность.

Атака буржуазии на Петроградский комитет и все большевистские организации, их преследования нарастали, и можно было ожидать самых диких провокаций.

В этих условиях Петроградский комитет большевиков пытался было подыскать для себя новое помещение. Но в городе уже многие особняки были заняты под лазареты для раненых фронтовиков, и найти новое помещение для десятка организаций оказалось нелегко.

Петроградский комитет принимает решение вступить в переговоры с Хесиным, поверенным Кшесинской. Если соглашения не последует, то идти на суд.

Вести переговоры и выступить на суд Петроградский

комитет партии большевиков поручает Мечиславу Юльевичу Козловскому. Это решение было принято 3 мая 1917 года. Через день, 5 мая, начался судебный процесс... И здесь необходимо остановиться на характеристике человека, которому партия и Петроградский комитет поручили сразиться с сильной, веками действовавшей классовой юстицией буржуазии.

В решающие периоды истории формируется и выдвигается особенно много ярких молодых личностей, как бы аккумулирующих в себе силы, энергию народа, способности к свершениям. Но ни одна страна и ни одна политическая партия не выдвинула столько молодых деятелей, как Россия и ленинская партия.

Видный деятель польского и русского революционного движения Я. С. Ганецкий писал о Мечиславе Козловском, что он, еще будучи студентом, уже был марксистом. К этому можно добавить, что еще в пятнадцатилетнем возрасте Мечислав Козловский был знаком с трудами Маркса, Энгельса, Лафарга и Лассаля и выполнял первые конспиративные поручения.

Козловский родился в Вильно в 1876 году в семье учителя, где было слишком много ртов и крайне мало средств. Он рано испытал насилие и несправедливость. В шестнадцать лет его исключили из гимназии за неблагонадежность. Девятнадцати лет он, будучи студентом юридического факультета Московского университета, попадает в Бутырскую тюрьму. В двадцать три года Мечислав Козловский, друг Феликса Дзержинского, избирается членом Временного центра рабочего союза Литвы, а еще через год — членом Главного правления ЦК социал-демократической партии Польши и Литвы.

Как революционер и политический деятель Козловский формировался в те годы, когда на окраинах Российской империи возникали и развивались свои местные, национальные организации и сильна была тяга к сепаратным от российского пролетариата действиям. Козловский в свои двадцать с лишним лет — известный деятель социал-демократии Польши и Литвы. Но будущее этой партии, ее развитие как подлинно марксистской партии он видит только в теснейшем союзе с российским пролетариатом и ее ленинским авангардом. Эту мысль он с предельной ясностью высказывает на конференции в Белостоке в 1901 году. Начинается его тесное сотрудни-

чество с группой искровцев в Вильно. Революционная деятельность то и дело прерывается жандармами.

На бурный 1905 год падает особенно большое количество обысков и арестов. Козловский снова в тюрьме. Апрель 1906 года приносит ему очередной приговор — ссылку в Туруханский край на пять лет. Через некоторое время в связи с тяжелой болезнью ссылку заменяют высылкой за пределы Российской империи.

Три года длится эмиграция. Эти годы заполнены подвижнической деятельностью революционера. Козловский — делегат V съезда социал-демократической партии Польши и Литвы в Закопане. 1907 год — Козловский делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. Три года он живет в Париже, где действует одна из крупнейших эмигрантских организаций большевиков. Партийная работа забирает все его силы и время. Но своими помыслами он в России, где в подполье даже в глухие годы реакции не затихала деятельность большевиков.

В Париже Мечислав Козловский познакомился с Софьей Багратионовной Вахтанговой, сестрой Евгения Вахтангова. Это произошло на лекции, которую организовали большевики-эмигранты. Молодая девушка из Владикавказа, окончившая гимназию, преподавала французский язык и, накопив деньги, приехала во Францию для совершенствования в языке.

Мечислав Козловский и Софья Вахтангова часто гуляли в Люксембургском саду, говорили о будущем, о России, о том, что когда-нибудь их родина будет счастливой и свободной.

Они поженились. Вскоре Софья Козловская-Вахтангова уехала в Россию. А Мечислав Козловский остался в Париже: еще не окончился установленный царским правительством срок высылки.

В декабре 1908 года во французскую столицу приезжают Ленин и Крупская. Владимир Ильич уже знаком с Мечиславом Козловским. Перед V (Лондонским) съездом меньшевики затеяли очередную возню — так называемый «партийный суд» против Ленина в связи с позицией большевиков относительно выборов в Государственную думу. Партия делегирует Козловского в качестве представителя Владимира Ильича в суде. Козловский доказывает безосновательность и смехотворность меньшевистских обвинений.

Козловский в России выступал защитником на политических процессах революционеров и часто добивался успеха. После возвращения из эмиграции в 1909 году партия поручает ему продолжать эту деятельность.

В те годы он тесно сближается с Петром Стучкой и Петром Красиковым. Об этой тройке позже было сказано: «Это была своеобразная нелегальная партийная ячейка при царском окружном суде». А ведь Козловский и его друзья находились под гласным надзором полиции.

В 1916 году, в разгар первой мировой войны, на всю Россию нашумело дело группы ревельских революционеров, представших перед царским военным трибуналом. Им грозила смертная казнь. Адвокат Керенский отказался их защищать. Партия поручила Козловскому выступить на процессе. Он опрокинул грозные обвинения в «государственной измене». Провокаторы и лжесвидетели были изобличены как платные шпики полиции, а ревельские большевики были спасены.

Все знавшие этого невысокого, полноватого человека с огромным лбом и умными, из-под пенсне слегка прищуренными глазами, отличавшегося поразительным умением терпеливо, до конца, никогда не перебивая, выслушать любого человека, поддавались его обаянию. Он никогда не щадил себя, во многом отказывал себе, но всегда находил время, чтобы помочь товарищу.

Февральская революция застала Козловского в Петрограде, где он жил последние восемь лет, изредка по делам партии выезжая за границу. В столице он до революции издавал газету «Нова трибуна» на польском языке. Эта газета правдистского направления разоблачала шовинистическую политику царского правительства.

Сразу же после Февральской революции Мечислава Козловского избирают депутатом Петроградского Совета и членом исполкома этого Совета. Большевики избирают его членом Петроградского комитета партии. Он председатель Выборгской районной думы, гласный городской думы. Он член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 1-го созыва. Большевики вводят его в Комиссию по отмежеванию имущества дома Романовых, и одновременно он становится юридическим советником газеты «Правда».

И вот этому человеку, за спиной которого были тюрь-

мы, годы эмиграции, большевики поручили скрестить шпаги с буржуазной юстицией, дать ей бой, превратить процесс по иску царской фаворитки в демонстрацию ленинских идей перед петроградским пролетариатом и всей Россией.

Рано утром 5 мая 1917 года на Большой Зелениной улице в Петрограде перед зданием суда начала собираться толпа. Рабочие запрудили проспект. Их привела сюда твердая решимость защитить свою партию, не дать ее в обиду буржуазному суду. Но много публики было и из буржуазных кварталов, привлеченной сенсацией, которую подогревала антибольшевистская пресса.

И вот началась схватка. Архибуржуазный судья Чистосердов, слуга буржуазных законов Хесин — одна сторона в этой схватке, представляющая класс, который еще стоит у власти. Другая сторона — большевик Козловский. В зале — главным образом сочувствующие большевикам солдаты и рабочие. Вот к ним-то и к трудящимся за стенами 58-го судебного участка Петрограда и должен обратиться Козловский, сделать так, чтобы до человеческих сердец дошла правота большевиков, восстающих против старого мира бесправия и угнетения.

Чистосердов открывает заседание суда, рассматривает иск Кшесинской. Его речь пересыпана такими словами, как «бесправный захват», «удар по священной частной собственности», «узурпация», «подрыв основ».

Хесин в своей речи ссылается на царский кодекс. Ведь Февральская революция не отменила буржуазную частную собственность. Свод законов, защищающий капиталистов и помещиков, продолжает действовать.

Многочисленные корреспонденты, находящиеся в зале, с явным одобрением воспринимают речи судьи и защитника Кшесинской. Рабочие и солдаты ждут выступления Козловского. Атмосфера накалена до предела.

При гробовом молчании зала с места поднимается Козловский. Он спокоен, лишь пепельница, заполненная окурками, выдает его внутреннее волнение.

«Я прибыл сюда для того, чтобы протестовать против обвинений, которые выдвинуты буржуазной прессой по адресу революционных организаций. Здесь речь идет о привлечении революционных организаций к судебной ответственности за «незаконное занятие» дворца Кшесинской... Следует не забывать, что революционные ор-

ганизации заняли это здание 27 февраля, в день революционного выступления народа. Заняли его тогда, когда оно было пустым, когда разбушевавшиеся массы уничтожали дворец Кшесинской, считая его гнездом контрреволюции, где сходились все нити, связывающие Кшесинскую с царским домом... И остался целым этот дворец лишь благодаря тому, что он был занят революционными организациями. Дом этот был занят с согласия Петроградского Совета... Так выглядит «беззаконие» в свете фактов. И о каком «законном порядке» позволительно говорить в тот момент, когда на улице идет революция, свистят пули и гремит артиллерийская канонада?!»

Рабочие, солдаты и матросы, заполнившие зал, переглядываются. Им близки и понятны эти слова.

Козловский выступил как грозный обвинитель царского суда, обличитель буржуазии. Он развернул свою речь так, что она вызвала бурную реакцию зала, и позже Петр Стучка скажет о блистательном выступлении юриста-большевика: «Защита была просто демонстрацией и агитацией перед рабочими, переполнившими зал заседания суда. Мы решили вести защиту не по своду законов, а по Марксу».

От имени революции Козловский объявляет ниспровергнутым царский свод законов. «...Во время революции,— заявляет он,— происходит насильственный переход власти от одного класса к другому. Когда перезреют и рухнут старые общественные отношения, рухнут также и законы, охраняющие эти отношения. Тогда начинается процесс формирования новых законов... который вырастает из изменившихся общественных отношений... С этой точки зрения ссылаться во время революции на старый «законный порядок» является по меньшей мере нелогичным. Старый законный порядок относится к прошедшей общественной эпохе и уже не вернется никогда, поскольку не могут вернуться старые общественные отношения. Под этим углом зрения не может быть и речи во время революции о «законном порядке», поскольку сама революция с точки зрения закона является наибольшим беззаконием. И не смехотворно ли теперь ссылаться на «законный порядок» и старый, омертвевший кодекс... Отбросьте же, господа, взывание к «закону», «законному порядку»!..»

Большевик Козловский, прошедший через горнило революционной борьбы, показал и доказал, что буржуазное Временное правительство, привязывая новые общественные отношения к ненавистному «законному порядку», имеет своей целью сохранение господства буржуазии над народом, а эта цель насквозь контрреволюционна.

Речь Козловского на процессе длилась около двадцати минут. Он высказал мысль, ради которой большевики пошли на процесс: победивший народ полностью разрушит старую государственно-правовую организацию угнетения рабочего класса, создаст новый правовой порядок, отвечающий интересам широких народных масс.

Цель процесса была достигнута. Даже буржуазные газеты вынуждены были широко осветить выступление адвоката большевиков, ибо интерес к процессу был велик. Речь Козловского способствовала распространению революционных идей ленинской партии.

Разумеется, Чистосердов выполнил заказ своих хозяев и через десять минут после завершения судебного заседания зачитал решение выселить из дворца Кшесинской Петроградский комитет большевиков и другие революционные организации. При этом Чистосердов откровенно и нагло сослался на царский судебный кодекс.

Но суд, действовавший на основании царских законов, уже был бессилен. В Петрограде разразилась буря протестов. Десятки заводов, воинских частей, революционные матросы на митингах заявили, что не допустят врагов контрреволюции в резиденцию большевиков. Появившегося было во дворце судебного исполнителя с позором изгнали рабочие. Все чаще приходили в Петроградский комитет делегации от кораблей и воинских частей с заявлениями от матросов и солдат, что те в любой момент готовы оказать поддержку партии большевиков. В распоряжение ЦК поступил и революционный Кронштадтский флот.

Контрреволюция не унималась. Во дворец ворвалась группа провокаторов, проникла в помещение редакции «Солдатской правды», облила керосином груду газет. Пожар был погашен.

Кшесинская снова помчалась к своему покровителю Керенскому. К дворцу прибыл вооруженный отряд Вре-

менного правительства, имевший задание действовать силой. Рабочие вызвали на помощь солдат Первого пулеметного, Московского и гренадерского полков. Гарнизон Петропавловской крепости предупредил, что если Керенский посмеет осуществить свою угрозу, то крепость ответит орудийными залпами. Отряд, подосланный Керенским и компанией, отступил.

Дворец на Кронверкском проспекте остался цитаделью большевиков. Часто приезжал туда Владимир Ильич Ленин, не раз выступал перед рабочими. 16 июня во дворце открылась Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) с участием Ленина. Как магнит, эта цитадель притягивала к себе петроградских рабочих, солдат и матросов. Они приходили туда с развернутыми знаменами, на которых были начертаны слова: «Вся власть Советам!»

Но уже приближался июль 1917 года. Контрреволюция готовила яростное наступление на рабочий класс и его большевистскую партию. В 12 часов ночи с 5 на 6 июля по распоряжению штаба Петроградского военного округа во дворце Кшесинской были выключены телефоны. На рассвете должен был начаться погром.

Петроградский комитет большевиков и Военная большевистская организация оставили дворец, чтобы через пять месяцев водрузить на нем знамя Советов. Теперь уже навсегда.

Небезынтересно как сложилась дальнейшая судьба большевика Мечислава Козловского. И что стало с дворцом царской фаворитки балерины Матильды Кшесинской?

В июльские дни 1917 года разъяренная толпа черносотенцев на одной из улиц Петрограда пыталась линчевать Козловского. Временное правительство бросило большевика в тюрьму, и сто дней он находился за решеткой.

Потом пришел Октябрь, и Мечислав Козловский снова в гуще политических событий. После пролетарской революции он стал теоретиком и строителем советской юстиции. Затем партия поставила его на пост председателя Малого Совнаркома, где он работал под непосредственным руководством Владимира Ильича.

Малый Совнарком, призванный первоначально к решению второстепенных вопросов в целях разгрузки от них Совета Народных Комиссаров, стал позднее одним из важнейших звеньев правительственного аппарата. Владимир Ильич придавал Малому Совнаркому большое значение, называл его своим первым помощником.

Мечислав Юльевич Козловский прожил досадно мало: тяжкий недуг оборвал его жизнь в 1927 году. Его друг и соратник Петр Стучка писал в «Правде» об ушедшем борце-коммунисте: «Он остался тем же выдержанным революционным марксистом, каким он был в первые дни революции 1917 г., в дни Апрельских тезисов т. Ленина, в дни июльские и октябрьские!»

Прошло почти полвека после описанных событий 1917 года. В парижскую Гранд-опера прибыла на гастроли прославленная балетная труппа из Советского Союза. Французская столица бурно встречала советских артистов.

В один из вечеров, после того как смолкли овации, из зала за кулисы медленно прошла очень старая женщина. Она то и дело останавливалась, будто не решаясь подойти к тем, кого так горячо принимал Париж.

Наконец, она подошла к артистам, долго молчала, не в силах вымолвить слова. Потом назвала себя:

— Я Кшесинская.

На эту девяностолетнюю старуху смотрели, вспоминали нечто далеко ушедшее, давно забытое. Она сказала, что пришла сюда, за кулисы, выразить свой восторг блистательному искусству новой России.

Около 10 лет назад Кшесинская, навсегда изгнанная восставшим народом в ту бурную весну 1917 года, умерла во Франции.

А на бывшем Кронверкском проспекте Ленинграда, как и десятилетия назад, стоит великолепный дворец. Построенный на народные деньги, он и стал теперь достоянием народа. Там уже давно находится Государственный музей Революции. На фасаде его высечены слова: «Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории».

СТУДЕНТ СОФИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

> «...Мы все грешим тем, что не оставляем для истории даже переписку между членами партии нашего времени, а она часто дает свежую картину происходящего... Через сто лет это будут читать с увлечением и по-новому и поймут наши трудности и наши победы и достижения.
> Горячий привет Вам, дорогой друг!»
>
> *(Из письма Александры Михайловны Коллонтай Семену Максимовичу Мирному, 17 ноября 1950 г.)*

Познакомился я с ним до войны, в начале 1940 года. Он пришел в иностранный отдел редакции газеты «Труд» и предложил написать статью об одном известном шведском миллиардере, связанном с гитлеровскими военными концернами. Через несколько дней статья появилась в газете. Отличало статью поразительное знание закулисных интриг магнатов индустрии.

Как-то незаметно он стал необходим редакции. В одной из комнат на полках лежала иностранная пресса. Он брал лондонскую газету «Таймс», парижскую «Тан», немецкую «Франкфуртер цайтунг», находил важные факты, делал выписки. Однажды я обратил внимание на то, что он читает венгерскую газету. «Вы знаете венгерский язык?» — спросил я. Он застенчиво улыбнулся и ответил утвердительно. «А еще какие?» Пробормотав что-то невразумительное, он перевел разговор на другую тему. Тогда мы попытались выяснить, какие европейские языки он не знает. В римской газете появилась статья журналиста Гайды, который в те годы был известен как рупор фашистского диктатора Муссолини. Среди нас не было сотрудника, знающего итальянский, и мы обратились к нашему новому автору с просьбой порекомендовать переводчика. Он молча взял газету, и через час статья была переведена. Потом он переводил статьи с датского, шведского, норвежского, болгарского, испанского. Закончив работу, говорил: «Вот, готово». После того как он перевел

статью из турецкой газеты, мы его больше не спрашивали о знакомых ему языках.

Война разлучила нас. Я знал, что он ушел на фронт рядовым солдатом, хотя ему было далеко за сорок. Снова встретились после войны. Уже был 1956 год. Настроение у него было приподнятое. Он сказал мне:

— Галилей был прав: она вертится, и вертится в правильном направлении.

— Где трудитесь? — спросил я.

— В Ленинской библиотеке, комплектую иностранную литературу.

Однажды я навестил его на Каляевской улице, где он жил долгие годы. Мы говорили о всякой всячине, вспоминали общих друзей и знакомых. Потом его жена сказала:

— Сеня, может быть, мы все же отметим? Ведь такое в жизни бывает не каждый день.

— А что собираетесь отмечать? — спросил я.

Он улыбнулся:

— Ничего особенного...

Но я видел, что он чем-то очень обрадован.

— Да не слушайте вы его. Он получил высшую награду Болгарии — орден Георгия Димитрова.

Я не мог тогда выяснить, за что именно он, советский гражданин, получил высшую награду братской страны. Он часто бывал у меня дома, я кое-что знал о его жизни, о чем-то догадывался, но на все мои вопросы он отвечал односложно: ничего особенного, все норма...

Последние годы он боролся с тяжким, неизлечимым недугом, но работал до последнего дня...

Хоронили его в холодный зимний день. Позвонили из болгарского посольства, сказали, что из Софии вылетел самолет с друзьями. Они приехали в последний момент, возложили на гроб теплые розы и гвоздики. Выступил представитель посольства, и в тишине прозвучали слова:

— Мне поручено сказать в этот траурный час, что Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии, болгарское правительство и болгарский народ выражают глубокую скорбь по случаю кончины нашего незабвенного друга и товарища, нашего брата Семена Максимовича Мирного.

Я знал его много лет. Знал о том, что он был близким другом Александры Михайловны Коллонтай, советником посольства в Швеции, Норвегии, Венгрии, консулом в Турции, но лишь когда его не стало, понял, что почти ничего о нем не знаю. Я вспомнил слова Расула Гамзатова: «Берегите друзей!» — и мысленно добавил: «И знайте друзей!» Я позвонил в землячество старых большевиков-подпольщиков. Ответ был краток:

— Он мог рассказывать о подвигах друзей, а о себе всегда молчал.

Тогда я обратился к архивным документам, к сохранившимся записям Мирного, написал болгарским друзьям и попросил их помощи. Болгары ответили: «Да будет рассказана правда о нем!»

Повествование о большевике-интернационалисте Семене Мирном начнем с того, что перенесемся на юг России, в Одессу первых лет революции.

НА ДУБКЕ ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ

Революция докатилась до Одессы через несколько недель после Октября — весна шла тогда с севера на юг. В январе 1918 года одесские рабочие взяли власть в свои руки. Но вскоре Одессу оккупировала армия кайзеровской Германии, а в декабре в город пришли англо-французские интервенты. Одесский областной комитет партии большевиков ушел в подполье.

Секретарем областного комитета была тогда Софья Ивановна Соколовская, известная большевикам под партийной кличкой «Елена» или «Елена Кирилловна».

Родившаяся в Чернигове в дворянской семье, Соколовская в юные годы уехала на Бестужевские курсы в Петербург. Там она вошла в революционный кружок, принимала участие в Октябрьской революции, затем была послана на подпольную работу в Киев, а оттуда в Одессу. Было ей тогда двадцать четыре года.

Эта худенькая, невысокого роста, больная туберкулезом женщина была умна, изящна, прекрасно воспитана, владела несколькими иностранными языками. Необычайно привлекательным было ее лицо, на котором блестели лукавые и смешливые темные глаза. На ее тонкую миниатюрную фигурку с копной каштановых волос женщины оборачивались, биндюжники с Молдаванки

приосанивались, чмокали губами и говорили: «Вот это да!», щеголи с Дерибасовской закатывали глаза.

О ее смелости и бесстрашии ходили легенды. В дни оккупации за ней охотилась вражеская контрразведка, а она появлялась на улицах Одессы, одетая в гимназическую форму с передником, чуть-чуть изменив свой облик, и никто не мог себе представить, что это и есть один из руководителей подпольного обкома большевистской партии.

...Москва внимательно следила за тем, что происходит в Одессе. Из Центра туда были направлены для работы среди иностранных солдат коммунисты: дочь парижского коммунара Жанна Лябурб, Драган Вальмаж, Стойко Ратков, Живанко Степанович и английский эмигрант под фамилией Кузнецов.

Эта группа коммунистов стала ядром Иностранной коллегии обкома партии. Вместе с ними действовали члены обкома Елин, Деготь, Залик, Штиливкер, Дубинский, Вапельник и другие руководящие коммунисты. Елена Соколовская, прибывший из Москвы представитель Коминтерна Жак Садуль и Жанна Лябурб развернули агитационную работу среди французских войск, где было много марокканцев, алжирцев, сенегальцев, вьетнамцев, насильно включенных колонизаторами в свою армию. Иностранная коллегия обкома партии издавала газету на французском языке «Коммунист», которая печаталась вместе с русской газетой «Коммунист» в подпольной типографии.

Во вражеском стане началось брожение. 16 апреля революционные французские матросы пытались захватить миноносец «Протей»; уже готовилось восстание на судне «Вальдек-Руссо». Агентам иностранной контрразведки удалось схватить Жанну Лябурб и других членов Иностранной коллегии. Их расстреляли. Елена Соколовская говорила о Жанне Лябурб:

«Таких пламенных, таких чистых энтузиастов... я не встречала. Безусловно хорошая коммунистка, опытная пропагандистка, товарищ Лябурб вся горела, всей душой была предана делу революции, и ее сильная красивая речь была полна захватывающего чувства революционной борьбы».

После казни Жанны Лябурб положение в оккупированной Одессе стало еще более напряженным. На Пере-

сыпи в рабочих кварталах не утихал возмущенный ропот. Подпольный обком партии собирал силы, готовил восстание против интервентов и белогвардейцев. Ждали удобного момента, и этот момент приближался.

В первых числах апреля 1919 года с северо-востока от станции Сербка в сторону Одессы стали отступать французы, и вместе с ними, поднимая пыль на дорогах, протянулась греческая кавалерия на мулах. В Одессе поползли слухи, их разнесли по городу всезнающие мальчишки и базарные торговки:

— Вы знаете последнюю новость? Нет, не знаете, так вы ничего не знаете. К нам идут красные. Вы не верите? Провалиться мне на этом месте, если я вру...

Слухи подтвердились, к городу приближалась какая-то армия, но лишь в областном комитете партии знали, что в ближайшие дни в город должна ворваться Заднестровская дивизия под командованием бывшего царского офицера Григорьева, о котором в народе ходили самые разноречивые слухи.

А тем временем Заднестровская дивизия, наступавшая со стороны Харькова, подошла к станции Сербка, и войска, как вода в половодье, струйками растеклись по домам обывателей, стали на постой перед последним прыжком на Одессу. Вечером близ железнодорожной станции командир дивизии Григорьев приказал созвать бойцов на митинг. Ему донесли о последней новости, появившейся в газетах: глава французского правительства Клемансо подал в отставку. Григорьев решил сообщить об этом дивизии.

Речь командира дивизии была краткой. Закончил он ее следующими словами:

— Мы выбили кресло из-под Клемансо.— И, повернувшись к оркестру, состоявшему из скрипки, баяна и барабана, который сопровождал дивизию во всех ее походах, громовым голосом приказал скрипачу-капельмейстеру: — Капельдудник! «Яблочко».

Капельмейстер взмахнул смычком, за ним грохнул барабан, растянул мехи баянист, и гимн Заднестровской дивизии «Эх, яблочко, куда катишься!» поплыл над нестройными солдатскими рядами.

Григорьев, которого в народе называли атаманом, сорокалетний офицер царской армии, прошедший всю

первую мировую войну, не был близок к большевикам. Солдаты его дивизии, в большинстве своем крестьяне, четыре года провели в окопах, не хотели расставаться с винтовками, мечтали о своей земле и семьях. Григорьев сказал им, что вместе с Симоном Петлюрой он разобьет царское войско генерала Деникина, который захватил Украину, и солдаты поверили своему командиру.

Полюбовная сделка оказалась недолгой. Григорьев вскоре понял, что народ Украины не поддержит Петлюру, прибыл в Харьков, обратился к командованию Красной Армии с просьбой принять его дивизию в регулярные войска. Время было трудное: иностранные интервенты и белые армии наступали на Петроград и Москву. Украина была оккупирована кайзеровскими войсками и их союзниками — войсками гетмана Скоропадского. Предложение Григорьева приняли. Ему придали комиссара-большевика и поручили двинуть Заднестровскую дивизию на Одессу, помочь изгнанию врага из этого города. Подпольный обком большевиков Одессы нанес интервентам удар в городе, а со стороны Пересыпи в город ворвалась Заднестровская дивизия. Одесса стала свободной.

Через десять дней Григорьев вывел свои войска на станцию Раздельная, поднял восстание против Советской власти, но был разгромлен частями Красной Армии и рабочими отрядами, бежал в штаб батьки Махно и там получил пулю в лоб. Но к лету 1919 года Одесса была свободной, и через этот порт поддерживалась связь с внешним миром, где назревали революционные события, особенно на Балканах.

И все же положение Одессы оставалось чрезвычайно трудным и сложным. Крым был оккупирован белыми армиями, на Украине хозяйничали деникинцы, петлюровцы, кайзеровские войска и гайдамаки, а на Одесском рейде стоял флот интервентов, заперевший выход из гавани.

Пестрой была жизнь города. Буржуазия прожигала жизнь в кафе, где можно было получить любое лакомство за баснословные деньги, работали кинотеатры, или, как их тогда называли, иллюзионы, в которых демонстрировались фильмы с участием популярной актрисы Веры Холодной, а рабочий люд голодал, и одесские

гавроши, готовые на любой подвиг ради дела революции, с горечью распевали:

Не ел я сегодня ни капельки даже,
Не ел со вчерашнего дня.
И я, как буржуи, купаюсь на пляже,
Но солнце не греет меня.

Одесский обком партии знал, что в любой день с севера в город вновь могут ворваться белые армии. И теперь, как никогда, надо было спешить использовать Одессу для связи с внешним миром рассказать народам Европы, какие цели преследует Октябрьская революция.

В конце июня Елена Соколовская получила сообщение, что из Крыма в Одессу направляются три большевика: Семен Максимович Мирный, Ян Карлович Страуян и болгарин Георгий Портнов. Семена Мирного Елена Соколовская знала. Он уже был в Одессе во время оккупации.

Знала она и Яна Страуяна, члена большевистской партии с 1903 года, литератора, автора книг «Лесные братья» и «Былое» в которых он рассказал о своих скитаниях в годы эмиграции и подпольной борьбы в Латвии, в Москве и Петербурге.

В конце июня 1919 года Страуян, Мирный и Портнов прибыли в Одессу. В крошечной комнатке Соколовской в обкоме партии Мирный сообщил о задачах, которые поставила Москва: группа отправится в Болгарию, там встретится с Димитром Благоевым, Василом Коларовым и другими болгарскими коммунистическими деятелями и ознакомит их с опытом легальной и нелегальной работы русских большевиков. Ян Страуян сказал Елене, что в Болгарии пробудет недолго, оттуда отправится в другие балканские страны. Времени мало, и надо спешить.

На далеком рейде мерцали огни вражеской эскадры. Как бы угадывая мысли друзей, Соколовская сказала:

— Выбраться в открытое море трудно, но мы уже не раз обводили оккупантов вокруг пальца. Ты, Семен, пойдешь на арбузную пристань, там биржа контрабандистов. Эти молодцы не трусливого десятка, но бесшабашные. Попытайся договориться с рыбаками. Местные колумбы уже давно освоили трассу Одесса—Варна, но

только... среди них есть всякие. Будь осторожен... Платить им будем солью и мукой. У нас есть кое-какие запасы для таких дел... Литературу привезли?

Мирный извлек из-под подкладки пиджака тонкую пачку папиросной бумаги, положил на стол. Соколовская пробежала заголовки, радостно улыбаясь:

— Это здорово, а мы здесь совсем без литературы.

Аккуратными тоненькими пачками разложила на столе листки книги Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», первые декреты Советской власти, доклад Ленина на Первом конгрессе Коммунистического Интернационала о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата и решения конгресса.

— Перепечатать придется,— сказала Соколовская,— не в каюте посдете — на лодке. Попадет вода, и бумага расползется. У нас поплотнее есть.

Весь июль Мирный и его товарищи находились в Одессе. Положение становилось все более тревожным и неустойчивым. По городу ползли слухи, что вот-вот в Одессе будет высажен с моря десант. Притаившаяся контрреволюция готовилась взять власть в свои руки и устроить резню. В квартиры большевиков подкидывали подметные письма: скоро будете висеть на фонарях. По ночам то тут, то там раздавалась стрельба.

Мирный все дни был занят до полуночи; на сон оставалось два-три часа. В Одессе в ту пору было немало болгарских коммунистов, бежавших от преследования царских властей. Георгий Портнов собрал их в обкоме партии. Мирный и Страуян подробно расспрашивали о положении в Болгарии, уточняли адреса в Софии и Варне.

На арбузной пристани Мирный сговорил человека, который согласился перебросить группу в Болгарию. Старик Амвросий, из старообрядцев, хозяин дубка — рыбачьей парусной лодки,— запросил дорого: два пуда соли и пять пудов муки-крупчатки. Но когда Мирный наотрез отказался платить грабительскую цену, старик согласился на пуд соли и три пуда крупчатки. Не отпускал Мирного, крутил пуговицу на пиджаке, укоризненно качал головой, ругал себя, что продешевил, и все спрашивал: «Ты какого сословия, милый, будешь?»

Заканчивалось и печатание ленинских работ. Брошюры Ленина и материалы Коминтерна набрали нонпа-

релью, чтобы меньше места занимали. Бумага была не ахти какая — желтая, оберточная, но тонкая и даже с глянцем. Соколовская и Мирный правили корректуру.

Уже в обкоме партии, в комнатке у Соколовской, литературу обернули ситцем и вшили аккуратно в подкладку пиджаков Мирного, Страуяна и Портнова.

В начале августа все было готово к отплытию. Решили отчалить девятого. Накануне поздно вечером вся группа собралась в обкоме. Видно было, что Соколовская тревожится за судьбу друзей, но старается спрятать волнение за улыбкой и шуткой. Лишь перед самым отъездом, уже прощаясь, сказала:

— Болгарских друзей отправляла в путь-дорогу, а вот с заданием Москвы, прямо к Димитру Благоеву — вас первых. Ну, ни пуха ни пера, товарищи!

9 августа 1919 года, поздно ночью, когда Одесса спала тревожным сном, Семен Мирный, Ян Страуян и Георгий Портнов на рыбачьей лодке Амвросия отчалили из порта. Дубок тихо проскользнул мимо вражеской эскадры и вышел в открытое море. Редкие огни Одессы остались позади и гасли один за другим.

Амвросий, глянув на небо, в котором мерцали звезды, перекрестился и сказал: «Ну, с богом, апостолы!» — и подтянул парус.

Попутного ветра, друзья! А пока лодка плывет через Черное море, познакомимся поближе с Семеном Мирным.

Чтобы узнать о юношеских годах Мирного, я обратился не к архивам маленького латышского городка Грива, где он родился в 1896 году, а в Софийский университет. Там я почерпнул сведения о студенте Семене Мирном, оттуда потянулась ниточка в Ригу и Петроград.

Семен рано оставил отчий дом. Отец, служащий лесничества, умер в начале века, мать работала страховым агентом в обществе «Россия», взяв на себя заботу о четверых детях. Семен уехал в Ригу, где поступил в частную гимназию Ривоша. Учился средне, но зато баллы, выведенные в «свидетельстве» после испытания, проведенного «под наблюдением депутатов от Рижского учебного округа», говорят о недюжинных лингвистических способностях: латышский, греческий, латинский, немецкий и французский языки он сдал хорошо и получил

«право на поступление без испытаний в соответствующий класс правительственных мужских гимназий».

В 1915 году Семен Мирный уже в Петрограде, студент университета. Там он оказался в гуще бунтующей молодежи и определил свой путь. В его крохотной комнатушке в доме на Екатерининском канале собираются ближайшие друзья, бурно обсуждают события на фронте. Изредка к нему заглянет прислуга из господской квартиры, молодая украинка Фроська, попавшая в Петроград из тихого села под Киевом. Постирает белье, выгладит, тихо скажет:

— Паныч, годи тую мудрость учиты, идить погуляйте...

В феврале семнадцатого Семен надел красный бант и вместе со всеми вышел на демонстрацию. В партию большевиков он вступил через год. Но в октябре он штурмовал Зимний дворец и принимал участие в аресте Временного правительства. Его узкое, интеллигентное лицо с очками, прикрывающими близорукие глаза, хорошо запомнил царский министр Щегловитов. Через некоторое время они встретятся в доме Чрезвычайной комиссии в Москве. Семен Мирный выйдет из кабинета Дзержинского и в коридоре лицом к лицу столкнется с Щегловитовым, которого ведут на допрос. «Товарищ, вы меня не узнаете?» — неожиданно обратится «бывший» к Семену Мирному. «Я вам не товарищ»,— ответит Мирный, и они разойдутся.

Осенью 1918 года Семена Мирного послали на подпольную работу в Крым. Позднее, в январе 1961 года, он напишет в своей автобиографии:

«В 1918 году в условиях деникинщины был одним из организаторов и участников нелегального областного съезда Таврической партийной организации в Симферополе 1 декабря 1918 года. Был избран в обком... По поручению съезда я отправился в Центр для переговоров о нашей дальнейшей тактике в Крыму и образовании Таврической Советской Республики после выхода из подполья. Через Одессу, где у нас была постоянная связь и явка к секретарю Одесского подпольного обкома партии Елене Соколовской, я получил партийную явку в Киев (там были петлюровцы), а оттуда — в Харьков и затем в Москву».

* * *

Конец 1918 года. Армии генерала Деникина, банды Симона Петлюры, батьки Махно, атамана Тютюника, атаманши Маруськи жгут города и села. Стон от погромов и истязаний идет по всей Украине. Через это пекло пробирался Семен Мирный в Москву.

Бюро областного комитета партии направило в Москву еще одного человека — члена обкома Шульмана. Он направился через Джанкой. Если провалится Шульман, то, может быть, Мирному удастся добраться до Москвы. Там должен быть решен вопрос о совместных действиях по освобождению Крыма от белых армий и об образовании Крымской Автономной Советской Республики.

Из Симферополя Мирный выехал на лошадях — трое суток мчали его кони к Сивашу; теперь вдоль побережья надо пробраться в Одессу, захваченную белыми. В кармане бумага, удостоверяющая, что «Семен Мирный является студентом Таврического университета», а в голове «легенда», которую он расскажет, если будет арестован беляками: папу, владельца мукомольни, убили большевики, а сам он бежал от террора.

И вот он на Украине. Может быть, удастся найти какого-нибудь извозчика. За деньги теперь ничего не достанешь, да и какие деньги на Украине — керенки, оккупационные марки — кайзеровские бумажки и метелики — валюта ясновельможного пана гетмана Скоропадского. За миллион коробку спичек не купишь.

Но в Крымском обкоме партии все предусмотрели. В заплечном мешке у Мирного лежит то, что дороже золота,— пять фунтов соли. За фунт соли его везут через Николаев в Одессу. Там его ждет Елена Соколовская. Они никогда не виделись, но по приметам она должна его узнать: связные партии подробно описали его внешний вид, и он должен сообщить пароль.

Из записей Мирного можно безошибочно установить, что в эту свою первую поездку в Москву через Одессу, где впервые встретился с Еленой Соколовской, он два месяца пробирался сквозь строй врагов, и лишь одна деталь его одиссеи известна благодаря записи, сохраненной родными.

Это произошло на узловой станции между Киевом и Харьковом. Его задержали гайдамаки, избили и повели

на расстрел. У железнодорожного перехода пожилой усатый гайдамак, который вел его за околицу, наткнулся на молодую, красивую женщину с пронзительно черными глазами, всю одетую в меха. Она пристально посмотрела на Мирного, подбежала к нему и вскрикнула:

— Паныч, да шо вы тут робите?

Мирный посмотрел на нее своими близорукими глазами. Что-то знакомое мелькнуло в памяти, но он ее не узнал. К счастью, она его узнала:

— Да я ж Фроська, прислуга с Екатерининского канала в Петербурге. Неужто не признаете?

Поняв, какая опасность грозит Мирному, Фроська, как тигрица, накинулась на гайдамака:

— Ты шо, не узнаешь меня, боров?

— Да это ж коммунист, приказано в расход,— завопил гайдамак.

— Вон! — закричала Фроська и добавила к своему приказанию пощечину.

Гайдамак побежал докладывать начальству. А Фроська рассказала Мирному, что бежала из Петрограда к себе на Украину, вышла замуж за начальника гайдамаков и теперь она первая дама во всей округе. Муж старше на сорок лет, да ей плевать, зато живет она как королева.

Не теряя времени, Фроська повела Мирного к себе домой и спрятала в каморку, где лежал всякий хлам. Муж не заставил себя долго ждать, примчался домой, накинулся на Фроську:

— Ты тут коммуниста отбила?

Фроська знала, как обращаться со своим муженьком:

— Да врет все твой старый дурак. С пьяных глаз брешет, а ты на жену кидаешься.

Он было не поверил, да Фроська накрыла на стол, поставила всякой снеди, графин с горилкой, в рюмку сама подливала, и тот свалился: спи, старый черт! Вечером вывела Мирного за околицу, сказала, как идти, чтобы миновать гайдамацкие посты.

Долго он блуждал по дорогам. Под напором Красной Армии белые полки откатывались на юг, оставляя на своем пути виселицы и сожженные города. Когда Мирный добрался до Харькова, там уже установилась Советская власть. В небольшом здании в центре горо-

да размещался Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. Мирный ходил из комнаты в комнату, искал секретаря ЦК. В коридоре встретил Шульмана. Тот радостно бросился к нему на шею.

В воинском эшелоне, забравшись в теплушку, они выехали в Москву. Эшелон останавливался на каждом полустанке, не хватало дров для топки, местами был взорван путь. Через неделю в морозной дымке показалась Москва.

Белокаменная дымила «буржуйками», трубы торчали из всех окон и гляделись из всех этажей. У пустых магазинов вились очереди за хлебом и пшеном. На Курском вокзале было черным-черно от мешочников, среди них шныряли карманники, беспризорники.

В Кремль посланцы Крымского обкома добрались пешком — трамваи ходили редко, и брать их надо было штурмом. В тот же день начали выполнять порученное им дело.

10 декабря 1918 года газеты «Жизнь национальностей» опубликовала сообщение:

«Приехавшая в Центр группа членов подпольного О. К. (Мирный, Шульман и др.) получила от Наркомнаца и ЦК РКП согласие на образование Крымской Советской Республики...»

Выдержка из автобиографии Мирного:

«По окончании переговоров в Москве мы отправились в Крым и прибыли туда в первый день выхода Ревкома из подполья в начале апреля 1919 года. Я был назначен редактором областного органа партии «Таврический коммунист» и одновременно вел работу с группой Субхи[1], прибывшей через некоторое время в Симферополь.

Крым был нами оставлен в конце июня 1919 года. Я с частью членов обкома, Совнаркома и Яном Страуяном эвакуировались в Одессу...»

Так Семен Мирный летом 1919 года оказался снова в Одессе, чтобы оттуда направиться в Болгарию.

...Берег уходил все дальше. Мелькнули последние огоньки вражеской эскадры. Далеко на юго-западе лежала Варна. Что ждет их там, что принесет им монархическая Болгария? Революционеры во главе с Димит-

[1] Группа турецких коммунистов из военнопленных.

ром Благоевым ведут там борьбу, но полиция куда сильнее, заодно с нею действует разведка стран Антанты. Конечно, русским в Болгарии легче, чем где бы то ни было: ведь меньше полустолетия прошло с тех пор, как Россия спасла эту страну от оттоманского ига, и еще многие помнят бои на Шипке, но болгарский царь приютил белых эмигрантов, а большевиков он отправляет в тюрьмы...

К утру море забелело барашками. Амвросий привстал, из-под руки оглядывая горизонт. С севера шли тучи. Лодку бросало с волны на волну.

«Море было,— записал Мирный,— особенно бурным в течение двух дней. Нас заливало водой. Хозяин лодки, пожилой старообрядец, встал, перекрестился и сказал: «Дети мои, молитесь каждый своему богу, кто как умеет».

Хозяин дубка Амвросий принадлежал к секте, обживший юг России и румынские берега. Высоченный, с окладистой бородой и глубоко сидящими глазами на иссеченном ветром лице, он был похож на пророков, какими их рисуют на иконах.

До империалистической войны Амвросий промышлял рыбу на здоровенном баркасе, продавал улов в Одессе, сбывал перекупщикам. В конце лета, когда на бахчах Румынии дозревали арбузы, гнал шаланду в Констанцу, по дешевке скупал урожай в прибрежных деревнях и сбывал его в Одессе с выгодой.

В войну Амвросий стал зашибать большую деньгу: возил контрабанду, сбагривал дезертиров к болгарским берегам. Осенью шестнадцатого года он возвращался из Румынии с ценным грузом — вез каракулевые шкурки, спрятанные в мешках. Был старик на шаланде не один — с верным слугой Федором, сорокалетним мужиком, тоже старообрядцем, которого еще в молодые годы приставил к себе на службу. Поднялась буря, и шаланда стала тонуть. Амвросий спустил лодку, кинул туда мешки со шкурками. Хотел Федора прихватить, да места не было. Стукнул он его железным ломиком по темени, за борт скинул, перекрестил двумя перстами, как положено: «Иди, милый, с богом. Иди. Бог дал, бог и взял...»

...На четвертые сутки путешествия Мирного, Страуяна и Портнова море утихло. Дубок легко шел под парусом, переваливаясь с волны на волну. Страуян и Портнов,

измученные бурей, заснули на носу лодки. Семен прикорнул на корме, подложив под голову пиджак и уткнувшись в ноги Амвросия. Старик не спал, не выпуская из рук длинный плоский шест руля; казалось, ему все нипочем, только лицо его стало еще более морщинистым и суровым.

Проснулся Семен под утро. Сильно болела шея. Пиджака под головой не было. Семен резко поднял голову и столкнулся лицом к лицу с Амвросием. Старик в упор смотрел на него, держа в руках короткий железный лом. В голове Семена молнией промелькнуло предупреждение Елены Соколовской: при выборе лодки будь осторожен, среди этих хозяйчиков всякие есть.

«Неужели Страуян и Портнов все еще не проснулись?» Страшная догадка осенила Мирного. Перехватив взгляд Семена, повернувшего голову в сторону носа лодки, старик тихо спросил:

— Куда ассигнации спрятал и золотишко?

Только теперь Семен увидел свой пиджак, лежавший на корме. Подкладка была подпорота.

— Что молчишь? — тихо спросил Амвросий. В его глазах светилась недобрая усмешка.

— Нет у меня ничего, старик.

— А тут что?

Амвросий поднял пиджак и стал обминать его у воротника.

— Рекомендательные письма везу одному фабриканту.

— Врешь. Писем что-то больно много.

Семен, не вставая и в упор глядя на Амвросия, ответил:

— Чертежи важного изобретения везу. Поглядите, если не верите.

Старик пошевелил бровями, как бы что-то соображая.

— Продавать будешь?

— Да... На чужбину еду. Жить как-то надо.

— Много дадут?

— Постараюсь содрать...

На носу лодки зашевелились. Амвросий метнул туда взгляд, бросил Семену пиджак, прошипел:

— Цыть, если жить хочешь... Без меня не доплывете, утонете,

Семен согласно кивнул головой, Страуян, шумно закашлявшись, приподняв голову, спросил:

— Когда в Варне будем, дед?

— Да еще дня четыре, а то все пять переть. Как ветер поможет.

И снова была ночь. Семен не спал. От напряжения и усталости липкая, холодная испарина покрывала все тело. Страуян понял: что-то произошло, но в море на лодке надо молчать. Не спускал глаз с Амвросия. Ночью предупредил Портнова, что спать будут по очереди.

На восьмые сутки на горизонте в сиянии восходящего солнца показалась Варна. Дубок, набирая скорость, пошел к берегу и в стороне от гавани ткнулся носом в песчаную пустынную отмель. Путешественники вышли на берег, бросились на теплый песок, жадно вдыхали запахи земли, острый аромат цветов, увядающих под южным солнцем. Старик закрепил лодку, ушел в город, не сказав ни слова.

В БОЛГАРИИ

К вечеру Георгий Портнов увел друзей на квартиру Григора Чочева, деятеля Варненской организации коммунистов. В озарении солнца Варна казалась красавицей.

Но на частной квартире долго нельзя было оставаться: полиция следила за всеми «подозрительными». Ночью к Чочеву пришел секретарь Варненской организации БКП Димитр Кондов. По его совету Мирный и Страуян на следующий день поселились в лучшем отеле города «Сплендид». Документы у них отменные: Мирный значился студентом Таврического университета, а Страуян — литератором. Придумана и «легенда»: оба бежали из Одессы от «террора большевиков». В Болгарии в то время было много белых эмигрантов, и версия, казалось, не вызовет подозрений.

Уютный номер в отеле «Сплендид» позволил забыть невзгоды недавнего путешествия, но блаженство длилось недолго. Вечером, когда после конспиративной встречи они шли в отель, их арестовали, и через несколько минут они уже сидели в городском полицейском управлении на допросе, а еще спустя час за ними закрылись двери камеры предварительного заключения.

Қ счастью, секретарь окружного полицейского управления оказался большим любителем ракии — болгарской водки. Решив, что его арестанты — люди состоятельные, он предложил: ночью и весь день они в камере, а вечером идут вместе с ним ужинать в ресторан Приморского парка, конечно, за их счет. Согласие было дано. И вот как только солнце прятало свой диск за горы, камера открывалась, Мирный и Страуян вместе с полицейским чином направлялись в ресторан. Полицейский следовал за ними в полной форме с пистолетом на боку. Выпив две рюмки ракии, он заводил беседу на литературные темы, съедал бифштекс, потом еще один и отводил своих подопечных в камеру.

Походы в Приморский парк чуть не кончились трагически. В один из вечеров, когда полицейский, насладившись ракией и бифштексами, кейфовал, к их столику подбежала молодая девушка и, чуть не бросившись Страуяну на шею, вскрикнула:

— Дорогой Ян Карлович, какими судьбами вы здесь оказались? Как я рада, как я рада!..

Страуян понял, что они проваливаются окончательно и бесповоротно, если не произойдет чуда. Прелестная девушка — ее звали Мила — оказалась ученицей Страуяна. В годы эмиграции в Париже он преподавал там русскую литературу детям из русской колонии. Мила была одной из его лучших учениц. После Октябрьской революции она вместе с отцом оказалась в Варне — и вот эта встреча с любимым учителем. Ну как не радоваться!

Полицейский насторожился. Страуян, молниеносно оценив обстановку, улыбнулся Миле:

— Знакомьтесь, это наш друг!

Полицейский, крякнув, приложил руку к козырьку. Наступила пауза.

— А почему вы в таком... я хочу сказать... сопровождении?..

— Понимаете, Милочка, произошла ошибка, так сказать, недоразумение. Оно выясняется сейчас.

Мила, наконец, поняла, что в такой ситуации не следует задавать вопросы. Мирный взял изрядно нагрузившегося полицейского под руку. Страуян шепнул Миле, чтобы она немедленно связалась с секретарем Варненской организации Болгарской компартии Кондовым и сообщила ему, что Мирного и его завтра этапным поряд-

ком высылают в Софию — ими заинтересовалась контрразведка.

В конце октября Мирного и Страуяна под охраной отправили поездом из Варны в Софию на дополнительный допрос, с тем чтобы потом передать белогвардейцам в Стамбуле.

Теперь нельзя медлить, и ЦК БКП принимает решение организовать побег русских большевиков. В вагон, в котором проследуют арестованные, направляют опытного конспиратора. Он связывается с конвоиром-болгарином и предлагает ему такой план: тот «внезапно» заснет, и арестованные смогут бежать. Конечно, он будет наказан, но эти неприятности ему компенсируют. Однако конвоир непреклонен. Тогда в ход пускается ракия. Как все полицейские, он большой любитель спиртного. Возлияние следует за возлиянием, и, когда поезд приходит на Софийский вокзал, конвоир уже пьян.

Арестанты покидают вагон и быстро скрываются в толпе. На привокзальной площади они садятся на извозчика и прибывают на квартиру доктора Наима Исакова. Не задерживаясь, направляются к одному из руководителей ЦК БКП Василу Коларову, которому специальный связной сообщил о побеге.

Уже в начале нашего века Васил Коларов стал одним из признанных лидеров болгарского рабочего движения, в которое он вступил во второй половине 90-х годов в двадцатилетнем возрасте. Еще до первой мировой войны рабочие Болгарии послали его своим депутатом в парламент. Вместе с Димитром Благоевым он понимал и ценил великое значение русского революционного движения, был тесно связан с агентами ленинской «Искры» и Октябрьскую революцию воспринял как поворотный пункт в истории всего человечества.

На Третий конгресс Коммунистического Интернационала в Москву он прибыл не только как делегат своей партии, но и как политический секретарь ЦК БКП и был избран членом Президиума Исполкома Коммунистического Интернационала. Через два года он возглавит сентябрьское восстание, будет заочно приговорен к смертной казни и надолго покинет свою родину. Но тогда, в 1919 году, он был в Софии и вместе с Благоевым руководил коммунистической партией.

Коларову сорок два года, Мирному — двадцать три.

Но перед Коларовым—человек, с которым можно поговорить на равных, к нему прибыл член Крымского подпольного обкома партии. Коларов предложил Мирному легализоваться. Лучший способ — поступить в Софийский университет, на филологический факультет. Тем более что у него есть студенческий билет слушателя Таврического университета.

Коларов подробно расспросил Страуяна о московских делах, о Владимире Ильиче. Сказал, как о деле решенном, что Мирный и Страуян в целях конспирации будут жить на разных квартирах. Для Мирного уже сняли номер в отеле «Наполеон». Страуян теперь должен забыть на время свое имя.

— Получайте,— сказал он Яну Карловичу, передавая ему паспорт.— Отныне вы Юрий Яковлев, русский литератор. Устраивает?

— Вполне!

— Тогда начинайте новую жизнь. Поселитесь на квартире Симеона Пайчева. Это учитель, коммунист, с ним уже договорились.

— Из болгарских архивных документов:

«Семен Мирный и Ян Страуян оказали большую помощь Центральному Комитету БКП в деле ознакомления с опытом большевиков. Они участвовали в работе редакции «Работнически вестник» и «Ново време», где помогли правильному решению некоторых дискуссионных вопросов, в подготовке материалов, отражающих завоевания Октябрьской революции в России и опыт большевиков».

Мирного без особых хлопот зачислили студентом в Софийский университет. Начались регулярные посещения лекций, народной библиотеки. Но как только кончались лекции, «студент» отправлялся в ЦК БКП. В те месяцы буржуазия и ее агентура в рабочем движении усилили атаки на Советскую Россию. Газеты печатали вымыслы о положении в Москве и Петрограде, перепевали злостные выпады печати других стран. Особенно усердствовал А. Цанков, написавший по специальному заказу клеветническую брошюру «Большевизм и социализм». На совещании у Коларова было решено, что ответить Цанкову должен Мирный. 15 декабря 1919 года в газете «Работнически вестник» появилась его статья за подписью «Русский рабочий Миронов» и оза-

главленная «Ответ клеветникам на русскую революцию».

Поздно вечером, когда Мирный возвращался в гостиницу «Наполеон», портье, давно уже за ним пристально наблюдавший, не раз спрашивал: «Трудно господину студенту учиться?» — и подозрительно оглядывал его толстенный портфель. А в портфеле не только учебники, но и работа Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Литературу, привезенную из Одессы, он передал в ЦК БКП. Некоторые материалы были переведены и напечатаны в «Работнически вестник» и «Ново време», а книгу Ленина поручили переводить Петру Искрову и Семену Мирному. Вскоре она была издана в Софии. Мирный был в гуще событий. На совещаниях в ЦК БКП он выступил с сообщениями о деятельности Крымского и Одесского подпольных комитетов большевиков в условиях вражеской оккупации. На собраниях, где развертывались дискуссии о путях рабочего движения в Болгарии, рассказывал об опыте большевиков, горячо защищал путь, избранный руководством БКП.

В тот период в ЦК БКП сложилось руководящее ядро во главе с Димитром Благоевым, Георгием Димитровым, Василом Коларовым; оно твердо вело партию коммунистов по ленинскому пути. Семен Мирный и Ян Страуян стали их бойцами и помощниками в борьбе против левацких уклонов, в защите марксистской линии ЦК БКП.

Вскоре после приезда в Софию Васил Коларов привез как-то Мирного на квартиру к Димитру Благоеву — Дядо. Благоеву было около шестидесяти пяти лет. В последнее время он все чаще болел. Только что, в начале 1919 года, под его руководством завершилось дело его жизни: преобразование созданной им партии «тесняков» в Болгарскую коммунистическую партию.

В небольшой, забитой книгами квартире встретились патриарх болгарского и русского революционного движения и молодой деятель Российской Коммунистической партии большевиков — оба в прошлом студенты Петербургского университета: Благоев — в начале 80-х годов прошлого века, где он создал свой знаменитый марксистский кружок, а Мирный — в середине второго десятилетия нашего века.

В ту, первую, встречу с Мирным Дядо пристально, с глубоким интересом разглядывал своего гостя.

С 1885 года, когда жандармы выслали Благоева из России, там он больше никогда не был и мало общался с русскими революционерами. Благоев внимательно изучал труды Ленина, и на его полках стояли ленинские работы, им самим переведенные на болгарский язык. И вот теперь перед ним молодой большевик из новой России.

— Расскажи про Петербургский университет,— попросил Благоев.— Тех, кого я знал, давно уже нет, конечно. А аудитории все такие же? Как там наш физико-математический факультет? И наша библиотека?.. Да, много лет прошло, а как будто все это было вчера...— Он долго не мог отогнать нахлынувшие воспоминания и все расспрашивал: — Мне сказали, что ты приехал из Одессы на лодке... а меня в марте 1885 года этапным порядком жандармы отправили из Одессы в Варну на пароходе «Цесаревич»...

Мирный сказал Благоеву, что вместе с Искровым переводит на болгарский язык работу Ленина и публикует статьи в газетах.

— Я читал твои статьи. Ты понимаешь наши задачи и нашу жизнь. У меня просьба к тебе: напиши статью о роли русской интеллигенции в революции. Это очень важная тема.

Семен Мирный выполнил это поручение Благоева.

Любопытна еще одна из записей Мирного:

«Знаменитое здание у Львовия моста с редакциями газеты «Работнически вестник» и журнала «Ново време» стало моей первой политической академией. Нетрудно понять мое волнение, когда в кабинете Кабакчиева обнаружил подшивку «Искры». Я забросил университет и семинарские занятия, манкировал лекциями уважаемого профессора Милетича, жадно впитывал неиссякаемую мудрость ленинских идей.

Под одной статьей на тонкой папиросной бумаге «Искры» была подпись: «Македонец» и рядом расплывшимися чернилами дописано: «Благоев». С подшивкой «Искры» я зашел к Дядо в редакцию «Ново време». Там как раз находился секретарь Софийской партийной организации «тесняков», мой большой друг Антон Иванов.

Благоев говорит Иванову, указывая на меня: «Дай русняку билет в Народное собрание. Пусть почувствует буржуазную демократию в действии».

Антон дал мне пропуск, и я направился в Народное собрание. Вахтер в здании парламента виртуозно обшарил мои карманы и пропустил меня на хоры. В это время выступал коммунист Мулетаров. Высокого роста, с густой черной бородой, этот адвокат был темпераментным оратором и вызвал ярость реакционеров в парламенте. Одетые в меховые жилеты, дружбаши бросились к Мулетарову, и вот-вот должно было начаться побоище. Но к трибуне уже шел Димитр Благоев. В зале наступила та редкая тишина, которую обычно называют «мертвой». Все вернулись на свои места. Тихим, спокойным голосом Дядо произнес речь, куда более острую, чем речь Мулетарова. Но никто не посмел выступать против него...»

Благоев все чаще виделся с Мирным. В непринужденной обстановке в редакции «Ново време» и на квартире Дядо долго длились их беседы.

В редакции Благоева проходили совещания, обсуждались статьи, наметки будущих выступлений. Дядо выслушивал присутствовавших, потом давал свои замечания, не навязывая своего мнения. «Это был какой-то монолитный сплав глубокой человечности, предельной простоты и проникновенного умения убеждать людей в правоте избранного нами пути»,— записал Мирный.

Однажды вечером после долгой беседы о литературе и долге человека перед обществом Благоев подарил Мирному свою книгу «История русской революции» и надписал посвящение своему молодому другу.

На квартире у Благоева Семен впервые увидел Невяну Генчеву. Она вошла и остановилась у двери.

— Проходи, проходи, Невяна, и познакомься,— подбодрил ее Дядо.

Невяна подала Мирному маленькую, теплую руку, с интересом посмотрела на парня из России. Так состоялось знакомство, перешедшее в нежную дружбу, промелькнувшую как яркая комета на их небосклоне.

«В длинные зимние вечера мы с Невяной гуляли по мокрым туманным улицам Софии. Бесконечно длились наши разговоры, мы спорили, смеялись, шутили. Мы забывали все на свете... Город уже спал, а мы все брели по улицам, и мысли уносили нас все дальше и дальше в будущее, в Государство Солнца, воспетое Томазом Кампанеллой...»

Полиция следила за Мирным и Страуяном. В конце февраля 1920 года тот самый портье гостиницы «Наполеон», подозрительно поглядывавший на разбухший портфель Мирного, спросил сердобольным голосом:

— Трудно учиться господину студенту? — и как бы невзначай дотронулся до портфеля: — Что у вас там?

— Не пипай, опасно за живота. Тука бомба! — полушутливо ответил Мирный («Не трогай, опасно для жизни. Тут бомба!»).

Портье криво улыбнулся и отдернул руку. И надо же, чтобы через несколько дней в театре «Одеон», в центре Софии, произошел врыв и вслед за тем началась полицейская охота за коммунистами. 3 марта 1920 года софийская полиция арестовала Мирного и выслала из столицы в городок Хасково.

Но мог ли он остаться в провинциальной глуши, вдали от Благоева, Димитрова, Коларова, вдали от борьбы! И вдали от Невяны! Через десять дней он бежит из-под надзора полиции и снова в Софии, у Димитра Благоева, у Васила Коларова, вместе с Антоном Ивановым, Христо Кабакчиевым и другими деятелями Болгарской компартии пишет статьи, выступает на диспутах.

В апреле 1920 года Мирный навсегда прощается с Димитром Благоевым. Дядо передает ему приветы в Москву, тепло обнимает. Они уже никогда не увидятся. Васил Коларов вручает партийный мандат на полотне, который Мирный зашивает в подкладку костюма.

Наступает последний день в Софии. Он уже попрощался со всеми друзьями. В этот вечер он будет только с Невяной.

Весна. София в зелени рощ и садов Они медленно поднимаются на гору Витошу. Внизу, в туманной дымке, будто сказочное видение, распластался город...

— Ты вернешься? — спрашивает Невяна.

Семен молчит. Он не знает, что ей ответить, потом тихо признается:

— Я себе не принадлежу.

Он был прав. Ему тогда даже не удалось повидать Родину. Начался новый этап деятельности: Вена, Берлин, Париж.

Еще через месяц он уже в Швейцарии. Там его арестовывают и присуждают к нескольким неделям тюрьмы. Об этом строки в автобиографии;

«По отбытии наказания меня выслали в Германию. Я убедился, что и в швейцарской полиции берут взятки. Сопровождавший меня для нелегального перехода немецкой границы полицейский горячо поблагодарил за пять франков «чаевых».

Теперь Германия была только транзитным плацдармом. В середине 1921 года Мирный уже в Петрограде. С удостоверением, в котором сказано, что «русский коммунист товарищ Мирный командируется в Москву, в ЦК РКП», он отправляется в столицу.

ПОЕЗДКА К КЕМАЛЮ-ПАШЕ

После подполья, арестов, конспиративных квартир жизнь в Москве показалась непривычно безоблачной. Здесь все было новым и необычным. Начиналась бойкая торговля, открывались магазины с яркими витринами. Появился новый тип преуспевающего нэпмана, разъезжающего на рысаке, прожигающего жизнь в ночных ресторанах, на курортах, в злачных местах.

Не все и не сразу поняли неизбежность и необходимость перехода к нэпу — новому курсу ленинской политики, провозглашенному во имя укрепления революционных завоеваний. Через год, весной 1922-го, на XI съезде РКП Владимир Ильич скажет партии и народу, что отступление закончено, а в ноябре того же года на IV конгрессе Коминтерна констатирует, что «экзамен выдержан» и страна быстро двинется по пути экономического строительства.

Но тогда, в 1921 году, подняли голову троцкисты, меньшевики, заявила о себе и «Рабочая оппозиция». Партию сотрясали диспуты и дискуссии. Да и не все близкие друзья могли сразу понять происходящее. Вскоре после приезда в Москву Мирный встретил на вокзале болгарского друга, бежавшего из Софии. По дороге на квартиру Мирного они проезжали через Охотный ряд. На приземистом одноэтажном здании чернела вывеска: «Торговля братьев Трофимовых». Болгарин разочарованно заметил: «Я думал, что в Москве на каждом шагу библиотеки, а у вас, оказывается, есть частная торговля».

Во всем этом надо было разобраться, все пережить, понять.

В том же 1921 году ЦК РКП(б) посылает Семена Мирного на учебу в Военную академию (ныне Академия имени М. В. Фрунзе), где он оказывается в гуще политической жизни. В архиве сохранилось удостоверение:

«Сим удостоверяется, что предъявитель сего Мирный Семен Максимович общим собранием, состоявшимся 9-го декабря, действительно избран депутатом в Хамовнический районный Совет от Военной академии».

Его избирают секретарем партийного бюро Восточного отдела академии и членом Центрального партийного бюро.

Программа в академии была сжатой. Стране нужны были образованные люди, а времени было мало: учебный курс был до предела насыщен разными дисциплинами. Сохранился фотодокумент: Георгий Васильевич Чичерин и комиссар академии Ромуальд Адамович Муклевич (будущий начальник Военно-Морских Сил Советского Союза в конце двадцатых — начале тридцатых годов) среди выпускников академии, получивших дипломы с оценкой «очень хорошо». В этой небольшой группе военных дипломатов — двадцатишестилетний Семен Мирный. Академия была для него испытанием и фронтом. Именно тогда он получает свое первое дипломатическое задание — выехать в Турцию, встретиться с Кемалем-пашой, передать ему послание правительства Советской России.

Поручение Семену Мирному было эпизодом в борьбе Советской России за мир на земле и освобождение угнетенных народов.

Этой борьбой руководил Ленин, создавший сразу же после Октября дипломатический штаб из вчерашних большевиков-подпольщиков.

И вот результат усилий молодой советской дипломатии, руководимой В. И. Лениным: внешнеполитическая блокада нашей страны прорвана. Одно государство за другим признали Советскую Россию. Однако в начале 20-х годов обстановка была еще очень сложной. Только что кончилась гражданская война и была разгромлена иностранная интервенция. В стране царили голод и разруха; страшная засуха обрушилась на Поволжье; от истощения погибали тысячи людей. Советскую Россию еще терзала внутренняя контрреволюция. Но и в этих условиях Ленин и партия большевиков делали все возмож-

ное, чтобы рассказать всем людям на земле о задачах и целях Советской власти, помочь угнетенным народам освободиться от колониального ярма. Турции, как южному соседу и стране, боровшейся против иностранной интервенции и прогнившего султанского режима, Ленин уделял особое внимание.

А обстановка в Турции была сложной и трудной. Еще в 1919 году здесь под руководством Кемаля были созданы революционные «Комитеты защиты прав». Власть султана была подорвана, но на помощь ему пришли иностранные штыки: английские интервенты высадились в Константинополе и разогнали парламент. Значительная часть депутатов была арестована и сослана на остров Мальту, однако группе в шестьдесят человек удалось бежать; они присоединились к Кемалю. 23 апреля 1920 года в Анкаре было открыто Великое национальное собрание Турции.

Но Англия и Греция начали наступление против Кемаля и его сторонников. Используя свое превосходство в силе, они захватили ряд населенных пунктов и подошли к Анкаре. И вот тогда-то Советское правительство оказало турецкой революции военную и экономическую помощь, которая сыграла огромную роль в ее борьбе за независимость. 29 ноября 1920 года Кемаль телеграфировал народному комиссару иностранных дел Георгию Васильевичу Чичерину:

«Мне доставляет величайшее удовольствие сообщить вам о чувстве восхищения, испытываемом турецким народом по отношению к русскому народу, который, не удовлетворившись тем, что разбил свои собственные цепи, ведет уже более двух лет беспримерную борьбу за освобождение всего мира и с энтузиазмом переносит неслыханные страдания ради того, чтобы навсегда исчезло угнетение с лица земли...»

Мирный отправился в Турцию в те дни, когда иностранные интервенты подошли к Анкаре и положение было чрезвычайно грозным. О том, как он добирался туда, о его первой «студенческой практике» свидетельствует уцелевшая запись Семена Максимовича.

Привожу ее с небольшими сокращениями.

«МОЕ ПЕРВОЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Занятия на первом курсе кончились в июне 1921 года. Мы тогда не знали санаториев, не думали о домах отдыха, даже туристических терминов не было в нашем лексиконе. Каникулы проводили на специфической практике того времени: кто направился на ликвидацию остатков банд на Украине, кто на борьбу с басмачеством в Средней Азии; одни проводили лето в своих частях, другие проходили стажировку. Мне, как слушателю турецкой группы, дали «дипломатическое» поручение: отвезти почту к Кемалю в Турцию и еще напутствие — вернуться с хорошим знанием турецкого языка...

По дороге в Трапезунд я подзубрил лексику по каким-то неведомым путям попавшей ко мне книге «Тюркише конверзационсграмматик» Генри Егличка, «императорского и королевского австро-венгерского вице-консула и бывшего доцента императорской и королевской восточной академии в Вене», год издания 1895-й.

Из Самсуна на арбах, а кое-где и на собственных апостольских ногах мы 12 дней добирались до Кайсери. Туда из военных соображений эвакуировалась часть правительства и полпредства. Из Кайсери через несколько дней мы приехали в Анкару. В обоих городах помещения советского представительства напоминали боевой штаб: лихорадочная работа сотрудников, стук пишущих машинок, телефонные звонки, отправка почты занимали время персонала. Вечером за бесконечными пиалами чая обсуждали события дня и положение на фронте, военные сводки. В центре внимания на таких летучках были военные Лихтанский и Маликов. Первый — слушатель дополнительного курса Военной академии — был военным атташе. Его помощником был Маликов, слушатель второго курса. Как я завидовал его быстрому чтению турецкой скорописи...»

Штаб Кемаля-паши перед битвой на реке Сакарья находился в горном ущелье, спрятанном в лесах. Туда из Анкары и направился Мирный. Он отметил позже в своих записях, что ему довелось увидеть во время этого путешествия, которое он проделал на телеге:

«Вереницы запряженных волами крестьянских повозок с боеприпасами и продовольствием шли для фрон-

та. На поворотах анатолийских дорог я наглядно постигал на практике великую силу национально-освободительного движения».

Дорога шла вверх и привела к ущелью. Все чаще попадались заградительные посты. Красная звезда на буденовке красноармейца, который сопровождал Мирного, служила хорошим пропуском. На вопросы командиров застав он отвечал кратко: «Москва, Ленин...»

Кемаль принял посланца Советской России в штабном шатре. Было ему тогда сорок три года, за плечами остались ссылки, служба в турецкой султанской армии. Человек сложный, с противоречивыми взглядами на развитие Турции, он понимал значение для Турции дружбы с Советской Россией.

Кемаль с интересом смотрел на посланца Советской страны. Тот стоял перед ним в истрепанном полотняном костюме, в фуражке, в стоптанных солдатских ботинках и в обмотках, спокойно и внимательно разглядывая вождя турецкой революции. После краткого молчания Кемаль пригласил гостя сесть, спросил, как здоровье Ленина. Получив ответ, поинтересовался, как здоровье эффенди Чичерина. «Эффенди Чичерин также здоров»,— последовал ответ. Кемаль принял письмо, написанное по-французски, быстро прочитал, изредка бросая взгляды на Мирного, как бы желая что-то спросить, говорил свободно по-французски, слегка грассируя.

Мирный тоже перешел на французский язык. Кемаль чему-то улыбнулся, скользнул взглядом по истрепанным ботинкам и обмоткам своего гостя, спросил, где тот учил французский — не в Сорбонне ли в Париже? Гость ответил, что в русской гимназии и в Петербургском университете.

Кемаль еще раз пристально посмотрел на гостя, сказал, что Россию надо уметь понять. Просил поблагодарить за послание. Турция никогда не забудет, что Советская Россия помогла ей в самые трудные дни ее истории...

Через несколько дней началась битва у реки Сакарьи, закончившаяся разгромом интервентов и изгнанием их из страны.

В 1923 году сразу же после окончания академии Мирного снова посылают в Турцию — на сей раз на пост заместителя председателя репатриационной комиссии.

Три года находился Мирный в Турции — с 1923-го по 1926-й. Потом еще одиннадцать лет на дипломатическом посту в разных странах — Швеции, Норвегии, Венгрии. Он работает рядом с Александрой Михайловной Коллонтай и другими выдающимися дипломатами первых лет Советской власти.

Но те три года в Турции занимают особое место в его биографии коммуниста и борца. Еще причудливее сплелась его судьба с судьбой болгарских революционеров.

ЭТО БЫЛО НА БОСФОРЕ

Трудным был тот, 1923 год для Болгарии. В июне к власти путем военного переворота пришло правительство Цанкова. В стране начался белый террор, тысячи коммунистов были брошены в тюрьмы. В сентябре 1923 года вспыхнуло героическое восстание, охватившее всю страну. Но оно было жестоко подавлено, и палачи начали устанавливать в стране кладбищенскую тишину.

Сложным был и политический климат Турции. Президентом страны по-прежнему был Кемаль Ататюрк. Он продолжал укреплять отношения с Советским Союзом, но преследовал прогрессивные силы внутри своей страны.

Репатриационная комиссия, в которой Мирный играл главную роль, помогала возвратиться на Родину солдатам, оказавшимся в плену, и другим российским гражданам, попавшим на чужбину. В Турции было немало таких русских, которые потеряли голову в дни революционной грозы и бежали с белой гвардией: мелкие купцы, служащие и прочий люд; многие из них теперь жестоко жалели, что оставили родину, и не знали, как вернуться обратно. Им надо было помочь, спокойно, доказательно вселив уверенность в том, что им дадут возможность начать новую жизнь.

В репатриационную комиссию приходили и те, кто давно оставил Россию. Одними из первых появились «некрасовцы»-раскольники. Их предков еще при Екатерине II казачий атаман Некрасов уводил целыми кланами на чужбину. Так они и осели в Турции. Теперь потомки тех казаков пришли в консульство в старых одеж-

дах — мужчины в кафтанах, женщины в киках и душегрейках, прямо-таки выходцы из XVIII века. Мирный помог им уехать в Советскую Россию, где они поселились на Северном Кавказе.

Красив и своеобразен Стамбул — город трех эпох. Словно гигантская причудливая птица, раскинулся он по обоим берегам Босфора: голова в Азии, а огромное туловище — в Европе. Ступеньками спускается город к Босфору. Сказочными видениями уходят в бездонное, вечно голубое небо шпили минаретов и купол Айя-Софии, великолепный памятник византийской эпохи, превращенный турками в мечеть.

Консульство СССР, расположенное в красивом двухэтажном здании на главной улице города — Гран Пере, стало притягательным центром не только для русских, оказавшихся на чужбине, но и для болгар: там можно было укрыться от продажных чиновников вали — турецкого губернатора, готовых за лиру выдать политического эмигранта.

Советский вице-консул Семен Мирный отдает весь свой опыт интернационалиста делу спасения болгарских коммунистов.

Вот что записал он сам:

«Установил связь с болгарским рабочим движением... устройство... надежных документов и т. п. для партийцев и партизан, бежавших из Болгарии, и для партийцев, направляющихся в Болгарию. За все это время не было ни одного провала, ни одного ареста болгарских товарищей».

Не правда ли, как все просто. Но за этими строками опасность на каждом шагу, железная выдержка. И острые схватки, в которых побеждает безграничная храбрость, ум, молниеносная изворотливость. И конечно, идейная убежденность. Она движет всеми помыслами и деяниями. В условиях чужой, хотя и дружественной, страны он делал все, чтобы дать возможность болгарским братьям переехать в СССР или предоставить им работу в советских учреждениях в Стамбуле. Незадолго до кончины Мирный писал в «Работническо дело»:

«Разве можно забыть первого болгарского революционера, которого в октябре 1923 года удалось пере-

править в СССР. Это был Цвятко Радойнов, жизнерадостный, крепкий, настоящий болгарский революционер, каким мы представляли этот образ по романам. Он первым явился в наше представительство и заявил: «Я болгарский революционер, я бежал». Его открытое лицо внушало доверие. И через два дня, воспользовавшись прибытием первого советского парохода «Ильич», мы поручили его советскому дипкурьеру Урасову-Чупину. Это тот самый дипкурьер, партиец, участник венгерского революционного движения, который по поручению Ленина в декабре 1918 года перевозил партийные документы болгарским революционерам.

Цвятко Радойнов — герой нашей страны и герой Болгарии. Его хорошо знали под имепем Цветана Родионова, слушателя Военной академии, потом преподавателя, потом полковника в интербригадах, потом генерала, потом парашютиста в Болгарии во время войны. Когда Цвятко Радойнов умирал, его последние слова были: «Да живее Светска Русия!» Тогда мы спасли жизнь человека, который потом пожертвовал своей жизнью во имя своих обеих родин — Болгарии и России».

А теперь о легендарном побеге с острова Святой Анастасии.

Если тебе, читатель, доведется побывать в братской Болгарии на Солнечном берегу, постарайся попасть на остров, скалой поднявшийся в море. Это недалеко от Бургаса — полчаса на лодке, и ты окажешься на мрачном скалистом выступе. У монастыря ты увидишь мраморную доску: «29 июня 1925 года в тюрьме острова Святая Анастасия было поднято восстание и совершен побег 43 коммунистов — борцов против фашизма, за свободу нашего народа. В их честь остров называется «Большевик».

...16 апреля 1925 года среди бела дня в центре Софии раздался взрыв огромной силы. Использовав этот факт для своих целей, фашистское правительство ввело в столице военное положение. Расстрелы, пытки, казни сотрясали страну. В те дни в Бургасскую тюрьму были брошены сорок три коммуниста. Их допрашивали, пытали. Забита была до отказа и тюрьма на острове Святая Анастасия. Против узников острова готовился судебный процесс, их надо было перевести на материк, и полицейские власти решили «обменять» заключенных. 5 июля со-

рок три коммуниста были выведены из Бургасской тюрьмы, посажены на миноносец и заперты в казематы островной тюрьмы. Заключенных «островитян» на этом же миноносце увезли в Бургас.

Двадцать четыре дня Теохар Бакырджиев, Борис Симов, Стоян Калоянчев, Васил Новаков, Панайот Ярымов, Стоян Коларов, Васил Карамихов и их товарищи томились на острове-тюрьме.

После тщательной подготовки, где каждый шаг был смертельным риском, повстанцы обезоружили и связали охрану. Один из руководителей восстания Бакырджиев обратился к заключенным с краткой речью: «Скоро фашистские власти организуют процесс. Многим из нас грозит смерть. Поэтому руководство партийной организации подготовило бунт. Мы бежим в Турцию, а оттуда — к нашим братьям в Советскую Россию. Те из вас, кто хочет покинуть остров и найдет в себе силы вынести предстоящие испытания, может присоединиться к нам. Побег будет трудным и очень опасным».

На лодке беглецы перебрались на материк и двинулись в сторону Турции.

Побег вызвал шок в правящих кругах Софии. О нем заговорили во всем мире. Происшедшее казалось невероятным даже Василу Коларову, который уже находился в Москве. Можно было предположить, что фашистские власти убили узников и, чтобы обмануть общественное мнение, сообщили о побеге. Именно эту мысль и высказал Коларов на страницах «Правды». Но побег действительно свершился Однако смертникам острова Святая Анастасия было еще далеко до свободы. В любую минуту они могли оказаться в руках болгарской полиции — тогда суд и казнь. Или в руках турецкой полиции — тогда экстрадиция — выдача болгарским властям и тоже гибель либо турецкая тюрьма на бесконечно долгие годы.

Прежде всего надо было сориентироваться в обстановке. Турецкие газеты писали о побеге «шайки бандитов», строили дикие предположения и догадки, пугали обывателей, сообщали о маршруте беглецов, перестрелках с пограничной стражей.

Сопоставив все сообщения, находившийся в Стамбуле 28-летний вице-консул СССР Семен Мирный сделал единственно правильный вывод: с острова Святая Ана-

стасия бежали революционеры. Теперь их судьба, если они доберутся до Турции, зависит от него, от его смелости и находчивости. Мирный немедленно сносится с Москвой, а затем начинает действовать, не дожидаясь, пока беглецы доберутся до Стамбула. Навстречу беглецам надо послать верных людей. Но кого? Только друзей-болгар. Прикинув, где сейчас могут быть смертники, он приходит к выводу, что они в центре Анатолийской долины, где-то у перевалов. Ночью из Стамбула люди уходят навстречу беглецам. А Мирный отправляется к вали — губернатору Стамбула.

И никто не знал, как тяжко ему было в тот день. Накануне он получил из Софии через Москву письмо и фотографию Невяны Генчевой. На него смотрело измученное суровое лицо революционерки, недавно вырвавшейся из софийской тюрьмы. На руках у Невяны был годовалый младенец.

Мирный не встречался с Невяной с тех пор, как простился с нею апрельским вечером 1920 года на горе Витоше в Софии, и так не увидел ее до конца своих дней.

Забегая вперед, скажу, что в марте 1971 года в квартире Мирного на Каляевской улице в Москве раздался звонок. Дверь открыл Мирный. У порога, медля, как бы не решаясь войти, стоял человек средних лет. Он изучающе посмотрел на Мирного, а потом сказал:

— Вы Семен Максимович Мирный. Я узнал вас по фотографиям.

— Вы не ошиблись.

Наступила пауза, потом гость сказал:

— Я сын Невяны Генчевой, Георгий Найденов...

Главный редактор болгарской газеты «Отечествен фронт» Георгий Найденов приехал в Москву на XXIV съезд партии как специальный корреспондент своей газеты.

Он передал Мирному последний привет от Невяны...

Какие козыри в руках Мирного? И какие аргументы он может пустить в ход? Только один: между СССР и Турцией отношения неплохие. Но пока неизвестно, действительно ли находятся беглецы на территории Турции. Ведь этой неизвестностью может воспользоваться вали? Ему нет нужды спешить, он скажет: когда беглецы окажутся на турецкой территории, я запрошу Анкару. А что, если там пойдут навстречу требованиям царской Болга-

рии и выдадут беглецов? Такое развитие событий надо предотвратить. Но как? Надо действовать сейчас, немедленно, не выходя из резиденции вали. И вот начинается сложный и осторожный разговор, прощупывание, намеки.

— А что, если решить вопрос полюбовно?—предлагает Мирный.— В компетенции советского консульства предоставить политическое убежище эмигрантам. Зачем вести об этом переговоры с Анкарой, когда здесь рядом губернатор? Он может пойти навстречу просьбе советского консульства...

Губернатор — человек опытный, ему немало пришлось иметь дел с иностранными дипломатами. Одних он опасается, других ненавидит, третьих почитает, к четвертым безразличен. Но свое отношение к советскому вице-консулу он сам до конца определить не может: Мирный не совсем обычный дипломат, и это заставляет всегда быть с ним настороже. А вице-консул продолжал:

— Вали — мудрый и просвещенный человек; он знает, что даже султанская Турция не выдала царской России русского революционера Камо. Зачем же вали брать на себя грех и пятно противника свободы?.. Ну, а если царская Болгария потребует экстрадиции, то губернатор выразит сожаление, что не может этого сделать, ибо уже дал советскому вице-консулу согласие предоставить политическое убежище этим болгарам. Да и зачем вали брать на себя заботу о большой группе смертельно усталых, голодных и оборванных людей? Эти заботы возьмет на себя советское консульство.

Вали все еще размышляет, а время летит, и с минуты на минуту беглецы появятся в Стамбуле. И тогда Мирный бросает на чашу весов еще один веский аргумент:

— Ведь мудрый вали не должен ссориться со страной, которую уважает сам Кемаль Ататюрк. А Кемаль Ататюрк хорошо знает советского вице-консула. Кемаль и вице-консул — друзья...

В конце концов вали согласился с предложениями Мирного, выдвинув одно условие: он арестует беглецов, но сделает это не совсем обычно. Ночью они будут сидеть в тюрьме, а днем находиться в советском консульстве. И всем будет хорошо... А что касается отправ-

ки беглецов в Советскую Россию, то он будет смотреть на это сквозь пальцы.

Через горы, реки и лесные чащи беглецы шли на юго-восток. И пробрались на турецкую территорию —голодные, оборванные, израненные, обросшие.

В Москве долгие годы живет Лионила Ивановна Островская, в прошлом сотрудница консульства. Участник побега из тюрьмы на острове Святая Анастасия Борис Симов свидетельствует: «Лионила Ивановна была настоящая русская красавица—тоненькая, как березка, с голубыми глазами и русой косой. С ее лица не сходила улыбка. Она вся дышала теплотой и нежным состраданием к нам... Она была инициатором кампании по сбору средств в советской колонии для болгарских политэмигрантов, проезжавших через Стамбул».

С тех пор прошло более чем полстолетия. Я прошу Лионилу Ивановну рассказать о тех драматических событиях.

«Никогда не забуду этих людей,— говорит она,— то мгновение, когда они пришли в здание нашего консульства. Оборванные, грязные, истощенные, с горящими глазами, они вошли в большой светлый зал, стены которого были обтянуты шелковой материей. Изумленно смотрели они по сторонам, не веря, что позади смерть, побег, невероятные лишения. Их отправили в баню, переодели, побрили, накормили... В консульстве и торгпредстве тогда работали Петр Павленко, будущий писатель, Наташа Красина, племянница Леонида Борисовича Красина, Шавердян, уполномоченный комиссии по репатриации армян, а потом председатель Совнаркома Армении, и много других интересных людей. Мы ни на минуту не отходили от наших болгарских друзей».

После первой встречи был торжественный обед и приветствия. Мирный был краток: «Товарищи, дружба между русскими и болгарами имеет старые традиции. Она будет продолжаться и впредь. Желаем вашему народу испытать счастье свободы».

Теохар Бакырджиев ответил: «Дорогой товариш Мирный, позвольте от имени моих товарищей поблагодарить вас и всех сотрудников консульства за теплую, братскую заботу о нас. Мы счастливы, что находимся здесь, на этом маленьком кусочке священной советской земли... У болгарского народа высокий боевой дух.

Рано или поздно Болгария будет социалистической!»

После ужина все сорок три беглеца, как и было договорено с губернатором, отправились в тюрьму. Там они переночевали, а утром их выпустили, и они явились в советское консульство. И снова были бесконечные рассказы о пережитом в царских тюрьмах, о будущей борьбе.

А из Одессы, дымя всеми трубами, на предельной скорости шел к турецким берегам пароход «Ильич». Августовским утром 1925 года смертники острова Святая Анастасия поднялись на палубу советского парохода, и 17 августа их встречала Одесса.

Вспоминая то время, болгарский журнал «Исторический преглед» писал:

«В сентябре 1923 года — июле 1926 года С. М. Мирный оказал неоценимую помощь нашей Болгарской коммунистической партии в осуществлении связи с Коминтерном и его руководящими органами за границей, в спасении десятков болгарских коммунистов, бежавших из Болгарии от преследования властей».

Прошло еще несколько месяцев, и Москва решила направить Мирного на работу в Норвегию. Семен Мирный должен был оставить Стамбул уже в начале 1926 года. Георгий Димитров направил ему одно за другим несколько писем с просьбой остаться хотя бы еще на несколько месяцев в Турции. Вот одно из этих писем, посланное 1 марта 1926 года:

«Дорогой товарищ Мирный, очень обеспокоила Ваша просьба об освобождении Вас из Константинополя. Это может расстроить всю нашу работу. Я уверен, что в данный момент не найдется другого товарища, который с таким умением и усердием смог бы продолжить Вашу работу. Не сможете ли Вы остаться в Константинополе еще на несколько месяцев? Подумайте об этом и, если возможно, сделайте это. Я Вас прошу настоятельно от имени Болгарской Коммунистической Партии».

С согласия Москвы просьба Георгия Димитрова была, разумеется, удовлетворена. Мирный задержался в Стамбуле еще на полгода. Он выехал в Москву в июле 1926 года, а затем был назначен первым советником советского полпредства в Норвегии.

Через сорок три года после описанных событий Семен Максимович Мирный по приглашению Народной

Республики Болгарии прибыл в Софию. Председатель Президиума Народного собрания Георгий Трайков вручил ему высшую награду страны. После торжественного приема Мирный отправился по памятным местам. В Софийском университете стоял гул от молодых голосов. Хозяевами здесь были внуки тех, кто сидел в тюрьмах и казематах царского режима. Семен Максимович заглянул в аудиторию, где когда-то слушал лекции.

В Варне его с объятиями встречали друзья, их дети, внуки и правнуки. Толпа запрудила весь перрон, и наблюдавшие эту встречу тихо спрашивали: кто приехал, министр или кто повыше? Им ответили, что приехал большой и верный друг. И люди понимающе кивали головами.

Он, конечно, поехал в Бургас, к турецкой границе, туда, где в море виднеется скалистый остров. Был тихий летний вечер. Легкие волны пели свою вечную песню. Рядом с ним стояли восемь человек. Восемь из сорока трех. Остальных уже не было...

* * *

Прах Семена Максимовича Мирного захоронили в колумбарии старых большевиков на Ново-Девичьем кладбище, а в Москву одна за другой шли телеграммы:

«Глубоко скорбим о смерти нашего дорогого товарища Семена Максимовича Мирного. Его интернационалистическая революционная работа всегда жила и будет жить в сердцах коммунистов, которые бежали из тюрьмы острова Святая Анастасия в 1925 году. Поклон перед его светлой памятью».

Центральный комитет борцов против фашизма телеграфировал Советскому комитету ветеранов войны:

«Центральный комитет и тысячи участников борьбы против фашизма в Болгарии выражают искреннее соболезнование по случаю смерти Семена Максимовича Мирного. Болгарскому народу он был известен своим отношением революционера и интернационалиста, оказывая большую помощь болгарским антифашистам и особенно болгарским политэмигрантам в 1919—1925 годах... Болгарский народ потерял большого друга. Его жизнь будет служить светлым примером для болгарских трудящихся и борцов против фашизма и капитализма».

Время не властно затмить память о коммунисте-борце. Идут и идут письма в Москву на Каляевскую улицу. Идут письма к его сестре. Из Софии пишет Тодор Чакров: «Я всегда буду хранить память о Семене Мирном, нашем мужественном брате». Делятся своими воспоминаниями о нем офицеры и солдаты Великой Отечественной войны, говорят о его мужестве, скромности и верности долгу. Вспоминают и те, кто долгие годы работал бок о бок с ним в Ленинской библиотеке в Москве и лишь теперь с почтительным изумлением понял, что именно он собрал там второй в Европе по значимости и масштабу фонд скандинавской литературы. И вот еще одно послание из многих: «С чувством большой любви и уважения я вспоминаю свои встречи с Семеном Максимовичем Мирным и высоко ценю его личный вклад в дело укрепления Советского государства и международного признания выдающейся роли Великой Октябрьской социалистической революции».

Это строки из письма Ивана Дмитриевича Папанина. Да, память людская продолжает жизнь человека!

Весной, когда солнце сгоняет снег и над Ново-Девичьим монастырем в Москве стоит тихий птичий гомон, на дорожках усыпальницы появляется много людей. Они идут к тем, кто всегда остается с нами — ведь память сердца не знает забвения.

Часто люди останавливаются у колумбария старых большевиков. Там, за скромной плитой, покоится прах большевика-интернационалиста Семена Максимовича Мирного. У подножия стены всегда живые цветы.

Уже не первую весну у колумбария появляется юноша. Он приходит с букетом красных гвоздик. К цветам приколот белоснежный листок, на котором начертаны слова:

«Незабвенному другу моего народа, студенту Софийского университета, от болгарина, студента Московского университета».

Юноша молча стоит у стены. Потом, поклонившись праху усопшего, оставляет колумбарий и сливается с молчаливым людским потоком.

БЫЛОЕ

Юность дается человеку только раз в жизни, и в юности каждый из них доступнее, чем в другом возрасте, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть.

Виссарион Белинский

Не раз видел я портрет Надежды Жданович, писанный знаменитым русским художником Павлом Федотовым, когда ей было 14 лет, в Русском музее в Ленинграде. Вот и сейчас копия его стоит в большой раме на старинном пианино. Глаза Наденьки Жданович смотрят в упор, еле заметно улыбаясь, а я перевожу взгляд на женщину, сидящую передо мною в глубоком кресле в тихой уютной квартире дома старых большевиков в переулке старого Арбата, где мы ведем нескончаемую беседу.

Я снова смотрю на портрет. Елена Николаевна улыбается:

— В молодости, как говорили, сходство с бабушкой было довольно заметно.

Бабушка — это Наденька Жданович. А Елена Николаевна Жданович, с которой я беседую, активная деятельница подпольных большевистских организаций, член большевистской партии с 1916 года,— это внучка.

— Вы хорошо помните бабушку?

— Как же! С детских лет помню Бабушка иногда приезжала из Петербурга к нам в имение Хреновку. Пышно ее встречали. Когда на дальней аллее показывалась тройка, начинался колокольный перезвон. Все гудело вокруг... А позже в Петербурге я жила у бабушки в ее большой генеральской квартире. Ведь замуж она вышла за генерала Адольфа Ивановича Вернера.

...Ну, что вам еще рассказать? Вы спрашиваете, как я ушла в революцию? Садитесь вот за этот стол, за пи-

шущую машинку и записывайте. Кстати, эта машинка — подарок. Стелла Благоева ее подарила...

— ??

— Не удивляйтесь. Именно она, дочь Димитра Благоева, основателя знаменитого благоевского кружка в Петербурге, а затем создателя Болгарской партии «тесняков»-коммунистов. Стелла была близким другом моей сестры Веры. Они вместе работали в Исполкоме Коминтерна.

Да, вещи, умей они говорить, многое могли бы рассказать. Елена Николаевна показывает палку, на которую она опирается:

— Вот эта палка, например, Алексея Максимовича, Максима Горького. Как она попала ко мне? У Горького был друг, доктор-фтизиатр Александр Николаевич Алексин, наш родственник, которому он подарил эту палку. Он лечил Горького — Алексей Максимович, как известно, с молодых лет болел туберкулезом. Доктор Алексин умер, и его жена передала эту палку в нашу семью.

Елена Николаевна говорит:

— Вы, кажется, собираетесь в Чернигов? Поезжайте, посмотрите на этот город моего детства и юности, на прекрасную Десну с ее заливными лугами, побывайте в заречных рощах, когда солнце только встает и все вокруг искрится и звенит. Познакомьтесь с историей моего города. Она вам много подскажет и объяснит.

...Удивительно красив этот город. Уже давно нет Черного гая, от которого, по преданию, и произошло имя города. Но леса вокруг и впрямь чаруют глаз, заливные луга за рекой раскинулись огромным зеленым ковром. И соловьи там не менее голосистые, чем курские, и соборы не менее древние, чем киевские. Поговорите с любым черниговцем, и он обрушит на вас целый ворох исторических фактов, из которых явствует, что древнее, красивее, храбрее города нет на свете. И что к новой, космической, эре Чернигов тоже имеет прямое отношение. Вам сразу ж расскажут о славном земляке Николае Кибальчиче, ученом, одном из организаторов покушения на царя Александра II. В научных изданиях Кибальчич изображен с окладистой бородой, похож на пятидесятилетнего помора. А ему было двадцать семь

лет, когда он писал свое предсмертное письмо в дождливую петербургскую ночь. И думал не о себе, а о будущих поколениях и высказал то, чего больше всего желал,— чтобы будущим гражданам планеты Земля принес пользу проект реактивного воздухоплавательного корабля, над которым он продолжал работать даже в каземате смертников. «Если моя идея,— писал Николай Кибальчич,— после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана осуществимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мною, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью».

Попробуйте после этого возражать черниговцам. Но они не дадут вам опомниться и обрушат на вашу голову все новые и новые факты. А кто создал памятник Минину и Пожарскому, который стоит на Красной площади в Москве? Наш черниговец Иван Мартос. А где написал свои лучшие стихи Тарас Шевченко? У нас, в Чернигове. А кто дал Украине Михаила Коцюбинского? Чернигов. А знаете ли вы, что Михаил Глинка и Гулак-Артемовский свои лучшие произведения написали в Чернигове? И не спорьте, потому что все это правда. И в революционном движении Чернигов, не будучи промышленным городом, сыграл выдающуюся роль. Вам сразу же назовут имена — и почти каждое легенда — замечательных деятелей революционного движения, и прежде всего Софью Ивановну Соколовскую, секретаря подпольного Одесского обкома партии в период деникинской, петлюровской и иностранной оккупации, дважды приговоренную к смертной казни. Это ее память дважды чтил Всеукраинский Центральный исполнительный комитет, и дважды в газетах помещались некрологи о ее смерти. А она вырывалась из ее объятий и снова шла в бой.

И расскажут вам о Виталии Марковиче Примакове, также коренном черниговце. Девятнадцати лет от роду этот большевик, прошедший каторгу, возглавил червонное казачество на Украине, громил Махно, Петлюру, Деникина, интервентов. Три ордена боевого Красного Знамени за беспримерный героизм в гражданскую войну получил этот сын сельского учителя из села Шуманы,

ученик черниговской гимназии, блистательный оратор и журналист. Это о его корпусе писал в 1923 году Михаил Васильевич Фрунзе:

«У нас в Красной армии немало частей, составивших себе боевую репутацию и славное революционное имя. Но немного найдется таких, которые могли стать вровень с Червонным корпусом».

С гордостью напомнят вам черниговцы, что 21 января 1918 года Петроград и Москва передали радиограмму за подписью В. И. Ленина, сообщив всему миру, что «вся власть на Украине в руках Совета... назначен большевик Коцюбинский главнокомандующим войсками Украинской республики». Главнокомандующему революционными войсками Украины, сыну писателя Михаила Коцюбинского Юрию, бывшему ученику черниговской гимназии, члену большевистской партии с 1912 года, не было тогда и двадцати двух лет.

На квартире у Елены Николаевны Жданович я встретился с черниговцами. Здесь были М. М. Темкин — профессиональный революционер, член партии с 1914 года, Н. М. Горбовец, бывший сапожник, тоже профессиональный революционер, член партии с 1911 года, и другие черниговцы Они не привыкли говорить о своих заслугах. Горбовец ни слова не сказал о себе — о том, что прошел через подполье и царские тюрьмы, что сражался с деникинцами и петлюровцами, что голодал и чудом спасся от вражьих пуль, а, обратившись к Темкину, лишь сказал:

— Расскажи, Марк, как рука к руке сковали тебя кандалами с Виталием (Виталий — это Примаков) и отправили на вечную каторгу в Сибирь.

Но и Темкин не стал говорить о себе, о подполье, о тюрьмах, о битвах в гражданскую войну и о том, что был делегатом многих съездов партии, а на XVII съезде избран членом Комитета партийного контроля и в таком «чине» добровольно ушел на фронт.

Я попросил рассказать о первых шагах революционной деятельности черниговцев.

— Пусть Лапочка расскажет.

Лапочка — это Вера Николаевна Лапина. Она улыбается и, обращаясь к рядом сидящей Галине Петровне Полянской, говорит:

— Галка, расскажи ты.

— Почему я? Пусть это сделает хозяйка дома. Еленка, начинай.

Они не могут иначе обращаться друг к другу. Их молодость всегда с ними. На столе появляются фотографии. Вот они все рядом: Соня Соколовская, Вера Лапина, Соня Айзенштадт, Галина Полянская. Они расположились на ветках раскидистого дуба, юные, красивые. Внизу очарованная Десна несет свои воды. Они не искали спокойного течения, безоблачного бытия. Знали, на что идут.

Знала это и Елена Жданович.

ГИМНАЗИСТКИ ИДУТ В РЕВОЛЮЦИЮ

Надо представить себе Чернигов той поры — губернский город с дворцом губернатора, казенной палатой, губернским судом, земской управой — символами и основой царской власти, вездесущей и все подавляющей.

Щедрая украинская земля одарила своими богатствами Черниговщину. Тут не только на редкость плодородные земли, но и леса, и реки, кишевшие рыбой, и недра, богатые ископаемыми. Но все это принадлежало одному классу — помещикам и начинающей подниматься в конце прошлого века промышленной буржуазии. В особняках, благоустроенных усадьбах, раскинувшихся в тенистых садах и рощах на окраине города, жили помещики и высшие чиновники.

В городе были «казенные» мужская и женская гимназии, частные гимназии, реальное училище, торговая школа, особое место занимала духовная семинария — «отцы города» и церковные власти пристально следили за своей паствой и «верноподданными».

И все же сюда в конце прошлого века начала властно вторгаться другая жизнь. Она зародилась на местных заводишках и фабричках, крохотных, но единственных тогда центрах рабочей жизни — на лесопильном и чугунолитейном заводе, на мельнице и пивоварне, кирпичных предприятиях. Уже в начале нашего века в Чернигове повеяло духом борьбы. Ленинская «Искра» проникла и сюда, взбудоражив умы, заставив людей задуматься о будущем России. И эти мысли проникли в очаги просвещения — в гимназии, вызвав к жизни революционные

кружки. Проникли и в дом Николая Николаевича Ждановича.

Казалось, судьба уготовила безоблачную жизнь барышне из дворянского гнезда. Обитатели имения Хреновка Городнянского уезда не ведали забот. Среди помещиков, считавших себя либералами, Жданович пользовался уважением. Тому способствовала и родовитость Ждановичей, уходившая своими корнями в далекое прошлое. Предок, Антон Жданович, принимал участие в Переяславской Раде, где решительно поддержал Богдана Хмельницкого, свершившего исторический акт воссоединения Украины с Россией. Да и последующие Ждановичи были на виду: украинский историк Вадим Модзалевский отмечает в своем «Малороссийском родословнике», что Яков Жданович был близок к Петру Первому, а в 1709 году участвовал в Полтавской битве.

Родовитость, однако, не способствовала хорошим отношениям с официальными властями. Они опасались Ждановича, защитника крестьян. К нему шли крестьяне с жалобами на самоуправство помещиков и властей, он помогал, чем мог, и слава о нем пошла далеко за пределы Черниговщины.

Сохранилось письмо Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. В этом письме от 27 октября 1933 года приводится свидетельство сына Ждановича, также Николая Николаевича, который в 1912 году работал в Петербурге в журнале «Жизнь и знание», тесно связанном с «Правдой» и большевистскими кругами. Бонч-Бруевич пишет, что в 1912 году тяжело заболел сын сотрудника «Правды». Об этом случайно узнал сын Ждановича и сказал, что горю можно легко помочь: «Мой отец лечит всю жизнь эти болезни, и мы привыкли у себя на родине в Черниговской губернии к тому, что к нам приезжают со всех концов России сотни и тысячи людей, что целые деревни бывают заселены этими временными жильцами, и у нас образовалось что-то вроде курорта. Отец всех лечит бесплатно». Бонч-Бруевич заканчивает письмо следующими словами: «Мне известно, что покойному Ждановичу предлагали большие деньги за патент и русские, и иностранцы, но он всегда отказывался от этого, желая всех лечить бесплатно».

Особое недовольство властей вызывала просветитель-

ская деятельность Ждановича. Его, русского помещика и дворянина, возмущала так называемая процентная норма, установленная царским правительством для «инородцев» при поступлении в гимназии и высшие учебные заведения. Николай Николаевич Жданович был председателем попечительного совета черниговской женской «группы родителей» гимназии, которая была открыта в основном на его средства для детей всех национальностей. Местным властям это не пришлось по вкусу. Начались интриги и происки, переросшие в травлю.

Семья Ждановича была большая— три сына и четыре дочери. Жена Николая Николаевича Валентина Яковлевна умерла рано. Отец, добрый, отзывчивый и удивительно деликатный, как многие русские интеллигенты того времени, был для своих детей другом, чутким советчиком.

Ранней весной семья переселялась в имение Хреновка. Дом в деревне был одноэтажный, с большими комнатами, залами и верандами; вокруг большой фруктовый сад, переходящий в тенистый парк.

Ничто не омрачало золотую пору детства Елены. Было все, что предопределялось устоями быта, привычками,— пикники, верховая езда, балы, поездки на тройках к родственникам. Вечерами, когда наступала прохлада, притихший сад оглашался звонкоголосым пением, звуками рояля. Пели и играли все, особенно Елена, с детства отличавшаяся редкой красоты голосом.

С наступлением осени семья уезжала в Чернигов в просторный барский дом на Петербургской улице, и здесь шла своя, заполненная до краев жизнь. Николай Николаевич увлекался книгами, искусством. В Чернигове был городской театр, влачивший жалкое существование. Жданович помог делу, взял на себя директорство, приглашал из Москвы артистов недавно созданного общедоступного Художественного театра. На Черниговской сцене заговорили герои Чехова и Горького, взбудоражив сонный провинциальный город. После спектаклей артисты часто собирались в доме Ждановича, вели страстные споры о путях русского общества, о справедливости, о литературе и искусстве. Эти горячие споры проникали и в детские спальни. А там уже проблескивали искры.

Как-то весной, когда еще была жива Валентина Яковлевна, в поместье пришла нищая и с ней девочка, худенькая, бледная, с бескровными губами. Им вынесли подаяние. Валентина Яковлевна распорядилась, чтобы их накормили. Девочка с жадностью набросилась на французскую булку.

Елена стояла на веранде рядом с матерью, как пригвожденная. Она спросила: почему эта девочка голодная? Разве не все дети сыты?

...Пришел 1905 год, девятое января — день рождения Елены. В Чернигове на Петербургской улице в доме Ждановичей собрались гимназические подруги. Были подарки, поцелуи, то блаженное состояние, когда кажется, что в мире все счастливы и нет горя, нет слез, нет обездоленных.

Вечером отец сказал взрослым:

— В Петербурге у Зимнего стреляли в толпу. Много убитых...

Бледная, с расширенными от ужаса глазами, Елена спросила:

— Почему убивают людей?

Она не хотела, не могла принять сбивчивого ответа, поняла, что отныне этот день всегда будет для нее траурным.

Началась первая русская революция. Тихий провинциальный Чернигов вздыбился, вокруг горели панские усадьбы. В город и окрестные деревни ввели карателей. Старостам приказали выдать зачинщиков. Иные молчали, а другие выдали. Крестьяне Хреновки, на которых донесли, убежали в болота. Ждановичи заботились о них, посылали яйца, хлеб, сало, воду в кувшинах.

Черносотенные погромы и террор в годы столыпинской реакции не загасили искры новой жизни. В черниговском подполье появились новые большевистские кружки. Идеи свободы властно вторглись не только в хижины бедняков, но и в дворянские особняки В 1909 году три пятнадцатилетние гимназистки— Соня Соколовская, Вера Лапина и Елена Жданович — вступили в революционный кружок, созданный в Черниговской женской гимназии.

Через год еще двенадцать учениц пятого класса создали кружок «Чайный прибор», в который входила и младшая сестра Елены Вера. Члены кружка «сектантов»

ученики гимназии Алексей Стецкий, Виталий Примаков, Юрий Коцюбинский и другие помогали в занятиях «чайницам». Дело было не в названиях: члены кружков стали на сторону большевиков.

Работой революционных кружков большевистского направления руководили петербургские студенты Евгений Короткий и Андрей Гринсвич. «Чайницы» пользовались вниманием со стороны старших товарищей. Большевики Урин, Бродский помогали им разобраться в некоторых вопросах.

В сущности, об этом кружке можно было бы и не упоминать, если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство. В России в начале века ученические кружки росли, как грибы после дождя, но большинство их исчезало, не успев родиться. Этот кружок не оказался бесплодной смоковницей. Он дал добрые всходы, из его недр вышли профессиональные революционеры, сыгравшие яркую роль в революционном движении не только Черниговщины, но и всей России и в гражданскую войну и годы мирного восстановления.

Зимой «чайницы» собирались в доме у Елены и Веры Жданович или у Сони Соколовской. Летом часто на лодках переправлялись на другой берег Десны, читали статьи Белинского и Писарева, книги по истории Французской революции. Когда солнце клонилось к закату, они забирались на могучее раскидистое дерево и пели свои любимые песни.

Иногда Елена отправлялась вместе с «чайницами», брала с собой заветную тетрадку со стихами Лермонтова. Тетрадка эта была семейной реликвией Ждановичей. Ее подарила крестная Елены, Екатерина Михайловна Прохорова, родственница Валентины Яковлевны Жданович. Незадолго до своей кончины Прохорова оставила завещание, по которому ее богатейшее состояние переходило поровну к матери Елены Валентине Яковлевне и другому родственнику — Верещагину. Жданович от наследства отказалась, им осталась только заветная тетрадь. Наследство же с некоторыми лермонтовскими реликвиями перешло к Верещагину. Забегая вперед, скажу, что совсем недавно, после кончины наследников Верещагина, их потомки передали лермонтовские материалы в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина.

Однажды вечером Николай Николаевич неожиданно раньше времени вернулся из театра, постучав, вошел в комнату дочери. Там заседал кружок, они готовили гектограф.

Николай Николаевич думал, что девочки собираются печатать ученический литературный журнал, помог им приготовить смесь, снял первый оттиск, прочел первые строки: «Царское самодержавие душит Россию...»

Жданович молча вышел из комнаты, через несколько дней спросил у Елены, к чему она стремится и знает ли она, что ждет ее. Елена ответила словами из стихотворения Тургенева «Порог»:

Знаю: холод, голод, ненависть, насмешки,
отчужденье и полное одиночество. Знаю!..

Николай Николаевич ушел, не сказав ни слова.

Летом 1911 года из Петербурга приехал на каникулы Евгений Короткий, учившийся в Политехническом институте. Вечером он пришел на концерт, устроенный «Обществом молодых дарований». Елена выступила с романсами Чайковского. Ее провожали шумными аплодисментами. Евгений говорил с ней о музыке, спросил, собирается ли поступать в консерваторию

В зале было душно, и они ушли к Десне. Догоравшие лучи солнца медленно гасли в реке. Крепостные пушки кутались в сумерки и были похожи на сказочных слонов, готовых трубить сбор стада.

В тот вечер они говорили о звездах, луне, черниговских мальчиках и девочках. И конечно, о том, что недурно бы отправиться на лодке далеко за Черный гай.

На следующий день молодежь собралась у дочери присяжного поверенного — Сони Соколовской. В большой комнате чинно расселись вокруг стола девицы в гимназических формах. Евгений вынул из кармана тонкую книжку в серой шершавой обложке и просто сказал:

— А это, девочки, книжка, которая вам поможет многое понять, как она помогла мне. Она озаглавлена так: «Шаг вперед, два шага назад». Я познакомлю вас с ее содержанием, и мы поговорим о человеке, который ее написал...

В то лето молодежь часто собиралась у Елены на Петербургской улице. Пришел как-то Евгений Короткий,

Андрей Гриневич и Юрий Коцюбинский. Николая Николаевича не было дома, и они долго говорили о том, что их волновало,— о том, почему так несправедливо устроен мир и что надо сделать, чтобы его перестроить. Перед тем как разойтись по домам, Соня Соколовская и Елена исполнили дуэт Татьяны и Ольги «Слыхали ль вы за рощей глас ночной?» из оперы Чайковского «Евгений Онегин». Вера Лапина аккомпанировала.

В конце августа Евгений Короткий уехал в Петербург, чтобы продолжить занятия в Политехническом институте. Прощаясь, спросил у Елены о ее планах после окончания гимназии. Она сказала, что, возможно, приедет в Петербург...

Зима промелькнула быстро. Уплыли последние льдины вниз по Десне, туманы съели снег, и деревья начали выпускать почки. Елена готовилась к последним экзаменам, но тут произошло то страшное событие, которое потрясло всю Россию.

В Чернигове не сразу узнали об этом. «Губернские ведомости» молчали, цензура наложила запрет на все сообщения из Петербурга, кроме официальных. Но уже 6 апреля из столицы приехал посланец Петербургского комитета большевиков, и в тот же день на местных фабриках начались волнения, а вечером по городу распространили листовки: «В Сибири на Ленских приисках царь и его палачи устроили кровавую бойню. Сотни убитых и раненых. Погибли женщины, дети и старики. Пусть об этом знает вся Россия...»

Вечером собрались у Сони Соколовской. Им надо было быть вместе, чтобы сказать, о чем каждый из них думает и что они все вместе должны делать. Они говорили долго и горячо. К утру с гектографа сошли новые призывы к гражданам города Чернигова. Они, эти семнадцатилетние девочки, и их старшие друзья сделали все, что могли. Полицейские бегали по улицам, срывали листовки, искали подпольщиков.

В мае был выпускной бал. Черниговская интеллигенция пригласила из Петербурга пианиста И. Добровейна. В зале дворянского собрания устроили большой концерт. Исполнялась «Патетическая соната» Бетховена, произведения Шопена и Чайковского. Елена слушала, а мысли ее были уже далеко. Она твердо решила уехать в Петербург. Там она найдет себя, там ее место.

Николай Николаевич понимал, что возражать бесполезно. Поставил одно условие:

— Ты будешь жить у бабушки.

Елена согласилась, сказала, что решила поступить на Женские политехнические курсы на архитектурный факультет.

Николай Николаевич одобрил выбор дочери.

Еще в 1909 году из Чернигова уехал в Петербург старший брат Яков. В столице готовилась выставка «Ломоносов и елизаветинское время». Якова пригласили секретарем выставки. Ему написали, чтобы он встретил Елену на вокзале и в оставшиеся до начала занятий недели познакомил с Петербургом.

В ПЕТЕРБУРГЕ

Надежда Петровна и ее муж, генерал Адольф Иванович Вернер, занимали двухэтажный особняк на Второй линии Васильевского острова. В просторных комнатах стояла старинная мебель, в застекленных шкафах хранились книги. Надежда Петровна отдавала чтению много времени, хранила «вольнодумные» произведения. Генерал старался не замечать причуд супруги, хорошо известной в просвещенных кругах столицы.

Надежде Петровне в ту пору было уже за семьдесят, но все так же горда и величественна была ее осанка, и сквозь следы увядания проглядывала былая красота, восхитившая Павла Федотова и всех, кто знал ее в середине прошлого века.

Приезду внучки Надежда Петровна была рада. Сказала просто и ласково:

— Ну вот, милая, входи в петербургскую жизнь.

Занятия на архитектурном факультете начались в сентябре, но еще в последние дни августа в Петербург приехала Соня Соколовская и Вера Лапина, решившие поступить на Высшие женские курсы, и, конечно, сразу же навестили Елену на Васильевском острове. Елена представила своих подруг бабушке. Был торжественный ужин, а потом они уехали к Исакию, постояли у «Медного всадника». Соня похлопала маленькой теплой рукой по гранитной громаде, сказала:

— Вношу предложение: когда мы свергнем всех тиранов и наземь падут их презренные монументы, дядю

Петю мы оставим. Пусть вместе с нами скачет в будущее. Кто за это, прошу поднять руки. Принято единогласно...

С интересом присматривалась Елена к сверстницам и педагогам. Женская «политехничка» имела свои традиции, да и педагоги были люди известные. Среди них отличался Василий Алексеевич Шуко, построивший Русский павильон на Всемирной выставке в Риме и великолепные дома на Каменноостровском проспекте Петербурга, тогда впереди еще были его многие творения, которые он создаст после Октября: новое здание Библиотеки им. В. И. Ленина и Большой Каменный мост в Москве, пропилеи перед Смольным в Петрограде.

Каменные громады Петербурга, создания Растрелли, Росси, Баженова, Захарова, Воронихина, Тома де Томон, Кваренги, Монферана волновали воображение. Профессора рассказывали о великих творениях зодчих, об афинском Акрополе и венчающем его Парфеноне, о соборе Парижской богоматери и римском Колизее. Но Елена думала о своем. Для кого она будет строить? Где ее место в этом мире? Неужели все то, что было там, в Чернигове, в первом подпольном кружке,— это детское увлечение, забыты клятвы на берегу Десны и горячие споры о будущем России и ее предназначении?

Но нет, ничего не забыто. Дом Надежды Петровны становится местом сбора молодых революционеров, и, как на Петербургскую улицу в Чернигове, теперь на Васильевский остров приходят Соня Соколовская и Вера Лапина, Евгений Короткий, Андрей Гриневич. И снова идут несмолкаемые споры о революции, о свободе.

Уже осенью 1912 года Петербургский комитет большевиков поручает Елене завязать переписку с заграничным центром большевиков, получать оттуда письма и литературу. Вскоре в особняк на Второй линии Васильевского острова начали приходить письма из Женевы. Генерал Вернер внимательно рассматривал конверты, на которых был ясный и точный адрес: «Мадемуазель Елене Жданович», передавал конверты горничной, которая вручала их «барышне».

По четвергам у Надежды Петровны и ее супруга бывали журфиксы — приемные дни, на которые приглашалась избранная публика — генералы, сановники, извест-

ные врачи. Они вели светский разговор о раутах во дворце, новых назначениях, а у Елены ее друзья читали лекции совсем другого толка.

Осенью 1912 года Елена Жданович, Соня Соколовская и Вера Лапина вошли в нелегальный кружок студентов Петербугского университета, начали изучать «Капитал» Маркса и читать ленинскую «Правду», посещали лекции прославленных профессоров, сочувствующих российским социал-демократам, и сходки-летучки протеста против самодержавия. Это были их первые шаги в петербургском большевистском подполье.

Собрания на Васильевском острове стали все чаще и многочисленней. Генерал Вернер недоуменно смотрел на барышень и кавалеров, которые без его и Надежды Петровны приглашений навещали Елену, но молчал. Надежда Петровна начала догадываться, чем заняты вечерами внучка и ее друзья. Пристально приглядывалась к Елене: ей шел девятнадцатый год, пора было подумать и о подходящей партии. В Петербурге есть много знакомых блестящих офицеров, да и среди штатских немало достойных молодых людей.

Елена отшучивалась: о замужестве она пока и не думает, успеется. Надежда Петровна качала головой: не сразу поймешь, что у этого молодого поколения на уме. Вспоминала и свое поколение. Ах, эти грезы молодости! Нет, она, конечно, не забыла дивные вечера с Павлом Федотовым и Антоном Рубинштейном, бесконечные разговоры о декабристах и историческом призвании России. Но внучка, внучка! Что ждет ее и всех этих молодых людей! Ведь это совсем другой век и другой мир. Что принесет он России?..

Зимой 1912 года генерал Адольф Иванович Вернер скоропостижно скончался. Был он человеком справедливым и честным. За это его почитали. И когда гроб с генеральским телом везли на орудийном лафете на Смоленское лютеранское кладбище, за ним шло много людей всех чинов, а более всего — без чинов. В особняке на Второй линии Васильевского острова стало меньше бывать именитых гостей. Надежда Петровна рассчитала слуг, оставила кухарку, горничную и пригласила к себе компаньонку, которая читала ей книги и газеты. Иногда она ходила по комнатам, часто останавливаясь у полотен Павла Федотова. Вечерами, если Елена задержива-

лась, не отходила от окна, ждала ее. Последнее время друзья Елены приходили реже, а потом Елена и вовсе перестала приглашать их, боясь, что кто-либо из слуг сообщит полиции. Но Надежда Петровна знала, что Ждановичи, решив для себя что-то, уже не сворачивают с пути, и она не переставала беспокоиться о судьбе внучки.

Вскоре после кончины мужа Надежда Петровна решилась на шаг, к которому она себя давно готовила,— объявила, что передает Русскому музею в Петербурге все произведения Федотова, в том числе и ее портрет. В Русский музей поехала в сопровождении внука Якова Ждановича и там объявила свою волю. Директор музея от неожиданности растерялся:

— У нас денег таких нет, чтобы заплатить вам за такое несметное богатство.

Надежда Петровна ответила, что денег ей не надо. Все полотна она отдает в дар, а если Русский музей в состоянии это сделать, то пусть поставит памятник на могиле Адольфа Ивановича.

Еще до кончины Адольфа Ивановича Елена решила переехать на частную квартиру. Устраивать конспиративные собрания в особняке на Васильевском острове становилось все опаснее. Когда Надежда Петровна осталась без мужа, Елена повременила с переездом, но вскоре в Петербург приехала старшая сестра Лиза, теперь бабушка оставалась не одна, и Елена окончательно решила подыскать менее приметную квартиру.

После долгих поисков она поселилась у знакомых брата Николая на Песочной улице, в домике, который находился подальше от любопытных глаз. Домик этот принадлежал художнику Матюшину, и его вторая жена Ольга Матюшина рассказала в своих воспоминаниях:

«Первоначально домик на Песочной принадлежал какому-то генералу, любителю литературы. Умирая, генерал всю свою усадьбу завещал Литературному фонду. Усадьба состояла из большого сада, тянувшегося от Песочной до Карповки, и трех двухэтажных домов. Один, каменный, выходил фасадом на улицу литераторов. Там Литфонд устроил общежитие писателей. В центре сада стоял деревянный дом. В нем с 1912 года жил художник и музыкант Михаил Матюшин. Его покойная жена, поэтесса Елена Гуро, была очарована тенистым садом

и тишиной. Она уговорила свою сестру, Екатерину Генриховну, поселиться в доме, выходящем на Песочную».

В квартире Екатерины Генриховны Гуро и поселилась Елена Жданович. Комната ее стала подпольной явкой петербургских большевиков. Сюда приходили и кружковцы из «политехнички», присылали литературу и письма из заграничного центра большевиков.

В Европе уже было неспокойно, шла война на Балканах — репетиция всемирной империалистической бойни.

По настоянию Ленина в Международном социалистическом бюро обсуждался вопрос о единстве пролетариев всех стран против угрозы мирового пожара. Эта тема перешла в подпольные большевистские организации в России, на этом оселке оттачивалось и пропагандистское мастерство Елены Жданович.

В доме на Песочной у Екатерины Генриховны часто бывали писатели Венгеров, Крученых, Хлебников, сюда приходил Владимир Маяковский. Как-то он пришел к Елене в желтой кофте, заполнил собой всю комнату, раскинул руки, стал громко декламировать:

Я Уитмен,
Я космос,
Я сын Манхаттана.
Сквозь меня вдохновенно проходит
Волнами поток и откровенье...

Было тогда Маяковскому двадцать два года.

В августе 1914 года Европа взорвалась войной. По улицам российских городов шли новобранцы. «Черная сотня» устраивала шествия с хоругвиями, вопя: «Бей социалистов и инородцев». Царская охранка рыскала по всем углам, выискивая подпольные квартиры и явки большевистской партии. Шпики появились и на Песочной, установили слежку за Еленой. Лишь через несколько лет, когда рухнул прогнивший режим, секретные документы царской охранки рассказали, как охотились за Еленой Жданович и ее товарищами.

Война все больше давала себя знать в тылу. В Петербург, теперь уже Петроград, приходили поезда с изуве-

ченными, умирающими солдатами. Их привозили ночью, эшелоны выгружали на подступах к городу, чтобы никто не видел искаженные от мук и страданий лица погибающих «за веру, царя и отечество».

Елена решила ехать на фронт сестрой милосердия и там, в районе сражений, вести большевистскую агитацию. В Петербургском комитете большевиков сказали, чтобы она была крайне осторожна, дали небольшую книжку «Почему большевики выступают против войны?».

На фронт Елена думала ехать не одна, вместе с Лизой. В начале лета 1915 года они должны были выехать в действующую армию, но их задержала болезнь Надежды Петровны. Последнее время бабушка часто хворала.

Летом 1915 года Надежда Петровна позвала к себе Елену и Лизу, сказала им свою последнюю волю:

— Дни мои сочтены. Скоро мы простимся навсегда. Передаю вам все, что остается после меня. Тебе, Лизанька, все драгоценности... Ну, а тебе, Леля, я знаю, чего тебе надобно.— Она долгим взглядом посмотрела на внучку и сказала: — А тебе всю мою библиотеку. Книги всегда были моими друзьями, теперь они будут твоими.

Надежда Петровна, некогда чаровавшая своей красотой петербургскую публику, тихо скончалась в своем доме на Второй линии Васильевского острова. Из уважения к памяти покойного генерала и к ней гроб с телом ее также возложили на орудийный лафет и отвезли на Смоленское кладбище. Провожало Надежду Петровну в последний путь множество народу, а особенно петербургской интеллигенции.

После смерти бабушки Елена и Лиза выехали на фронт. Елена твердо надеялась, что, по крайней мере, в госпиталях для раненых солдат она будет проводить большевистскую агитацию. Об истории этой поездки через много лет, уже в годы Великой Отечественной войны, а точнее — 20 июля 1942 года, рассказал Яков Николаевич Жданович в письме к Екатерине Александровне Каминер, другу детства Анатолия Васильевича Луначарского,

Яков Жданович писал:

«Я вспоминал, когда писал Вам, и моих сестер Лизу и Лелю, этих двух своенравных и интересных молоденьких барышень, для меня еще девчонок... Они обе потихоньку от отца пошли в Петербурге на медкурсы, вернулись неожиданно для отца (в Чернигов.— *З. Ш.*) из своих «вузов», где они обучались. Явились к нему в форме сестер милосердия и поставили его рядом с свершившимся фактом: на руках они имели предписание явиться в г. Брест-Литовск к генералу такому-то. Учтивый генерал, узнав по фамилии, что Лиза и Леля внучки Надежды Петровны, всплеснул руками: «Внучки Надежды Жданович, ученицы Рубинштейна, друга Вагнера, художника Федотова...» Генерал в Бресте растерялся, он немедленно распорядился зачислить моих сестер в головной поезд принца Ольденбургского, начальника санитарной части театра военных действий при верховном главнокомандующем. Они тут же устроили ему скандал, истерику и демонстративно потребовали от него изменить приказ и назначить их в поезд тифозно больных для нижних чинов, т. к. ни одна сестра резерва в Брест-Литовске не пожелала работать в этом поезде... Когда об этом узнал отец их подруги, Сони Соколовской, он заплакал и сказал: «Земно им кланяюсь». И я, как брат, был горд за своих сестер».

Елена добилась своего. Ее и сестру направили к раненым солдатам. Санитарный поезд, в котором они оказались, состоял из «телячьих» вагонов с трехрядными нарами, на которых метались тифозные и тяжелораненые солдаты. Смертельно усталые санитары каждый день выносили мертвых и хоронили их здесь же, недалеко от санитарного поезда. Елена и Лиза устроились в головном вагоне, где находились врачи и два фельдшера. Медикаментов было мало, да они и бессильны были перед эпидемией тифа и гангренами.

Елена пробыла месяц в солдатском санитарном поезде, затем отправилась на передовую, уговорив и Лизу ехать вместе с ней.

На передовой как на передовой — убитые, тяжелораненые, истекающие кровью, с остекленевшими глазами, предсмертные хрипы умирающих и тихая мольба: «Сестрица, спаси, родная!»

Елена вытаскивала раненых, перевязывала, делала

все, что могла. Генерал, командир дивизии, наградил ее Георгиевским крестом. Она отказалась взять награду. Для нее это была награда от имени царя. Генерал побагровел, ничего не сказал, приказал выехать в Брест-Литовск. Там сестер Жданович ждал сюрприз. К принцу Ольденбургскому прибыл министр двора барон Фредерикс. Барон решил устроить торжественный ужин в честь храбрых сестер Жданович из старинного потомственного дворянского рода, «преданных царю и отечеству».

Пришлось идти. Фредерикс был сплошная любезность:

— Похвально, похвально! Наслышан о вас. Поздравляю с наградой.

Елена сидела, словно каменная. Ужин прошел натянуто.

Когда Елена возвратилась в санитарный поезд, к ней подошел врач и, убедившись, что их никто не видит и не слышит, вынул из кармана что-то завернутое в газету.

— Вы тут, когда уезжали, оставили в купе, я припрятал.

Передал Елене книжку «Почему большевики выступают против войны?».

Николай Николаевич был весьма обеспокоен отъездом своих строптивых дочерей в действующую армию, слал телеграмму за телеграммой в Петроград, пытался выяснить, живы ли Елена и Лиза, но ответа все не получал. Лишь в конце 1915 года сестры возвратились в столицу, нашли ворох телеграмм и писем и сразу же выехали в Чернигов.

После шумного Петрограда город, где прошло детство, как это всегда бывает после возвращения в обитель, показался тихим и провинциальным. Но и здесь, как всюду, шла своя жизнь, были свои заботы, свои горести. Кружок юных «чайниц» и «сектантов» уже не существовал: одни учились в Петербурге, другие были арестованы и сосланы в далекую Сибирь. В сибирском каземате уже томились Виталий Примаков и Марк Темкин.

Еще в конце 1914 года верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич издал приказ,

предписывавший ввести в армию порку за малейшие провинности. Черниговское военное начальство с удовлетворением восприняло приказ, возрождавший дикие порядки, царившие при Павле I. А тут подвернулся удобный случай донести, что приказ выполнен.

В запасном батальоне, который готовил к отправке на фронт маршевые роты, несколько солдат с опозданием явились на вечернюю проверку. Командир части приказал выпороть их розгами перед строем. Подпольная большевистская организация узнала о готовившейся экзекуции и выпустила листовку с призывом выступить против диких порядков в царской армии. Листовку написали Виталий Примаков и Марк Темкин. 14 февраля 1915 года ночью они ее распространили в гарнизоне, а следующей ночью были арестованы. Виталия Примакова и Марка Темкина, как главных обвиняемых, пять месяцев допрашивали с применением пыток. Потом их сковали цепью — рука к руке, отправили в Киев, где окружной военный суд приговорил их к вечной каторге.

Елена хотела было в середине января 1916 года выехать в Петроград, но тут случилось несчастье: скоропостижно скончался Николай Николаевич.

Здоровье его, и без того не очень крепкое, ухудшилось за последнее время. Немалой причиной тому были происки местных властей, все из-за гимназии для «инородцев». Интриги иерея Шестерикова, председателя «Союза русского народа», и местных черносотенцев, сделали свое дело. Когда из Киевского учебного округа пришло письменное распоряжение ввести в этой гимназии процентную норму, Николай Николаевич сильно разволновался; к утру его не стало: инсульт, или, как тогда называли, удар.

В последний путь Ждановича провожала вся черниговская интеллигенция. Говорили речи, вспоминали, сколько хорошего он сделал для людей. На кладбище пришли толпы крестьян из окрестных деревень. Женщины плакали, мужики, сняв шапки, понуро смотрели под ноги, не дали лопатами забросать могилу: брали ладонями землю, молча разминали замерзшие комья, и тихими струйками сыпалась земля на гроб.

Завещания Николай Николаевич не оставил. В личной конторке для бумаг нашли квитанции — плата за обучение в гимназии. Только после его смерти стало из-

вестно, что Николай Николаевич сам оплачивал учебу «инородцев» из бедных семей.

Из Петербурга пришли письма от Сони Соколовской и Веры Лапиной.

«Лекушка и Ли! Детки мои дорогие, родные, не горюйте, крепитесь... Так больно, что я не около Вас, не могу быть вместе с Вами сейчас... Помните, что мы все, любящие Вас, душою с Вами, болеем и горюем с Вами теперь и всегда. Целую крепко, крепко Вас и Верочку.

Поклонитесь от меня низенько, низенько Вашему папе.

Ваша Соня».

«Ле!

Больно. Больно безумно. Не верится горю такому. Если бы можно было не верить!

Люблю. Крепко целую тебя, Лизу, Верочку.

Вера Лапина».

Горестным было расставание с Черниговом. Но задерживаться долго и нельзя было. Петербургский комитет большевиков нуждался в каждом человеке; охранка вырывала из большевистских рядов то одного, то другого бойца.

В конце января Елена Жданович выехала в столицу. Поселилась на Бронницкой улице, дом 14-б. Всего лишь два месяца назад оставила она столицу, но изменения чувствовались и здесь. На Невском проспекте, в его ресторанах и кафе прожигали жизнь спекулянты, разбогатевшие на военных поставках, мчались лихачи, рекой лилось шампанское, но ничто и никто не могло скрыть растущую нужду на окраинах, калек, вернувшихся с фронта, недовольства войной в которой Россия губила миллионы людей во имя царя и помещиков. Но газеты по-прежнему подогревали шовинизм, попы в церквах выступали с проповедями, призывая отдать жизнь «за веру, царя и отечество».

Петербургский комитет большевиков боролся за каждую фабрику и завод. Во всех высших учебных заведениях также должны быть большевистские организации. Елене было поручено сделать все возможное, чтобы создать на Женских политехнических курсах фракцию большевиков. Но лишь в середине сентября 1916 года

ей удалось выполнить это задание и она сообщила в Петербургский комитет, что в «политехничке» организована группа слушательниц, поддерживающих точку зрения большевиков по всем вопросам политической жизни.

В сентябре 1916 года Объединенный комитет с.-д. фракции учебных заведений (ОК) при Петербургском комитете партии большевиков утвердил эту группу слушательниц Женских политехнических курсов как фракцию большевиков на курсах. Член Петербургского комитета, которому Елена сообщила состав большевистской группы на Женских политехнических курсах, сказал ей: «Отныне, с сентября 1916 года, вы являетесь членом Российской социал-демократической партии большевиков». Елена была избрана в состав общестуденческого комитета. Ей было поручено вести кружок большевистского направления на курсах. Она принимает участие в антивоенной пропаганде, в борьбе с меньшевиками и шовинистами, работает в «Бюро помощи репрессированным», участвует в организации сбора средств в пользу нелегальной большевистской печати. В поисках средств приходилось обращаться к прогрессивно настроенным писателям, профессорам, артистам.

Однажды довольно большую сумму внес А. Блок.

Елена Жданович понимала, что царская охранка следит за ней и каждую минуту может произойти провал, арест, ссылка, каторга. Но так уж устроен человек, что гонит от себя неприятные мысли и ожидаемое всегда оказывается неожиданным.

А случилось это неожиданное в середине декабря 1916 года.

Петербургский комитет большевиков решил во что бы то ни стало выпустить газету «Пролетарский голос». После ряда провалов и арестов надо было доказать, что партия жива, борется и не поддалась унынию. Газету решили напечатать в типографии Альтшуллера, помещавшейся на Фонтанке в доме № 96.

По поручению Петербургского комитета группа подпольщиков захватила типографию и отпечатала свежий номер газеты «Пролетарский голос» и резолюцию большевиков, которая призывала немедленно покончить с империалистической войной, свергнуть прогнивший монархический режим. Рано утром газеты и резолюцию надо

было распространить по заводам в нескольких районах Питера.

Охранка следила за квартирой Елены. Жандармский генерал Глобачев доносил своему начальству: «Наружным наблюдением было установлено, что в квартиру слушательницы Женских Политехнических курсов Жданович Елены Николаевны (Бронницкая улица, дом № 14-б) был направлен транспорт «Пролетарского голоса» для распространения; она с. д. большевичка была посвящена в дела издания «Пролетарского голоса»... Жданович Елена Николаевна, дворянка Черниговской губернии, в 1912 году выяснялась Отделением по требованию Начальника Черниговского губернского жандармского управления от 13 ноября за № 12193».

Рано утром 18 декабря на квартиру Елены Жданович прибыл рабочий Михайлов, принес два тюка газет и листовок. Он оказался провокатором. Вскоре пришла Вера Лапина. Она принесла адреса явок для доставки литературы на места. Явки эти ей передал Саша Шемелев, член исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков.

Елену Жданович и Веру Лапину арестовали и препроводили в полицейский участок. Только теперь они сообразили, что сейчас начнется личный обыск, а явки, переданные Сашей Шемелевым, они спрятали в лифы. Что делать? Елена и Вера переглянулись, не сговариваясь, сделали глотательные движения. Жандарм, к счастью, не заметил. Когда он отвернулся, девушки в мгновение ока вынули бумажки с явками и проглотили.

Жандармы донесли: «При обыске было обнаружено:

1. 421 экз. нелегального органа РСДРП «Пролетарский голос» от 18 декабря 1916 года.

2. 370 экз. печат. резолюции рабочих, состоявшей из 3 пунктов:

1. Ввиду того, что установление условий мира, заключенного при помощи современных правительств, обрекает нас на новые войны и потребует новых жертв; 2. то для предотвращения этого мы теперь же должны направить свои усилия на борьбу за политический переворот с целью немедленного прекращения войны, свержения царской монархии и замены ее демократической республикой, могущей обеспечить развитие борьбы пролетариата за социализм; 3. Приветствуя товарищей рабочих

Германии и других воюющих стран, выступающих против своих поработителей, мы призываем их тесно сомкнуть свои ряды под знаменем революционной борьбы...»

На следующий день Елену и Веру отправили в Выборгскую женскую тюрьму. Елене предъявили обвинение по 102-й статье, часть II — каторга до восьми лет с лишением всех прав состояния и звания. Жандармский генерал, довольный успехом, доносил: «С арестом Лапиной и Жданович 18 декабря 1916 года... связывается провал Объединенного комитета».

Об аресте Елены стало известно в Чернигове. В Петроград прибыли предводитель черниговского дворянства граф Мусин-Пушкин и крупнейший черниговский помещик Свечин, побочный сын императора Александра III. Они явились в департамент полиции и потребовали немедленно освободить Жданович: дескать, недоразумение, не может быть, чтобы дочь известного России дворянина пошла против царя. А высокий полицейский чин им в ответ:

— Ваши превосходительства, у нее нашли прокламации против царя и войны. Елена Жданович уже давно подрывает устои монархии.

— Не верим! — заявили граф и помещик.— Черниговское дворянство берет Елену Жданович на поруки до суда и, если это понадобится, внесет десять тысяч рублей в качестве залога.

Когда Мусина-Пушкина и Свечина познакомили с «делом» Елены Жданович, они умчались сразу в Чернигов.

В середине февраля на свидание к Елене допустили брата Николая, офицера Кексгольмского гвардейского полка. Он успел шепнуть:

— Крепись, скоро что-то должно произойти.

1 марта 1917 года в камеру донеслись крики: «Свергли! Свергли!» Открыли железную дверь, Елена вышла за ворота тюрьмы. Столицу нельзя было узнать — всюду знамена, с улиц исчезли полицейские, люди на улицах обнимались.

Елене не хотелось идти домой, где она жила последнее время, и она направилась к своей подруге Елочке Адамович. Муж Елочки, офицер, был убит на войне, и она жила одна в большой квартире на Каменноостровском проспекте.

Утром на следующий день Елена была уже в районном комитете большевиков на Петроградской стороне, где получила ряд заданий.

Теперь она встречалась с рабочими, с теми, кто стоял у станков в темных, задымленных цехах заводов и фабрик, кто своими руками создавал национальное богатство России и кого грабили больше всех.

В те первые месяцы после Февраля она впервые легально приходила на фабрики и заводы выполнять партийные поручения: изложить программу своей партии, программу Ленина. Теперь это уже была не «барышня», только что приехавшая из Чернигова. Позади годы борьбы, арест, тюрьма — тяжкие годы познания жизни. И двадцатитрехлетняя большевичка говорила с рабочими о самом важном, самом сокровенном, что волновало всех,— о необходимости покончить с империалистической войной и взять власть в руки народа.

На одной из фабрик кто-то бросил ей из толпы:

— Говоришь ладно, но кто ты такая?

На мгновение она смутилась. Но только на мгновение. Потом, резко подняв голову, бросила в ответ:

— Я пришла к вам от большевиков. А вышла из 105-й камеры Выборгской тюрьмы.

Наступила тишина, сменившаяся одобрительным гулом:

— Говори, девушка. Мы слушаем тебя...

Надо было зарабатывать и на хлеб насущный. Елена устроилась в контору по обводнению Забайкальской степи, готовила чертежи, технические выкладки, проектировала рабочий поселок.

В Петроград приехала сестра Вера.

В Чернигове Елена относилась к ней снисходительно-покровительственно, как к младшей сестре. Теперь Вере шел двадцать первый год. В Чернигове она входила в революционный кружок и тоже была на подозрении у царской охранки. Среднего роста, миловидная, с добрыми серыми глазами, всегда готовая помочь, она вызывала симпатию у всех, кто знал ее. Вера уже была членом РСДРП большевиков, ее направили на работу в Комитет по оказанию помощи прибывающим в Петроград освобожденным политическим.

Поздним апрельским вечером, когда с Балтики дули

весенние ветры, сестры Жданович были у Финляндского вокзала, издали видели Ленина. До них донеслись отдельные слова его речи, но сердцем они поняли, что отныне дан решающий толчок всему происходящему в России.

В июле Керенский приказал стрелять в демонстрацию рабочих и солдат. Для большевиков снова наступили трудные дни. Начались аресты. Елена и ее сестра Вера по заданию райкома носили передачи Александре Михайловне Коллонтай, которая была в Выборгской женской тюрьме, и другим арестованным товарищам.

В ночь на 25 октября Елена была на Петроградской стороне. Она не знала, что вот-вот начнется штурм Зимнего дворца и что в рядах штурмующих будет Виталий Примаков, вернувшийся из сибирской ссылки. Утром 26 октября она видела, как в грузовиках везли министров Временного правительства. Елена помчалась в райком, где встретила знакомую большевичку из больничной кассы Путиловского завода Фросю Кащевскую.

Из райкома их направили в Смольный.

В Смольном народу — не протолкнуться. Елена и Фрося нашли Глеба Ивановича Бокия, члена Петроградского комитета, к которому их послали, и там получили партийные поручения.

И все срочные, и все крайне важные.

При Петербургском комитете была создана Контрольная комиссия правительственных учреждений под председательством Бокия для негласного выявления через партийные ячейки ярых саботажников с целью их удаления перед предстоящим переездом правительства в Москву.

Елена Жданович и Фрося Кащевская стали активными членами этой комиссии.

Вечером пришел брат Николай. Накануне его направили охранять телеграф. Там он провел всю ночь. Был радостно взволнован, сказал сестре:

— От большевиков на телеграф прислали комиссара, женщину. Красива, обворожительна, умна. Чудо! На ней кожаная куртка, на голове кожаное кепи, сбоку револьвер. Я познакомился с ней.

— Как ее зовут? — спросила Елена.

— Как зовут? Лариса Рейснер[1].

11 марта 1918 года Советское правительство выехало из Петрограда в Москву. Петербургский комитет большевиков направил туда же Елену Жданович и Фросю Кащевскую. Приехала в Москву и Вера Жданович. Елене и Фросе как членам Контрольной комиссии правительственных учреждений поручили передать материалы комиссии в Московский комитет партии.

Сразу же по приезде Елена и Фрося направились в Московский комитет. Секретарь МК Р. С. Землячка, проверив мандат, удивленно сказала: «Петербургский комитет поручает это ответственное задание таким молодым девочкам?» — «Если бы не было таких молодых девочек и мальчиков, у вас не было бы армии»,— смеясь, сказала Елена.

Секретарь Московского губернского комитета партии Манцев предоставил Елене и Фросе свой кабинет для созыва совещания и передачи дел и материалов представителям ячеек правительственных учреждений, переехавших из Петрограда в Москву.

В скором времени Фросю Кащевскую послали на работу на Урал. Елену Жданович направили к члену МК Загорскому[2], он ей сказал:

— Вот тебе, товарищ Елена, ордер, жить вместе с сестрой будешь в гостинице «Метрополь». Вопрос решен, МК направляет тебя на работу в редакцию «Правды». Завтра же отправляйся на Тверскую. Возле Страстной площади в доме книгоиздателя Сытина разместилась редакция. Там уже Мария Ильинична Ульянова. Ты поступаешь в ее распоряжение. А Веру мы направим на ра-

---

[1] Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926) — активная участница революции и гражданской войны, талантливая журналистка и писательница, автор ярких публицистически-художественных произведений «Фронт», «Афганистан», «Гамбург на баррикадах», памфлетов о германских промышленниках. Послужила для Всеволода Вишневского прообразом комиссара в «Оптимистической трагедии». Это о Ларисе Рейснер написала Лидия Сейфуллина: «Живым надо о ней вспоминать для вкуса к жизни».

[1] Загорский (Лубоцкий) Владимир Михайлович (1883—1919) — активный деятель большевистской партии, секретарь МК РКП(б). Погиб при взрыве здания МК в Леонтьевском переулке 25.IX.1919 г.

боту через несколько дней. Если что нужно будет — приходи.

Мария Ильинична приняла Елену с дружеской теплотой, сказала, что она назначается помощником секретаря редакции «Правды». Ей поручается присутствовать на митингах, где выступает Ленин, давать в газету краткие отчеты и готовить для печати письма, поступающие из городов и сел.

Елена должна была приступить к работе в тот же день, но позвонили из МК и попросили прислать ее в помощь учетному отделу. Надо было срочно подготовить кадровые листки для рассылки партийных работников на места.

Несколько дней Елена выполняла поручение Московского комитета партии, а затем вернулась в редакцию «Правды». Веру направили на работу в Коминтерн.

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

В начале 1918 года в гостинице «Метрополь» разместился Народный комиссариат иностранных дел, поселились руководящие деятели большевистской партии, Советского государства и рядовые партийные работники. В литере 12 жила и Елена Ждапович с сестрой.

Теперь, после переезда в Москву, ставшей отныне столицей Советской России, для Елены началась новая жизнь. Вера теперь была единственным человеком, напоминавшим самим своим присутствием, что было детство, уют богатого поместья, светлые залы особняка на Петербургской улице в Чернигове, весь тот уклад богатой семьи и все то довольство, которое окружало ее с колыбели до того дня, когда она покинула отчий дом и умчалась в Петербург, в новое и тогда еще туманное для нее будущее.

В Чернигове остались друзья по ученическому революционному кружку, но сведений о них она почти не имела. Еще в апреле 1917 года из Чернигова в Петроград пришло письмо от Веры Лапиной. Она писала, что губернатор прислал к ней пристава, просил прийти и рассказать, что происходит в Петрограде. Вера ответила городовому, что если губернатору надо, то пусть он сам к ней приедет.

Больше никаких вестей из Чернигова не приходило.

Там уже шла гражданская война. Окольными путями Елена узнала, что Вера Лапина — в подполье, а Соня Соколовская — в Киеве, секретарь подпольного обкома большевиков. Ничего не было известно о Виталии Примакове, Юрии Коцюбинском и других друзьях детства и юности.

Теперь вся жизнь для Елены была в том кругу, где она могла показать и доказать, что она может сделать своими силами для утверждения той, новой власти, новых справедливых порядков жизни, ради которых она ушла в революцию. И этим кругом стала для нее редакция «Правды», важнейший рупор партии, который сообщал народу обо всех трудностях, обо всем, что происходило в стране и мире, от которого Россия теперь была отрезана начинающейся интервенцией, блокадой и гражданской войной. И когда Мария Ильинична сказала Елене, что ей поручается давать краткие отчеты о выступлениях Ленина на митингах, то она, конечно, знала, насколько это важно, но еще не понимала, что ей поручена миссия историческая.

Каждый раз, когда Елена стояла у трибуны, с которой выступал Владимир Ильич, она, как и все присутствующие, поддавалась огромному влиянию личности Владимира Ильича.

С той поры прошло шесть десятилетий, и вот что она рассказывает о выступлении Ленина на Высших женских курсах 26 июля 1918 года.

Только что был подавлен контрреволюционный левоэсеровский мятеж, и сразу же открылся V Всероссийский съезд Советов, принявший 10 июля Конституцию Российской Советской Республики. Ленин выступал два-три раза в день на заводах и фабриках. Еще накануне выступления на Высших женских курсах Мария Ильинична сказала, что Владимир Ильич завтра вечером выступит в большом зале Бегового общества на Ходынке, а днем — на Высших женских курсах.

Задолго до намеченного часа толпы людей направились к зданию Высших женских курсов на Малой Царицынской улице — там ныне находится Московский педагогический институт имени Ленина. Большой зал курсов вмещал более тысячи человек Елена боялась, что не сумеет протиснуться сквозь толпу, и пришла раньше, чтобы стать снизу у трибуны.

Зал уже был полон, казалось, нет ни одного места, а люди все шли и шли, втискиваясь в проходы между стульями, проникая во все уголки зала.

Ленин, как всегда, появился незаметно, быстро прошел к трибуне. И тут началось то, что уместилось в одну строчку записи Елены, но не может быть выражено и тысячей строк: «Появление тов. Ленина встречается бурной овацией». Это тысячная разношерстная масса людей — солдат, курсисток, рабочих, вчерашних мелких чиновников — приветствовала Ленина и рождение новой эры.

Ленин все никак не мог начать говорить.

Наконец, волна оваций стихла, и громкий голос Ленина долетел до всех уголков огромного зала. Он сказал, что новая Конституция должна дать трудящимся безраздельную власть во всех областях политической и социальной жизни. И когда Ленин, заканчивая речь, провозгласил: «Наша задача — преодолеть все препятствия, встречающиеся на пути, как бы тяжелы они ни были, и удержать власть Советов...»— наступила та тишина, которая бывает только в торжественные минуты, и лишь затем люди дали волю своим чувствам. Елена, наскоро записав: «Громом аплодисментов были покрыты последние слова вождя русского пролетариата тов. Ленина», умчалась в редакцию, чтобы поскорей передать эту маленькую заметку Марии Ильиничне.

Я спрашиваю: сохранились ли какие-либо записи той поры?

— Черновая запись этой заметки сохранилась. Подлинник, опубликованный в «Правде» 28 июля 1918 года, вошел в 36-й том Полного собрания сочинений Ленина.

Шли месяцы и годы. По воскресеньям вместе с Марией Ильничной Елена отправлялась в Горки. Там был небольшой домик, куда приезжали работники МК и ЦК. На дорожках парка она иногда видела Ленина. Видела она Владимира Ильича и в редакции «Правды», куда он изредка приезжал.

Мария Ильинична публиковала обзоры писем рабочих и крестьян. Перед публикацией иногда просила Елену прочитать, а затем уж давала редактору.

Приведу запись о тех днях, сделанную Еленой Николаевной:

«Воспоминания о работе в редакции «Правды» — это воспоминания о самых светлых страницах моей жизни... У нашей партии и страны было много тяжких испытаний в те годы, но было и много светлого, чистых стремлений, и это время мне кажется прекрасным, сказочным сном.

Встречи с Лениным в редакции, переговоры с Владимиром Ильичем по телефону. Было какое-то необъяснимое чувство, будто электрический ток проходил по всему телу, ведь ни одного слова нельзя пропустить, когда он передает поручение для Марии Ильиничны.

Мария Ильинична, неповторимая Мария Ильинична! То строгая, сосредоточенная, то ласковая и даже застенчивая... «Лелечка, прочтите. Как вам кажется, хорошо это?» И я, ошеломленная от неожиданности, с широко раскрытыми глазами читаю написанную ею статью или заметку. Или вдруг вспыхнет, раскраснеется — кого-то пробирает... А потом, обращаясь ко мне:

— Тихая девочка, как нехорошо получилось...

В редакции вся жизнь была школой, огромной поучительной школой... Время было тревожное, но шутки, остроумные разговоры не смолкали. Мелькают перед глазами Мещеряков, Осинский... другие члены редакционной коллегии — все они разные, так непохожие друг на друга.

...Вспоминаю свои первые заметки в «Правде»... Я была горда и счастлива, когда Мария Ильинична посылала меня записывать выступления Ленина... Помню страшные дни после ранения Ленина. Мария Ильинична вдруг бросила все материалы, сказав мне:

— Составьте сами номер.

Уехала, больше ничего не сказав мне, и я не могла, не смела задать вопрос... Мысли расползались. В тот страшный вечер я сама составила номер «Правды» и отправила материал в набор...»

В 1919 году в Москве состоялся Первый конгресс Коминтерна. Из Италии на конгресс приехал Лоренцо Ванини и неожиданно привез Елене письмо от Сони Соколовской. Елена не знала, что Соня в Италии. Письмо было краткое: «Дорогой дружочек, Лелечка! Я здесь. Так надо нашей партии. Как счастливы мы, что меч-

ты сбываются... Крепко, крепко целую тебя. Твоя Соня.

Р. S. Что слышно о Чернигове? Как хочется посидеть на берегу Десны».

Елена с сестрой продолжали жить в литере 12. Теперь сестры встречались очень поздно. Вера уже работала в секретариате Чичерина и тоже задерживалась до ночи. Потом начинались расспросы о том, как прошел день. В литере 12 было пианино, и в выходные дни сестры устраивали импровизированные концерты. Вера аккомпанировала, Елена пела. Чистый, удивительно красивого тембра голос заполнял комнату, вырывался в коридор.

Послушать сестер приходили многие жившие в «Метрополе». Заходили и писатели, иногда Сергей Есенин, знавший Елену еще по Петербургу. Обычно он появлялся со своим приятелем писателем Гусевым-Оренбургским и знакомой девушкой. Восторженный, одухотворенный великими событиями, Есенин читал свои стихи:

Ратью смуглой, ратью дружной
Мы идем сплотить весь мир.
Мы идем, и пылью выожной
Тает облако горилл...

После «концерта» Вера ставила угощение — тараньку, кусок черного хлеба, чай. Иногда все вместе отправлялись в кафе «Красный петух» на Кузнецком мосту, где выступал пианист Софроницкий. Есть там было нечего, но музыки и стихов было вволю.

Как-то Мария Ильинична сказала Елене:

— Почему бы вам не учиться пению? Голос у вас великолепный. Поступайте-ка в консерваторию.

Была весна.. В здании консерватории было холодно, как в склепе, но жизнь шла и там, заявляя о себе звонкими молодыми голосами, тихим пением скрипок и аккордами роялей. Профессор Варвара Михайловна Зарудная, жена директора консерватории Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова, прослушала Елену и приняла ее в свой класс.

После митингов, сдав Марии Ильиничне очередную заметку или выправив письма рабочих-корреспондентов, Елена уходила в консерваторию. В «Метрополь»

иногда возвращалась поздно вечером, спешила по темным притихшим улицам, с опаской поглядывала на подворотни, откуда в любой миг мог выскочить «жиган».

Осенью одна старая музыкантша, перевидавшая на своем веку всяких людей и прослушавшая многие голоса, сказала Елене:

— Милая, с такими данными, как у вас, знаете, к кому надо пойти в ученицы? К самой Софье Григорьевне... к Рубинштейн.

— Она жива?

— Жива. Только редко кого соглашается учить. Ведь она саму Нежданову выучила. А вы, милая девушка, попробуйте. Может, повезет.

В комнате Софьи Григорьевны на Арбате стоял большой старинный рояль. В углах приткнулись облезлые шкафчики, дымила «буржуйка». Было холодно и неуютно. А со стены, заполняя собой полкомнаты, смотрел Антон Рубинштейн.

Софья Григорьевна приняла Елену молча.

Елена назвала себя.

— Вы Жданович? А из каких Ждановичей? Знавала я Надежду Петровну, ученицу моего брата Антона.

— Это моя бабушка.

— Вот как... Помню Наденьку. Помню.

Софья Григорьевна долго рассматривала посетительницу, потом сказала:

— Антон часто рассказывал о Наденьке. Так вы уроки хотите у меня брать? Ну что ж, попробуем.

Подошла к роялю, подняла крышку, из-под старческих пальцев полились мощные звуки. Повернувшись к Елене, спросила:

— Что исполните?

— Романс Чайковского «Ночь».

— Начнем.

Елена запела:

Меркнет слабый свет свечи,
Бродит мрак унылый.
И тоска сжимает грудь
С непонятной силой.

Потом исполнила еще две итальянские арии. Софья Григорьевна помолчала, не поворачивая головы, сказала:

— Я беру вас.

Плату за учебу Рубинштейн взять отказалась. Елена пыталась платить «натурой». Принесла как-то кусок сливочного масла. Софья Григорьевна села за рояль, и сразу же начался урок. Впопыхах Елена положила масло на дымившую «буржуйку». Горький, едкий дым заполнил комнату. Масло растаяло и сгорело...

Уроки пения продолжались лишь несколько месяцев. Зимой Софья Григорьевна заболела воспалением легких. Приехал известный врач Россолимо. Елена привезла доху, оставшуюся после смерти отца, в нее завернули Софью Григорьевну и отвезли в Екатерининскую больницу у Петровских ворот.

А через несколько дней из больницы Елене сообщили:

— Ваша родственница скончалась.

Там думали, что Софья Григорьевна родственница Елены.

Утром Елена помчалась по неотложному делу в редакцию, а потом на похороны. Дроги с телом учительницы догнала на Большой Калужской улице, проводила ее в последний путь...

В 1920 году нежданная болезнь заставила Елену уйти из «Правды». Горлом пошла кровь. Недоедание, холод, нервное истощение сделали свое дело. Приговор врачей был краток и суров: галопирующий процесс в легких. Эту болезнь не случайно называют скоротечной чахоткой: смерть через две-три недели. Кто выдержит этот срок, может надеяться на спасение. Больше года Елена лежала в туберкулезной больнице. Мария Ильинична приезжала к ней, привозила продукты, звонила врачам. Елену удалось спасти. Но о возвращении в редакцию нельзя было и думать. Пришлось бросить и консерваторию.

Елена решила вернуться к старой специальности, пошла в архитектурную мастерскую при Моссовете. Только что кончилась гражданская война, надо было залечивать раны — строить дома, заводы. Новая экономическая политика делала свое дело. Голод отступал, меньше стало бездомных детей, ожили города, вернулись в строй железные дороги.

...Борис Бреслав встретил ее еще до болезни. Он был много старше ее. Этот сын землекопа из Белоруссии в 1899 году вступил в Российскую социал-демократическую партию. Потом была сибирская каторга, побег, эмиграция. Бреслав поступил в созданную Лениным партийную школу в Лонжюмо близ Парижа, вместе с Серго Орджоникидзе возвратился в Россию на подпольную работу, и там снова тюрьмы и каторга.

Человек блестящих способностей, с необыкновенной памятью, он и в ссылке использовал каждую минуту, чтобы овладеть знаниями, изучил иностранные языки. Вскоре после Октября Бреслав был назначен заместителем командующего Московским военным округом и начальником политуправления.

РИМ — МИЛАН — ПАРИЖ

В 1923 году Борис Бреслав и Елена Жданович стали мужем и женой и Елена переехала к нему на квартиру, находившуюся в здании штаба Московского военного округа во Всеволожском переулке.

Болезнь Елены все еще давала себя знать, врачи опасались возврата туберкулеза, и ей разрешили выехать в Италию на лечение.

Елена не хотела расставаться с Москвой, но ехать было надо. К тому же она с нетерпением ждала встречи с сестрой: еще два года назад Веру послали на работу в советское полпредство в Италии. В начале 1924 года Елена начала готовиться к отъезду. 21 января, в день своего рождения (по новому стилю), она решила созвать близких друзей и попрощаться с ними перед отъездом в далекую страну.

Прознав о поездке Жданович в Италию, пришел и Николай Семенович Голованов, тогда уже хорошо известный в музыкальном мире композитор, а впоследствии главный дирижер Большого театра. Он попросил Елену заказать в Милане у знаменитого мастера Николаи балетные туфельки как образец для Большого театра.

В квартире было шумно, сыпались шутки, остроты. Неожиданно резкий звонок прервал веселье. Бреслава немедленно вызвали в Кремль... Автомобиль у подъезда.

Он возвратился поздно, когда гости уже расходились. Елена не узнала мужа — лицо его было серым, как после страшной болезни, глаза воспаленные. На ее немой вопрос он тихо ответил:

— Умер Ильич.

Елена выехала в Рим 27 января.

Был лютый мороз. По дорогам, занесенным снегом, молча шли к Москве тысячи людей. Шли старики в зипунах, шли дети, закутанные до глаз платками. Шли мужчины и женщины. Шла вся Россия отдать последний долг Ленину.

Поезд остановился, как остановились все поезда и автомобили, заводы и фабрики, как остановились миллионы людей на улицах городов и сел по всей стране. Страшный, тоскливый гудок поплыл над притихшим лесом, над толпами людей, тянувшихся к Москве, в ту минуту, когда гроб с телом Ленина устанавливали в быстро построенном деревянном Мавзолее...

В Риме на вокзале Елену встречала Вера. Сестры, обнявшись, посмотрели друг другу в глаза. Потом Вера сказала:

— У нас в полпредстве траур. Я дежурила в ту ночь, когда из Москвы пришло сообщение о смерти Ильича... Каждую ночь у здания полпредства тайно оставляют букеты живых цветов, обвитые траурными лентами: Италия скорбит вместе с нами...

Вера отвезла Елену к себе на улицу Корсо д'Италиа, в дом 44-А. В маленькой квартире было уютно, много книг, газет. Елена остановилась у стены и обмерла: перед глазами был родной пейзаж — дерево на берегу Десны, на ветвях которого они сиживали в те, теперь уже далекие годы...

Сложной была политическая обстановка к тому времени, когда Елена Жданович прибыла в Италию. На Генуэзской конференции Советская Россия опрокинула заслоны внешнеполитической блокады, вышла на мировую арену, но капиталистический мир все еще не желал смириться с существованием социалистического государства. Не прекращались провокации, налеты на советские представительства. 9 мая 1923 года белогвардеец Конради убил в швейцарском городе Лозанне

советского полпреда в Италии Вацлава Вацлавовича Воровского.

В Италии хозяйничала фашистская клика Муссолини. Коммунистическая партия подвергалась жесточайшему террору. На площади Венеции в Риме перед Квиринальским дворцом горланили чернорубашечники, и дуче благосклонно улыбался им.

Без устали сестры бродили по улицам и холмам Вечного города, подолгу стояли на мостах, переброшенных через Тибр, взбирались на Форум и Палатин. Здесь каждая песчинка была историей. Молча шли они мимо развалин дворцов и терм, постояли у стен Ромула и Сервия, дивясь безграничным возможностям человека, над гением которого не властно даже время...

Еще перед отъездом, по совету профессоров Московской консерватории, Елена решила продолжить в Италии свое музыкальное образование, но не была уверена, что это ей удастся. Однако случай помог. Однажды кто-то из гостей, наслышанный о голосе Елены Жданович, попросил ее спеть на вечере в полпредстве. Она села за рояль. Завороженные слушатели не заметили, как под раскрытыми окнами собралась толпа. Полицейский, дежуривший у здания полпредства, не сумел сдержать ее натиск и в конце концов, махнув рукой, сам поддался обаянию певицы.

Голос Елены поразил присутствовавшую на вечере известную итальянскую певицу Бьянку Каммани. Музыкантша была потрясена, позвонила в Милан профессору консерватории маэстро Ванцо, рассказала о «соловье», прилетевшем из Советской России. Ванцо согласился принять Жданович. Договорились, что через две недели она выедет в Милан. Бьянка сразу же начала хлопотать о квартире в Милане и договорилась, что Елена Николаевна будет жить там, где жила и жена Шаляпина Иола Игнатьевна Тарнаги.

Вскоре в Рим в краткосрочный отпуск приехал Борис Бреслав, и Елена вместе с мужем отправилась в путешествие по Италии. Они побывали на развалинах Помпеи, в Неаполе, на Капри.

Потом вернулись в Рим. На приеме в полпредстве Елена оказалась за столом рядом с очень красивой женщиной.

— Кто эта дама? — спросила она у Веры.

— Супруга Бориса Иофана...

Старшему поколению хорошо известно имя советского зодчего Бориса Михайловича Иофана, автора многих дивных сооружений, павильонов СССР на выставках в Нью-Йорке и Париже, бессменного члена Градостроительного совета Москвы, народного архитектора СССР.

Как же оказался он в Италии?

Борис Иофан родился в Одессе. В юности увлекался искусством, мечтал поступить в Петербургскую императорскую академию художеств, где учился старший брат, приобщивший его к искусству. Но жизнь Бориса сложилась по-иному. В те годы два итальянца, старые гарибальдийцы Иорини и Моранди, основали в Одессе архитектурную мастерскую. Они-то и открыли Иофану дорогу к этому искусству. Старый, добрый Иорини, прошедший с Джузеппе Гарибальди весь боевой путь, теребя свою огромную седую бороду, говорил:

— Поезжай в Италию. Только помни: искусство не ищи в музеях. В Италии оно на улицах. Смотри, наблюдай, дерзай!

Борис Иофан уехал в Италию, учился, работал, открыл архитектурную мастерскую на Виа Маргуте в Риме.

Кончилась первая мировая война. Муссолини основал фашистскую партию, организовал поход своих банд против рабочих организаций. Два великих итальянца возглавили борьбу против фашизма: Антонио Грамши и Пальмиро Тольятти. С ними познакомился Борис Иофан, они не раз бывали в его мастерской. А когда в 1921 году на съезде в Ливорно была создана Итальянская коммунистическая партия, Борис Иофан вступил в эту партию и надолго связал с ней свою жизнь.

В Риме Борис Иофан встретил женщину, ставшую его женой. Она и была той красавицей, которой поинтересовалась Елена Жданович.

— Но кто же она? — спросила Елена у сестры.

— О, это целая история, и притом весьма романтичная. Ведь жена Иофана Ольга Огарева из старинного рода.

— Но как же она оказалась в Италии, и почему ее принимают в полпредстве?

— В 1921 году вместе с Борисом Михайловичем она вступила в Итальянскую коммунистическую партию.

—??

— Ольга Огарева была в Италии еще до Февральской революции. Там встретилась с Иофаном, ушла от своего сановного мужа и стала женой коммуниста.

Елена Жданович выехала в Милан, чтобы встретиться с Ванцо и приступить к урокам музыки. Вместе с Бьянкой Каммани они отправились к прославленному маэстро, Елена исполнила две итальянские арии и одну русскую. Ванцо без обиняков заявил:

— Если вы захотите, если вы будете работать, то у ваших ног будет весь мир. Ведь у вас четыре октавы... Это редкость...

Тут же назначены были дни занятий. Теперь можно устраиваться надолго.

Жить в квартире, где находилась Шаляпина с семьей, было не очень приятно.

Шаляпин разошелся с ней еще в 1906 году. Бракоразводный процесс начался сразу же после его ухода из семьи, но закончился лишь в 1927 году. В 1924 же году, когда Елена Жданович находилась в Милане, процесс был в разгаре. Погрузившись в апатию, Иола Игнатьевна целыми днями сидела с распущенными волосами и что-то повторяла на ломаном русском языке.

Приходили дети Шаляпина Борис и Татьяна, бывала там и Ната Кашук, дочь импресарио Шаляпина. Они, как могли, успокаивали ее.

Елена подумывала о том, чтобы перебраться на другую квартиру, но тут вмешались другие силы.

Как-то отправилась она на массовку итальянских рабочих, слушала речи против фашизма, горячие южные песни. А вскоре во время очередного урока у Ванцо в гостиную вошла испуганная горничная, отвела маэстро в сторону, шепнула, что пришел капитан карабинеров.

Маэстро спросил, что ему угодно.

— У вас находится синьора Жданович из Петрограда,— сказал капитан.

— Какая синьора Жданович? О ком вы говорите?

— Маэстро, у нее великолепный голос, и она сюда приехала совершенствовать его, но нам известно, что синьора Жданович была на митинге этих лаццарони[1].

[1] Лацарони — презрительная кличка бедняков.

— Великолепный голос? Откуда вам это известно?

— Маэстро, она пела вместе с ними «Бандьера Росса». Она так пела, что толпа стала еще больше.

Маэстро не растерялся. Бросив на карабинера свирепый взгляд, парировал:

— У меня нет никакой синьоры Жданович. Я сейчас даю урок синьоре Бреслав из Москвы и прошу не мешать.

Карабинер удалился. А огорченный маэстро сказал Елене Николаевне, что ей надо немедленно уехать из Италии.

Так закончились уроки пения в Милане. Сборы в дорогу были поспешными. Но Елена все же не забыла выполнить просьбу Н. С. Голованова о балетных туфельках для Большого театра.

«Предприятие» по производству балетных туфелек всемирно известного мастера Николаи размещалось в одной комнате старинного дома на тихой незаметной улице Милана. Он был счастлив выполнить просьбу знаменитого Большого театра и тут же передал пару великолепных туфелек, решительно отказавшись взять деньги.

В конце 1924 года Елена возвратилась в Москву. Это было время, когда страна готовилась к индустриализации, нужны были научные институты, лаборатории. Она ушла работать на строительство, с бригадой архитекторов разрабатывала проект Дома ударника при крупнейшем авиационном заводе Москвы, потом проектировала школы, детские ясли, жилые дома и правительственные здания.

1929 год снова круто изменил жизнь. Бреслава назначили торгпредом во Франции. Вместе с ним Елена Николаевна уехала в Париж.

Пестрой и сложной была политическая жизнь на Западе. Через десять лет после первой мировой войны Европа уже оправилась после тяжкой разрухи, прошла через короткий период «стабилизации экономики» и теперь вползала в глубокий экономический кризис. Он заставил Запад по-новому взглянуть на Советскую Россию. Время бойкота осталось позади. Франция позже других стран признала СССР и теперь спешила наверстать упущенное. Тем более что под боком, в Германии, маршировали штурмовые отряды Адольфа Гитлера.

В Париже Бреслав был занят переговорами с фирмами. Из Соединенных Штатов Америки уже выехали в Советский Союз многие инженеры для работы на Магнитке, в Кузбассе, на строительстве Сталинградского тракторного и в Нижнем Новгороде, где строился автозавод. Франция старалась не остаться в стороне от веления времени. Многие инженеры, оказавшиеся у себя на родине за бортом, предложили свои услуги. Бреслав заключал с ними контракты, отправлял в Москву, Ленинград, другие города.

Бреславы поселились у парка Бют Шомон, а потом переехали в более просторную квартиру в Булонь Сюрсень. Зачастили туда советские граждане, находившиеся во Франции. Наведывались и российские эмигранты, искавшие пути для возвращения на Родину. Советским полпредом во Франции был тогда Валериан Савельевич Довгалевский, опытный партийный деятель и дипломат. Он пристально наблюдал за расслоением белой эмиграции, понимал, что многие русские бежали из Советской России, попав в тенета лжи, растерялись от невиданных и неожиданных для них бурных событий.

В те годы в квартире Бреслава бывал граф Игнатьев, жаловался, что не все хотят и могут его понять. А он и не мыслит своей дальнейшей жизни без России. Вскоре его желание осуществилось, и он выехал в Москву[1]. Как-то Алексей Алексеевич рассказал Елене Николаевне, что приходил к нему Федор Иванович Шаляпин, жаловался, что тоскует по России, но нет у него сил, чтобы прийти вот сюда и рассказать об этой своей неизбывной тоске.

В 1932 году Елена Николаевна возвратилась в Москву. Уже заканчивалась первая пятилетка. Газеты пестрели сводками с Магнитки и Кузбасса, строительства среднеазиатских каналов и Днепрогэса.

Трудные и по-своему неповторимые годы. Энтузиазм был двигателем той поры, жильем — палатка, а надеждой — вся планета Земля.

У нее спросили: куда она намерена пойти работать?

---

[1] Граф Алексей Алексеевич Игнатьев после возвращения в СССР преподавал в военных учебных заведениях, получил звание генерал-лейтенанта, написал широко известную книгу «Пятьдесят лет в строю».

— Куда же еще? Проектировать, строить. Делать то, что делают все.

Она стала работать в проектной мастерской, на стройке...

— Ну, а голос? Вас не манила сцена, огни рампы, шумный успех?

— Я жила, как на стремнине. Бурный поток подхватывает лодку и несет к новым берегам. А новое всегда манит и тянет. Теперь, когда можно спокойно оглянуться назад и, перебирая годы, все взвесить и оценить, могу сказать: хочется думать, что свой человеческий долг я выполнила.

Июльским вечером 1977 года в тихом переулке старого Арбата, погрузившись в книгу, на балконе сидит пожилая женщина. Она читает без очков, время от времени бросая задумчивый взгляд по сторонам. Наискось через дорогу строят жилой дом; оттуда доносится шум крана и редкие выкрики: «Майна! Вира!» Она прислушивается к этим звукам и понимающе улыбается.

К ней по-прежнему приходят друзья, те, кто бывал у нее в Чернигове на Петербургской улице и в Петербурге на Второй линии Васильевского острова. Они садятся за стол и пьют чай из старинных чашек. Со стены, улыбаясь, смотрит Надежда Петровна Жданович. Иногда друзья засиживаются допоздна, и тогда кто-нибудь из них говорит:

— Ну, мне пора. Завтра с утра в райком. На консультацию пропагандистов...

Недавно у Елены Николаевны был Борис Михайлович Иофан[1]. Они долго говорили о том, что было, что есть и что будет.

Он прочел ей письмо к нему Луиджи Лонго:

«Дорогой товарищ!

В год, когда исполняется пятьдесят лет Итальянской Коммунистической партии, награждаем Вас медалью, посвященной этой исторической дате. Мы посылаем Вам эту медаль в знак горячей братской признательности и

[1] Б. М. Иофан скончался 8 марта 1976 года.

искреннего уважения, которое наша партия питает к тем товарищам, которые, как и Вы, боролись в ее рядах и участвовали в ее первых тяжелых боях. Вы всегда были интернационалистом и сражались в наших рядах... Никогда не будет забыт Ваш вклад в дело борьбы против фашизма, за демократию, свободу, мир и социализм...

Луиджи Лонго».

Братский привет

Письмо, адресованное Борису Иофану — ее близкому другу, напоминает ей о прошлом, и я представляю молодую русскую коммунистку на митинге рабочих в Италии, вдохновенно поющую для итальянских рабочих «Бандьера Росса». А мысли уносят меня и еще дальше, к тем временам, когда юная гимназистка улетела с берегов Десны в мир исканий, борьбы и надежд.

С тех пор прошла целая эпоха, прошумели исторические бури, и вот уже шестьдесят лет минуло с тех пор, когда Елене Жданович сказали в Петербургском комитете РСДРП:

— Отныне ты член партии большевиков!

И, глядя на ее улыбку, поражаясь ее жадному интересу к жизни, ко всему, что происходит у нас в стране и за рубежом, я невольно повторяю слова Виссариона Белинского:

«Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть».

ПОВЕСТЬ О КНЯЗЕ КУГУШЕВЕ, БЕСПАРТИЙНОМ БОЛЬШЕВИКЕ

ОТЕЦ И СЫН

На широких просторах Уфимской губернии, своими нагорьями прильнувшей к Уралу, в давние царские времена раскинулись угодья князя Александра Иовича Кугушева.

Предки Кугушева еще со времен царя Алексея Михайловича гнездились в Тамбовской губернии и происходили от знатного татарского рода. С веками род обрусел, и Александр Иович считался русским князем. Он принимал участие в Севастопольской обороне, был там ранен, вместе с генералом Скобелевым совершил поход в Коканд, завоевывал Хивинское ханство и Бухару. Вернувшись в родные места, женился на богатой невесте Шахуриной, тоже татарского происхождения, получив в приданое золотые прииски на Урале.

В конце прошлого века Александра Иовича потянуло с Тамбовщины на Урал. Земля в Приуралье тогда была мало обжита. Чтобы приобрести землю, дорого платить не приходилось: поставь «миру» ведро водки и бери, сколько хочешь. Так что князь Кугушев за здорово живешь стал одним из крупнейших землевладельцев. В этой семье в первые дни 1863 года и родился Вячеслав.

Вячеслав Кугушев прожил долгую жизнь. Он был уже подростком, когда русские солдаты на Шипке и под Плевной добывали свободу болгарам. И дожил до того счастливого дня, когда немецко-фашистские захватчики были изгнаны почти со всей советской земли. В августовский день 1944 года родные и друзья проводили Вячеслава Александровича Кугушева в последний путь на Ново-Девичье кладбище в Москве.

В конце 30-х годов нашего века по просьбе некоторых учреждений Кугушев написал свою автобиографию. Ее, как и множество других документов, сохранила жена и друг Вячеслава Александровича Анна Дмитриевна Цюрупа-Кугушева, родная сестра Александра Дмитриевича Цюрупы. Вспоминая свое детство и отрочество, Кугушев писал: «Мать умерла через неделю после родов. Отец отсутствовал, отдаваясь целиком стяжательству. Я, старший брат и сестра росли одиноко среди чужих, наемных, часто меняющихся людей.

В период пробуждения сознательности основной установкой реакционно настроенного отца было оградить детей от передовых течений общественной мысли.

Из 4-го класса Уфимской классической гимназии отец отвез меня и брата в Питер, в Первую военную гимназию, где, как он полагал, мы лучше будем ограждены от «превратных мыслей».

Четырехлетнее учение в военной гимназии явилось просветом: военные гимназии, особенно столичные, в то время хорошо были обставлены педагогическими силами.

Разгар крепостнической борьбы, выстрелы Засулич, убийство Мезенцова, взрыв в Зимнем дворце и другие акты террота будили юную мысль и заставляли искать ответов на «проклятые вопросы».

Встретил в Летнем саду Александра II и не снял шапки. Охранники сбили ее и основательно отругали.

1 марта 1881 года я прибежал к месту взрыва, когда оно еще не было оцеплено караулом и любопытные разбирали обломки кареты и лоскутки шинели царя».

ВСТРЕЧА С БЛАГОЕВЫМ

В первые дни апреля 1923 года у себя дома, в Софии, тяжело больной 68-летний Димитр Благоев диктовал дочери, Стелле Благоевой, последние страницы воспоминаний о созданной им в 1883 году петербургской социал-демократической группе.

13 апреля он завершил работу, и в 1924 году первая часть очерков Благоева была напечатана в болгарской коммунистической газете «Звезда». Газету запретили. «Мои воспоминания» распространились в списках и вы-

шли подпольно. В 1928 году они были опубликованы в Москве.

Россия породила Благоева как революционера. «Когда я приехал в Россию,— писал он,— во мне уже кипели революционные дрожжи. Здешние политические и общественные отношения дали им условия для развития, помогая мне выработать себе ясное революционное сознание».

В 1884 году, когда Благоев разработал свою программу передачи государственной власти в руки народа, ему было 27 лет. Боевые соратники называли его «старик». Им было по 19—20 лет.

Юноша, не снявший шапки перед самодержцем всероссийским, пришел к Благоеву и вскоре стал одним из его соратников. В военной гимназии Кугушев тайком читает «Землю и Волю» и «Черный Передел». Идеи народников ему близки, но их программа все же расплывчата, неконкретна. Молодой Кугушев ищет истину. По окончании курса военной гимназии он отказывается от военной карьеры и поступает в Петербургский лесной институт, знакомится с политической экономией, с произведениями Маркса.

Позднее он напишет в своей автобиографии: «Я принял ближайшее участие в создании первой социал-демократической группы, известной в истории партии под именем «благоевской», окунулся в подпольную революционную работу, отдавая ей в течение трех лет все свободное от институтских занятий время и все средства, остававшиеся от скромной жизни студента».

В немногочисленной группе Благоева с первых дней ее организации были распределены функции. Кугушеву была поручена агитационная работа среди рабочих на Выборгской стороне в Петербурге. Кугушев организует четыре кружка.

Идеи Благоевской группы начали распространяться по России. Уже в Москве действовал представитель благоевцев Бороздич, в Харькове — Португалов, собиравшийся создавать типографию и печатать газету русских социал-демократов. Волна революционных идей дошла до Казани и Риги. Появились опорные пункты Благоевской группы в Полтаве, Кременчуге, Ростове-на-Дону, Екатеринославе. Скоро в Петербурге будет создан ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Но Кугушев впервые встретится с Владимиром Ильичем Лениным лишь сорок лет спустя, в Кремле, на квартире у Александра Дмитриевича Цюрупы. Представляя Владимиру Ильичу Кугушева, только что приехавшего из Уфы в Москву, Александр Дмитриевич скажет:

— Познакомьтесь, Владимир Ильич. Это и есть Вячеслав Александрович Кагушев, о котором вы столько знаете...

— Очень рад,— скажет Владимир Ильич и, улыбнувшись, добавит: — А вы знаете, Вячеслав Александрович, ведь в революционном движении вы раньше меня начинали...

— О да! — невозмутимо ответит бывший князь, сотрудник Народного комиссариата продовольствия.

ЗА РЕШЕТКОЙ

О группе Благоева департамент полиции, разумеется, знал, но не очень верил в ее действенность. После арестов, проведенных в связи с убийством Александра II, жандармы полагали, что в России надолго установится кладбищенская тишина. В департаменте разработали программу борьбы с бунтарями. Когда же вышел первый номер газеты «Рабочий», жандармы переполошились: печатного слова они боялись пуще огня. В группу Благоева заслали провокатора Сюзюмову.

Судя по документам, на первых порах благоевцы пользовались портативной типографией, которую добыл Кугушев, ездивший за ней в 1884 году в Западный край. Хозяйкой типографии была бывшая народоволка, сочувствовавшая благоевцам, Дебора Познер. 6 октября 1884 года Дебору Познер арестовали, а типографию изъяли. Начались аресты в Петербурге и других городах. Кугушев в это время находился в пензенском имении отца. Там его схватила полиция и тотчас же отправила в «предварилку». Месяц сидит Кугушев за решеткой. Допрос следует за допросом. Постепенно Вячеслав узнает, что вся организация провалилась, а список Благоевской группы обнаружен у Лопатина, члена организации. В Петербурге вскоре арестовали Благоева. Жандармы ввалились к нему на рассвете, скрутили руки, стали искать книги. Благоев вспоминал об этом: «До сих пор не могу забыть невежества, обнаруженного по-

лицейскими, хотя их руководителем был довольно высокого чина офицер, кажется, майор... Попалось им сочинение Туна на немецком языке «История революционного движения в России». Полицейский офицер развернул книгу и спрашивает меня:

— Это книга какая?

— История России на немецком языке,— отвечаю.

Взял книгу на французском языке, «Историю французской революции» Луи Блана, перевернул ее, перелистал и наконец спросил:

— А эта книга?

— История Франции,— отвечаю ему.

Отдает мне и ее; значит, ничего «преступного» нет в ней.

Пришла очередь первого тома «Капитала» Маркса. Я сказал себе: кончилось, пропала моя книга, непременно ее арестуют. Она на русском языке, и он сам поймет, что из «преступных», запрещенных книг. Однако на ней он меньше всего остановился. Прочитал: «Капитал» — и спросил меня быстро:

— Что это за «Капитал»?

— Это значит,— сказал я ему,— политическая экономия, учебник для изучения экономических вопросов.

— Так, так, необходимо изучать экономические вопросы,— ответил жандарм.

И вернул книгу».

Арест Кугушева вызвал переполох не только в Уфе, Пензе и Тамбове, где раскинулись княжеские угодья, но и в великосветских кругах Петербурга. Высшее общество, пуще огня боявшееся проникновения революционной «заразы» в свою среду, было шокировано. В ход были пущены родственные и деловые связи. Снарядили влиятельных особ к министру внутренних дел, и тот через месяц выпустил Кугушева из тюрьмы и даже разрешил продолжать учебу в Лесном институте, разумеется, учредив за бунтарем негласный надзор.

После окончания института его отправили поближе к крепостнику-отцу в Уфу, где назначили помощником лесничего. Пусть там он избавится от тлетворного духа. Однако то ли жандармы не верили, что князь возвратится на стезю благоразумия, то ли им стало известно о его связях с социал-демократами, но его снова упрятали в тюрьму. Произошло это в мае 1887 года в Уфе.

1/211 Заказ 314

После четырехмесячной отсидки Кугушева выпускают под большой денежный залог, запрещают служить на казенной службе и приказывают поселиться в имении отца, под его бдительным оком.

Кугушев принимает твердое решение: все свои силы и средства отдать революции.

Когда это решение принято, нужна особая тактика. Кугушев скрепя сердце идет навстречу требованию старого князя и подает царю прошение о помиловании. В июне 1888 года его снова допускают на казенную службу. Через много лет он напишет о том времени: «Период с 1888 по 1898 год был самым мрачным и тяжелым в моей жизни: приходилось постоянно лгать, обманывать, лицемерить и вести политику в семье, чтобы не лишиться наследства, чем систематически угрожал отец. У меня же была определенная установка получить средства и отдать их на революцию». В 30-е годы Кугушев с доброй улыбкой говорил родным и друзьям у себя на квартире на Покровском бульваре в Москве:

— Я правильно распорядился своим состоянием: вложил его в самое надежное в мире дело — отдал большевикам.

ВЛАДЕТЕЛЬ ПОМЕСТЬЯ

Близился конец XIX века. Старый князь решил разделить свои огромные поместья между тремя наследниками, «потопить» сына-бунтаря в хозяйственных заботах. Вячеславу он выделил поместья в разных концах своих владений: на Тамбовщине и на Урале — хутор Узенский. Эти имения расстроены, и надо приложить много сил, чтобы привести их в порядок.

После раздела поместий Вячеслав Кугушев еще больше отдалился от семьи. Старик отец редко приезжает из Подлубова. У него есть верные люди в Узенском, и через них он узнает все, что ему надо. Но сын внешне ничем не выдает себя, и старый князь успокаивается. Со старшим братом у Вячеслава никогда не было большой близости, и они видятся редко. Сестра Ольга, женщина деспотичная, не любит Вячеслава за его вольнодумство и почти не общается с ним. Изредка тройка подкатывает к дому на Узенском хуторе. Вячеслав Александрович обязан выйти на крыльцо встречать сестру. Если не вый-

дет и не отвесит низкий поклон, тройка тут же повернет обратно. Каждый раз Ольга резко выговаривает брату по поводу его простой одежды, презрительно оглядывает Кугушева и сквозь зубы цедит:

— Все нигилиствуешь, братец?

— Отрицаю, сестрица.

Ольга Александровна посидит немного для приличия и ускачет. У нее свои заботы. Дома подрастает красавица дочь Маша. Надо думать о подходящей партии для нее. В уфимской глуши жениха не подберешь. Вокруг все захудалые помещики да отставные офицеры. Придется, видимо, везти дочь в Москву или даже в Петербург — пора вывозить ее в свет.

Внешне «мирная» жизнь князя не убедила уфимского губернатора в том, что тот смирился. Когда в 1901 году Кугушева вторично избрали в земскую управу, губернатор Богданович не утвердил это избрание.

Кугушев решает уехать за границу. Отцу он сообщает, что едет совершенствоваться в лесном деле. Но, конечно, это только предлог. Кугушев намерен восстановить старые революционные связи за границей, если удастся, свидеться с Благоевым.

За свои имения Кугушев спокоен. Некоторое время назад друзья порекомендовали ему хорошего управляющего. Его зовут Александр Дмитриевич Цюрупа. Он молод, но опытен в хозяйственных делах, умен. Они стали близкими друзьями. В сущности, ведь и план поездки за границу для установления связей подсказал князю Цюрупа. Плану этому не суждено сбыться. В марте 1902 года в Москве, когда Кугушев направлялся за границу, полиция арестовала его. Ему предъявили обвинение в попытке ниспровергнуть существующий строй.

Вот когда взвыла вся родня Кугушева, все ближние и дальние сиятельства и превосходительства. В Подлубове, у отца, собрался семейный совет.

Специально приехавшие уфимские родственники требовали объявить молодого князя сумасшедшим и запереть в психиатрическую лечебницу, только подальше, например в Екатеринбург. Старый князь объявил свою волю: он подает прошение царю и дворянскому собранию об установлении опеки над имуществом бунтаря.

Вячеслав Александрович, находясь в тюрьме, узнает об этом. Если опека будет установлена, прощай тогда

тайный план передать все деньги на революционную борьбу. И теперь Кугушев уже не по требованию старого князя, а против его воли подает прошение о помиловании: прошению неизбежно будет дан ход, а это снимет вопрос об опеке. Таков единственный выход.

И вот начинается борьба. Дознание закончено, и прокурор Московской судебной палаты дает Вячеславу Кугушеву характеристику, которая наверняка должна прочно упрятать его в сибирскую глушь. «Кугушев,— пишет прокурор,— является в политическом отношении не только неблагонадежным, но безусловно опасным в смысле твердого усвоения образа мыслей и действий террористического характера».

Начальник Московского губернского жандармского управления написал на Кугушева еще более злобную характеристику.

Судебная машина сработала, как того требовал прокурор: Кугушева держали полтора года в тюрьме, а затем отправили на пять лет в ссылку.

На северном берегу Онежского озера, врезающегося «губой» в карельскую землю, стоит город Повенец. Собственно, не город, а небольшой деревянный поселок, затерявшийся среди озер и лесов. Глухомань, из которой и впрямь хоть три года скачи — ни до какого государства не доскачешь.

Но даже Повенец жандармы сочли опасным для поселения там Кугушева и отправили его в село Паданы Повенецкого уезда.

В ту пору Паданы стали одним из центров ссылки. Из Петербурга, Москвы, с Урала туда привозят в кандалах революционеров. Кандалы в Паданах снимают: отсюда все равно не удерешь — в лесах погибнешь, в бесчисленных реках и озерах утонешь, не выберешься.

Прошение о помиловании помогло. Попытка старого князя установить опеку над имуществом сына провалилась. Из Падан князь через верных людей пересылает письма в тамбовское имение Александру Дмитриевичу Цюрупе, просит выслать деньги и, кстати сказать, раздает их ссыльным.

Однажды Кугушев тайком отправился из Падан в еще более глухие места навестить ссыльных друзей и передать им деньги.

Дорого обошлась Кугушеву самовольная отлучка.

Паданский урядник и прибывший жандарм ввалились в избу, где он жил, избили его, заковали в наручники и отправили в карцер в деревню Кугановолок. Оттуда через несколько месяцев его перевезли в городок Пудож, а затем — в поселок Вытегру, на противоположном берегу Онежского озера. Ехали туда долго на лошадях, шли пешком, плыли по озеру. Привез жандарм Кугушева, подъехал с ним к дому, сказал:

— Здесь жить будешь.

Из дома навстречу выбежал человек. Князь взглянул и обмер: перед ним стоял Александр Дмитриевич Цюрупа.

Шел 1904 год. Над Вытегрой светились белые июльские ночи.

Цюрупу арестовали в 1902 году в тамбовском имении Кугушева, когда князь уже сидел в московской тюрьме, и выслали в Вытегру вместе с семьей. Были там в ссылке и известный латышский революционер Ян Антонович Берзин и другие большевики. В эту колонию сразу же вошел Кугушев.

В разгар холодного северного лета в Вытегру приехал брат Цюрупы, Лев Дмитриевич. У Кугушева возникла идея — продать свое тамбовское имение «Отрада», а деньги передать социал-демократам. Так и было сделано. Лев Дмитриевич получил доверенность Кугушева, выехал на Тамбовщину и выполнил поручение. В большевистскую кассу через верных людей отправили 108 тысяч рублей.

В тот вечер, когда пришло сообщение, что деньги у большевиков, Цюрупа и Кугушев долго гуляли по Вытегре. Александр Дмитриевич, не скрывая своего волнения, сказал князю:

— Настанет день, Вячеслав Александрович, и мы расскажем народу обо всем, что вы сделали для нашего дела.

ПОБЕГ

В начале нынешнего века отдельным корпусом жандармов в России ведал князь Святополк-Мирский, товарищ министра внутренних дел.

В 1904 году убили министра внутренних дел Плеве. На его место назначили Святополк-Мирского. Началась

так называемая «эра либеральной весны». «Либеральная весна» докатилась и до олонецких лесов, до Вытегры. В конце 1904 года оттуда уехал в Уфу Александр Дмитриевич Цюрупа со своей семьей. Перед отъездом Кугушев вновь дал ему доверенность на управление всеми своими имущественными делами.

После Кровавого воскресенья Святополк-Мирского убрали, и на его место пришел московский обер-полицмейстер палач Трепов. «Либеральная весна» окончилась. Кугушев решил бежать за границу.

Мы знаем уже, что в Вытегре находилась тогда социал-демократка Роза Гармиза, с которой очень быстро сдружилась вся колония. Была она молода, миловидна, никогда не унывала. Кугушев подружился с Розой, посвятил ее в свои планы. Решили, что вместе с Кугушевым побег совершит большевик Ян Берзин.

К весне 1905 года план побега окончательно созрел.

Кугушев и Берзин часто ходили на рыбалку. Решено было, что они имитируют свою гибель и на каком-нибудь суденышке доберутся до Петербурга, а уж оттуда махнут за границу.

Роза добыла одежду для беглецов и через местных жителей узнала, что в Вытегре скоро сделает остановку нефтяная баржа «Клара», которая прямым ходом отправится в Петербург. Решили бежать на этой нефтебарже.

Настал день, на который был назначен побег. Кугушев и Берзин с утра отправились на рыбалку близ пристани. Удочки забросили в воду, сидели молча. Вскоре раздался далекий гудок, а затем показалась баржа.

Берзин и Кугушев быстро переоделись, оставили свою одежду на берегу и помчались к пристани. Скоро они уже плыли в Петербург.

Вечером Роза пошла «искать» своих друзей, разумеется, не нашла их и с мастерством трагической актрисы, плача, сообщила в поселке, что несколько часов прождала на берегу Берзина и Кугушева, но они не пришли и, ясное дело, утонули.

Ссыльные горько «оплакивали» своих собратьев. В это время Кугушев из Петербурга пробрался через пограничный городок Гольдап в Берлин, где отпраздновал свое освобождение. Берзин остался в Петербурге.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кугушев возвратился на родину в 1906 году, когда в России была подавлена революция и царские власти создали в стране обстановку всеобщего страха и произвола.

После долгих раздумий Кугушев, как он позже писал, решил в «целях защитной окраски» зачислиться в кадетскую партию. Эта партия так называемых конституционных демократов была «вполне благопристойной», в нее входило много зажиточной публики, включая университетских профессоров-консерваторов.

Помещики стали присматриваться к Кугушеву — что это он вдруг этаким буржуазным либералом становится? Но они и сами не прочь были поиграть в либералов и даже избрали Кугушева членом так называемого Государственного совета. Совет этот был совещательным органом при царском правительстве и ничего не решал. Зато Кугушеву избрание помогло.

В ту пору социал-демократическое издательство «Новый мир» переживало очень трудные времена. Финансовое положение его было отчаянным. Кугушев снова решил помочь социал-демократам. Заложил одно из своих имений, получил пятьдесят тысяч рублей и деньги передал издательству.

Надзор полиции не прекратился, но жандармы уже не могли врываться в имение, а вертелись поодаль. Кугушев решил воспользоваться правом неприкосновенности личности члена Государственного совета и создал в Узенском «красное гнездо», как его называли помещики в округе.

После революции 1905 года многие большевики были высланы в Уфу, Самару и другие волжские города. В Самаре жил тогда видный большевик Алексей Иванович Свидерский, женатый на сестре Цюрупы. С Кугушевым Свидерский познакомился еще в олонецкой ссылке, а когда Кугушев вернулся в свое имение, Свидерский часто приезжал к нему.

В праздники, да и в будни в Узенском появлялись и другие революционеры, живали там по месяцу — два. Жандармы рыскали вокруг хутора, засылали туда соглядатаев, но сами появляться не смели: закон есть закон. Особенно взволновались жандармы и присланные

агенты охранки летом 1907 года. Разнесся слух, что в Узенском появился Владимир Ильич Ленин. Вокруг Узенского на дорогах были выставлены постовые и дозорные.

Не было Владимира Ильича в Узенском. Просто шпики охранки всюду от страха видели Ленина.

РЕВОЛЮЦИЯ

Быстро мчались годы после первой русской революции. «Красное гнездо» в Узенском приняло новых обитателей. По-прежнему туда приезжали семьи Свидерского и Цюрупы, подолгу находились там и другие большевики, сбежав от жандармского глаза и пользуясь гостеприимством хозяина хутора и его правом неприкосновенности.

Вспоминая те годы, Вячеслав Александрович скупо записал в своей автобиографии: «В 1909 году ушел из Государственного совета и поступил снова на службу в Донской земельный банк, где работал до Великой Октябрьской революции, совмещая с банковской работой в пяти губерниях широкую общественную работу в земстве Уфимской губернии и городских управлениях Уфы и Самары.

В февральском перевороте участвовал в Самаре путем агитации в местном гарнизоне и в качестве комиссара тюрьмы после переворота».

...В доме на Покровском бульваре в Москве, где жил Вячеслав Александрович, его жена Анна Дмитриевна Цюрупа-Кугушева рассказала о последних годах перед революцией. Кугушев много разъезжал по городам Поволжья. Служба в земельном банке позволила ему легализировать свое положение. Он передавал деньги для РСДРП, часто виделся с Александром Дмитриевичем Цюрупой, с которым у него были сердечные отношения.

Когда свергли царя, Кугушев жил в Самаре. Накануне Февральской революции он много времени проводил в местном гарнизоне, агитировал солдат выступить против самодержавия, за власть народа. С рабочим отрядом ворвался в здание местной тюрьмы и с криком «Тиран пал! Свобода, товарищи, свобода!» начал сбивать замки

с тюремных камер. Кугушева назначили комиссаром тюрьмы.

Я спрашивал Анну Дмитриевну, жену Кугушева:

— Чем объяснить, что Вячеслав Александрович так и не вступил в партию большевиков? Ведь он до Октябрьской революции отдал борьбе против царизма тридцать четыре года?

— Вячеслав Александрович отвечал на этот вопрос очень просто: «Я и так большевик».

И это была правда. Яков Михайлович Свердлов так и называл Кугушева: беспартийный большевик. Александр Дмитриевич Цюрупа тоже так называл его. Но была, конечно, еще одна причина, по которой Вячеслав Александрович формально не вступал в партию. Князь по происхождению, он понимал, что найдутся люди, которые скажут: «Примазался», другие просто будут издеваться над ним. Не поверят, что из идейных соображений. Ведь вот же какие случаи с ним бывали. После Октября Вячеслав Александрович сказал: «Все отдам новой народной власти». Готовил хутор Узенский, чтобы отдать его большевикам «на полном ходу», как он говорил: весь хлеб, скот, все службы. Чтобы люди сразу же могли пользоваться. Но тут пришли какие-то агитаторы-анархисты, ворвались в дом и приняли постановление: князя Кугушева немедленно выселить. И выселили. А хутор разорили.

Анна Дмитриевна рассказывает мне, что после революции Вячеслав Александрович начал работать в управлении Народного комиссариата продовольствия по Уфимской губернии. Уполномоченным комиссариата там был тогда старый большевик, чудеснейший человек, Михаил Васильевич Котомкин — «Котомочка», как его звали друзья. Только Кугушев поступил на работу в управление Наркомпрода, как злые языки слух по городу распустили: князь наживается, хлеб прячет. Ночью из ЧК пришли с обыском. Хлеба, конечно, никакого не нашли. Кугушевы тогда впроголодь жили. Но все остальное забрали из дому. Котомкин сразу же вмешался. Чекисты извинились, все личные вещи вернули.

Все это очень ранило Вячеслава Александровича, мешало ему жить. Посоветовались тогда друзья в губернском комитете большевиков, и председатель губернского

исполкома вызвал Кугушева и сказал ему: «Вячеслав Александрович, здесь вам все время будут гадости чинить. Можно, конечно, на это никакого внимания не обращать, но знаю, что вы тяжело переживаете сложившуюся ситуацию. Поезжайте в Москву. Там вам легче работать будет».

И в столице бывали мелкие неприятности. Но рядом с Владимиром Ильичем и такими большевиками, как Александр Дмитриевич Цюрупа, он чувствовал себя спокойнее, уверенней. Он делал все, что было в его силах, ради победы пролетариата.

Анна Дмитриевна вынимает из ящика большую папку с документами и фотографиями, передает ее мне и говорит:

— Здесь вы найдете многое, что вам поможет разобраться в жизни Вячеслава Александровича. Вот документы, связанные с выполнением специального задания Владимира Ильича Ленина: спасти семьи большевиков от расстрела колчаковцами.

О том, как справился он с этой миссией, мы уже знаем, но некоторые факты повторить небезынтересно.

В ТЫЛУ У КОЛЧАКА

Это произошло летом 1918 года, когда Советское правительство только что переехало из Петрограда в Москву.

Буржуазный мир начал войну против Советской Республики. В эту войну включились и войска белочехов, которых поддерживал царский адмирал Колчак. Белогвардейцы захватили Уфу. Начались аресты в рабочих кварталах, расстрелы и истязания. В Уфе жили тогда семьи видных работников Советской власти, не успевшие переехать в Петроград.

Захватив Уфу, белогвардейцы бросили в тюрьму в качестве заложников семьи Цюрупы, Брюханова и других большевиков. Всем им, в том числе и малолетним детям, грозил расстрел.

Злодейский замысел белогвардейцев вызвал протест даже у находившихся в России иностранных дипломатов. «Консульства нейтральных государств в Москве,— теле-

графировали дипломаты,— просят заявить кому следует... что подобные действия противоречат международному праву...»

Между Москвой и Уфой через Самару и другие города по радио начались переговоры. 20 августа 1918 года в Сарапульский Совдеп из Совнаркома была отправлена срочная телеграмма, которая предписывала: ввиду предполагаемого обмена содержащихся под стражей в Сарапуле уфимских заложников на семьи большевиков, арестованные в Уфе, принять меры к ограждению жизни белогвардейцев-заложников.

В конце августа — начале сентября шли переговоры с Уфой о месте обмена. В Уфе эти переговоры вела находившаяся там на свободе Нина Цюрупа. Но колчаковцы затягивали дело. Надо было немедленно послать в Уфу верного человека, который спасет обреченных на гибель. Цюрупа предложил Ленину и Свердлову послать Вячеслава Александровича Кугушева.

Кугушев сразу же принял предложение. 28 ноября 1918 года в штаб 5-й армии была послана телеграмма о том, что выезжает уполномоченный Всероссийского Центрального исполнительного Комитета Кугушев для обмена заложников с Уфой. Предлагалось оказать ему всяческое содействие и выдать надлежащие документы для беспрепятственного переезда через фронт совместно с сопровождающим его гражданином Шубиным.

Кугушев, рискуя жизнью, перешел линию колчаковских войск. Озлобленные белогвардейцы могли расстрелять его в Уфе, где переговоры шли в весьма сложной обстановке.

Выдержка Кугушева, его дипломатические способности позволили благополучно завершить переговоры. Колчаковцы вот-вот должны были эвакуировать Уфу и потребовали, чтобы Кугушев незамедлительно оставил город. Ночью Кугушев ушел из Уфы.

Вскоре после этого Свердлов прислал Кугушеву теплое, дружеское письмо, поблагодарил его за выполнение ленинского задания, за самоотверженную помощь Советской власти.

НА СЛУЖБЕ У НАРОДА

Оглядываясь на пройденный путь, Кугушев завершил свою автобиографию следующими словами: «Итоги жизни: трудовой стаж 39 лет, в том числе советский — 11 лет, кроме того, в тюрьме отсидел 2 года, в ссылке и эмиграции — 2 года, под надзорами, гласными и негласными,— с 1883 года до Октябрьской революции».

С того дня, когда Кугушев стал комиссаром тюрьмы, он открыто переходит на службу народу.

Он внимательно прислушивается к биению пульса революции и радуется ее твердым шагам. Он, благоевец, с ней до конца. Да, ради этого он и его друзья собирались на конспиративных квартирах, мечтали вместе с Благоевым о новой России.

7 февраля 1919 года в «Правде» публикуется политическое заявление Вячеслава Кугушева. Вот оно: «Великие исторические бедствия потрясли мир и снова пробудили в трудовых массах вечное стремление к коренной общественной перестройке.

Я почитаю долгом искреннего и сознательного общественного работника всеми имеющимися силами поддержать великий почин Российской коммунистической партии в строительстве новой жизни и потому покидаю партию конституционных демократов, не разделяя ее отношения к новой мировой обстановке».

Вернувшись в 1919 году из поездки по Уфимской губернии, Кугушев застал дома письмо от Владимира Ильича. Вот что сказано в письме В. И. Ленина:

«Уфа

Тов. Вячеславу Александровичу Кугушеву

Тов. Кугушев! Позвольте обратиться к Вам с одной просьбой. В Уфу едет Лидия Александровна Фотиева, которую я хорошо знаю еще с периода до 1905 года и с которой я работаю долго в СНК.

Л. А. Фотиева совсем больна, а нам сие «казенное имущество» (секретаршу СНК) необходимо *выправить.* Прошу Вас очень принять все меры, чтобы помочь Л. А. Фотиевой устроиться, лечиться и кормиться *на убой.*

Тов. А. Д. Цюрупа сказал мне, что Вы Л. А. Фотиеву знаете и не откажетесь помочь ей.

Заранее благодарю Вас, прошу мне черкнуть с оказией (военной, например) о получении этого письма.

С товарищеским приветом

В. Ульянов (Ленин)».

Как же Вячеслав Александрович выполнил поручение Ленина? Я попросил Лидию Александровну Фотиеву рассказать об этом.

— На ленинское письмо он отозвался всей душой. Помог мне устроиться с комнатой, все сделал, чтобы после болезни я пришла в себя. Я пробыла в Уфе несколько недель, а затем возвратилась в Москву... И вообще должна сказать, что Кугушев был прекрасный человек, до конца преданный Советской власти.

Вскоре после уже известного разговора с председателем Уфимского губернского исполкома Кугушев навсегда переехал в Москву.

Быть может, Кугушев не уехал бы из Уфы, но 7 июля из Москвы по прямому проводу была передана телеграмма, подписанная Свидерским. Он сообщил, что в правительственных кругах разрешен в положительном смысле вопрос образования Комитета помощи голодающим неурожайных местностей и что в комитет войдут многие прежние общественные деятели. Свидерский писал, что Кугушев будет включен в комитет, возможно, для сбора средств ему незамедлительно придется отправиться за границу, и просил срочно переехать в Москву.

Работа в Комитете помощи голодающим захватила Кугушева. Он часто выезжал в Поволжье, где занимался распределением хлеба, отправлял туда эшелоны, организовывал столовые, раздачу хлеба.

А потом Кугушева послали уполномоченным Народного комиссариата продовольствия в Ревель, откуда он отправлял пароходы с хлебом в Россию.

Так и шли годы, заполненные трудом ради блага новой России.

Радуясь, смотрел он, как поднимается из руин страна, как один за другим вступали в строй заводы, а на улицах становилось все меньше голодных, исчезли беспризорники.

В 1923 году Вячеслав Александрович перешел во Всесоюзный кооперативный банк и семь лет проработал там инспектором. Есть много людей, которые помнят Кугу-

шева, доброго, скромного человека. Но мало кто знал о его прошлом. Он никогда ничего никому не рассказывал. Он считал, что место человека в обществе определяется только одним: какую пользу приносит он народу. Два тяжких удара перенес Кугушев в те годы. Кончину Владимира Ильича, которую он воспринял как страшное личное горе. И через четыре года — смерть его друга и товарища Александра Дмитриевича Цюрупы. Ушел из жизни человек, которого с Кугушевым связывали десятилетия светлой дружбы.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В начале января 1930 года Кугушев решил уйти на пенсию. Ему минуло 67 лет, можно было подумать и о покое. 15 января 1930 года Совет Народных Комиссаров Советского Союза назначил Вячеславу Александровичу Кугушеву за его революционные заслуги перед Советской страной персональную пенсию в размере 225 рублей в месяц.

11 марта 1935 года Совет Народных Комиссаров Союза ССР увеличил эту персональную пенсию до 350 рублей в месяц. В ту пору росли цены, и в связи с этим правительство подтягивало заработную плату рабочих и служащих. Не забыл Совнарком и старого революционера.

А когда в сентябре 1938 года какой-то «чин» из ведомства социального обеспечения сообщил семидесятипятилетнему Кугушеву, что за отсутствием революционных заслуг «он лишен персональной пенсии», десятки старых большевиков, и среди них Михаил Иванович Калинин и Надежда Константиновна Крупская, подтвердили, что он имеет серьезные революционные заслуги. Написали все, кто знал Кугушева по казематам, по следственным тюрьмам и олонецкой ссылке, кто лично из его рук принимал тысячи и тысячи рублей для партии большевиков, кто помнил его работу в подпольных изданиях и типографиях российских социал-демократов, кто был в Уфе, когда он спасал семьи большевиков от террора колчаковцев. И много теплых, хороших слов было написано в этих свидетельских показаниях о бывшем князе Вячеславе Александровиче Кугушеве, беспартийном большевике. А слушатель Военной академии

Красной Армии майор Дмитрий Цюрупа, член партии с 1920 года, от имени всех своих родных засвидетельствовал, что им известна «революционная работа В. А. Кугушева и его преданность делу пролетарской революции, каковой он содействовал как широкой и систематической денежной помощью, так и путем выполнения поручений Уфимского подпольного комитета РСДРП».

Конечно, персональную пенсию Вячеславу Александровичу Кугушеву восстановили.

Идеи Октябрьской революции были кровно близки и понятны широким массам России. Поэтому она победила. Но ее притягательная сила была настолько велика, что она привлекала на свою сторону и таких людей, как Вячеслав Александрович Кугушев — бывший владетельный князь.

СОДЕРЖАНИЕ

Зиновий Савельевич Шейнис

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

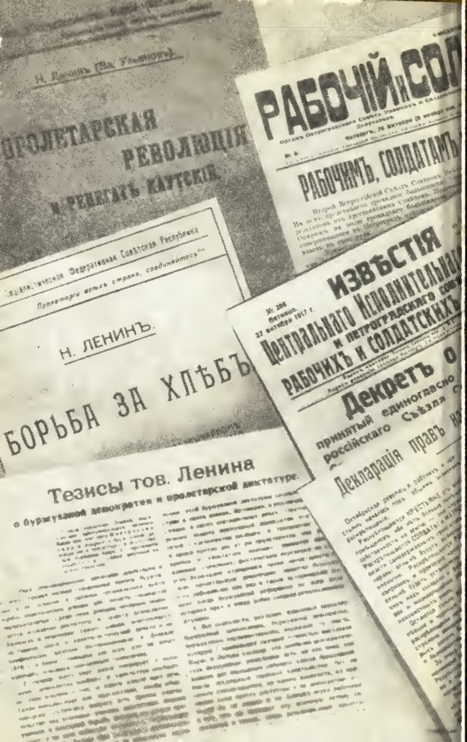
Редактор **И. М. Поспелова**
Художник **С. И. Сергеев**
Художественый редвктор **В. В. Щукина**
Технический редактор **И. И. Капитоиова**
Корректоры **М. Е. Барабаиова, Э. З. Сергеева**

ИБ № 1084

Кодированный оригинал-макет нздаиия подготовлен иа электроином печатио-кодирующем и корректирующем устройстае «Север». Подписаио к печати 15/XII-77 г. Формат издаиия 84×108¹/₃₂. Физ. п. л. 9,5+8 акл. Усл. п. л. 16,80 Уч-изд л 17,15. Изд. иид. НА-41. А13185. Тираж 50.000 экз. Цена 75 коп. Бум. № 1 типогр. Зак. № 314.

Издательство «Советская Россия» Государстаеииого комитета Совета Министроа РСФСР по делам издательств, полиграфии и кииживой торговли, Москав, проезд Сапуноаа, 13/15.

Книжиаи фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государствеииого комитета Соаета Миииистроа РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торгоали, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).
ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И РЕНЕГАТЪ КАУТСКІЙ
РАБОЧИМЪ, СОЛДАТАМЪ
Федеративная Совѣтская Республика
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
ИЗВѢСТІЯ
и петроградскаго
РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ
Н. ЛЕНИНЪ.
БОРЬБА ЗА ХЛѢБЪ
Декретъ
принятый единогласно
россійскаго Съѣзда
Декларація правъ
Тезисы тов. Ленина
о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре

ДАТ

КРЕСТЬЯНАМ

КОМИТЕТА

ДЕПУТАТОВЪ.

МИРѢ,

засѣданіи Все

Россіи

ДОВЪ

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаг[о] во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизон[а]

немедленное пр

мѣна помѣщич

оль надъ произ

ительства —

ОЧИХЪ, СОЛД

№ 209 Суббота 28 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ЦѢНА: въ Петроградѣ 15 коп.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совѣта РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

75 коп.